

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Институт социально-политических исследований

М.Н. Руткевич

Социальная структура

Москва • Альфа-М • 2004

УДК 31
ББК 60.54
Р90

*Печатается при содействии Российского фонда
фундаментальных исследований (РФФИ),
проект № 94-06-87049*

Руткевич М.Н.
Р90 Социальная структура. — М.: Альфа-М., 2004. — 272 с.

ISBN 5-98281-020-7 (В пер.)

Раскрываются вопросы теории социальной структуры. Рассматривается эволюция социально-классовой структуры советского общества. Особое внимание уделяется трансформации социальной структуры российского общества в период реформ и модернизации (с начала 1990-х гг. по настоящее время). Предлагаются пути выхода страны из социально-экономического кризиса, перелома демографической ситуации.

Для научных работников и специалистов в области социологии, демографии, экономики.

**УДК 31
ББК 60.54**

ISBN 5-98281-020-7

© «Альфа-М», 2004
© Руткевич М.Н., 2004

ВВЕДЕНИЕ

Занимаясь проблемой социальной структуры с середины прошлого века, автор решил завершить свои исследования и размышления трудом обобщающего характера, в котором могли бы найти отражение бури последнего периода истории нашей страны. Для более полного понимания содержания книги во введении следует остановиться на четырех вопросах.

Первый вопрос — *о связи социологии с государственной политикой*, прежде всего *социально-экономической*, в нашей стране. Если первый раздел книги посвящен вопросам социологической теории, главным образом социальной структуры общества, то связь этой теории с политикой прослеживается сначала в отношении советского (второй раздел), а затем современного российского (третий раздел) государства.

Причина выдвижения этой проблемы на первый план достаточно очевидна. Российская Федерация уже более десятилетия находится в состоянии тяжелейшего социально-экономического кризиса, который привел страну к упадку во всех отношениях, колоссальной по любым меркам *социальной поляризации*, растущему разрыву в уровне жизни незначительного меньшинства обогатившихся «новых русских» и основной массы трудящихся.

Великая *социалистическая* держава с высоким уровнем развития промышленности, сельского хозяйства, науки и достойным уровнем благосостояния граждан превратилась в страну периферийного *капитализма*, сырьевого придатка развитых стран. Глубина падения от СССР к РФ была обрисована в недавнем выступлении очень хорошо информированного министра финансов РФ А. Кудрина в выступлении на конференции в Нью-Йорке: Российская Федерация по уровню ВВП (валового внутреннего про-

дукта) на душу населения (примерно 2,1 тыс. долларов в год) из первой двадцатки перешла на... 99-е место в мире, оказавшись ниже некоторых стран Черной Африки. И это при среднемировом уровне 5,5 тыс. долларов, 25–30 тыс. в Западной Европе, более 30 тыс. в США, Канаде и ряде стран Северной Европы, например в Норвегии.

Бедная естественными ресурсами Норвегия не в пример нам использовала открытие нефтяных залежей в глубинах Северного моря для развития современной промышленности «хай-тек» и поднятия жизненного уровня населения при последовательно осуществляемой политике *сближения различных его слоев по уровню жизни*, насколько это вообще достижимо в условиях господства капиталистической частной собственности на основные средства производства. В этой стране (а также Швеции, Дании, ряде стран Центральной Европы) так называемый децильный коэффициент (соотношение доходов на душу населения между 10% наиболее обеспеченных и 10% наименее обеспеченных слоев населения) не превышает 5:1. В СССР он был равен 3–4, а в современной России, согласно сводкам Госкомстата, превышает 14; независимые экономисты оценивают его никак не менее 25.

Вывод из приведенных фактов очевиден. Необходимость искоренения бедности основной массы населения страны, о чем не раз упоминал Президент России В.В. Путин, в том числе в последнем Послании Федеральному Собранию в мае 2004 г., давно назрела. Но искоренить бедность большинства населения *невозможно* в условиях сохранения полукOLONиальной экономики, сидящей на «нефтяной игле», и сложившейся при капитализации страны *социальной поляризации* общества.

Кардинальное изменение трагической для судеб России ситуации неосуществимо без коренного изменения курса социально-экономической и неразрывно связанного с ним курса научно-технической политики, без реструктуризации общественного производства в направлении преимущественного развития отраслей высокой технологии, базирующихся на использовании новейших достижений науки. Только на этом пути может быть разрешена задача успешного развития производительных сил, постоянного не только количественного роста ВВП, но и качественного изменения источников этого роста и, на этой основе, преодоления бедности подавляющего большинства населения. В настоя-

шее время в состоянии бедности находится, по нашим подсчетам, более чем две трети граждан, в том числе не менее 25% *за пределами нищеты*. Упоминая эти цифры (о чем подробнее будет сказано в разд. III), мы исходим из международно признанных стандартов, согласно которым доход менее 4 долларов на душу в сутки означает бедность, а ниже 2 долларов — нищету. Для России наших дней характерны именно эти цифры¹.

Президент России в упомянутом выше Послании возвращался к вопросу о преодолении бедности. Все дело в том, *как* и в *какие сроки* может быть осуществлен исторический поворот в развитии России, подобно тому как это произошло за 10 послевоенных лет в Западной Германии (Эрхард) и Японии (Икэда).

Вопрос о коренном изменении социально-экономического курса правительства страны, как самый насущный, обсуждается далее в различных его аспектах во всех разделах книги.

Второй главный вопрос — *методологический*. Автор всегда стоял на позициях творческого марксизма и сейчас продолжает придерживаться философии марксизма начала XXI в.

Основные положения теории Маркса — материалистическое понимание истории человечества и теория прибавочной стоимости — полностью выдержали испытание временем на протяжении полутора столетий после их провозглашения в середине XIX в. К социологии имеет самое прямое отношение материалистическое объяснение жизни человеческого общества, называемое иначе диалектико-материалистическим — это основное положение теоретической социологии марксизма. Мы особенно подчеркиваем необходимость диалектического понимания общественной жизни, так как и в деятельности людей и в их взаимоотношениях неразрывно переплетены материальное и духовное начала, но в их *взаимодействии*, как подчеркивал Энгельс в письмах 1890-х гг., в конечном счете определяющим является материальный фактор — прежде всего производство материальных благ из вещества природы с помощью созданных самим же человеком для этих целей орудий труда.

Но теория Маркса не стоит на месте, она непрерывно развивается, обогащается благодаря опыту истории и достижениям общественных, естественных наук, математики и вычислительной тех-

¹ Расчеты выполнены автором на основе издания Госкомстата: Социально-экономическое положение России. 2003. XII.

ники. В настоящей книге особое внимание уделяется связи материалистической диалектики в ее применении к социологии с таким общенаучным направлением, каковым является теория систем или, иначе говоря, *системный анализ*. О значении этого метода для социологии автор уже ранее высказывал свое мнение¹, но в данной книге дополнительно обосновывает тезис о необходимости различения качественного и количественного системного подхода, что представляется важным, в частности, при изучении социальной структуры общества и составлении прогнозов его развития.

Количественный подход, имея своей основой качественный, т.е. установление общих перспектив и стадий развития того или иного процесса и связей между этими стадиями (этапами), существенно обогащается за счет выяснения количественных характеристик. Без этого невозможно прогнозировать дальнейшее развитие процессов, притом с указанием количественных параметров и в разных вариантах, в зависимости от изменения внешних условий.

Количественный системный подход зародился в астрономии еще в древности, например при предсказании сроков солнечных и лунных затмений. Но подлинный его расцвет в естествознании начался в Новое время, когда Ньютон создал математически обоснованную теорию движения планет Солнечной системы; в XIX в. Максвелл создал единую теорию электрических и магнитных явлений, объяснившую процессы в таких, казалось бы, различных областях, как рентгеновское излучение, передача на большие расстояния электромагнитных сигналов, цветное отображение предметов на сетчатке глаза и т.д. Далее количественные методы системного анализа с помощью сложнейших приборов, созданных специально для этих целей, получили развитие в химии, физике, биологии. Так обстояло дело с открытием периодической системы химических элементов Менделеева и ее последующим обоснованием в теории строения атома; в открытии структуры генома человека и т.д.

В общественных науках, имеющих своим объектом прежде всего общественные отношения, важнейшие достижения качественного системного анализа связаны с именами Маркса и Энгель-

¹ См.: Руткевич М. Общество как система. СПб., 2000.

са, создавших три системы: закономерной смены исторических эпох общественного производства; взаимодействия экономического базиса, политической и правовой надстройки, различных областей духовной жизни; наконец, исторического развития, закономерного перехода от одних форм семьи и брака к последующим, вплоть до парного брака, дополняемого изменами и проституцией в наши дни.

В частных общественных науках, прежде всего экономических, количественные методы системного анализа применялись давно, например в демографической статистике. В эмпирической социологии они вошли в моду в конце XIX в. Но поистине колоссальным шагом вперед в развитии системного анализа было применение математических методов при изучении комплексных процессов, например связи тенденций роста народонаселения в ряде стран третьего мира (Индия и др.) с ограниченностью и даже истощением важнейших природных ресурсов, необходимых для производства достаточного количества продовольствия и снабжения населения чистой водой. Это было сделано уже в первых докладах участников так называемого Римского клуба (Медоуз и Форрестер, 1970-е гг.). С тех пор количественный системный подход в общественных науках, в том числе в социологии при исследовании социальной структуры общества, получил дальнейшее мощное развитие в связи с появлением и совершенствованием компьютеров и расширением диапазона их применения. И сегодня ни одна отрасль общественных наук уже не может обойтись без применения математических методов, без компьютеризации.

Сказанное полностью относится и к традиционным для марксистской социологии методам исследования на всех уровнях — от эмпирических явлений в той или иной сфере общественной жизни до «теорий среднего уровня», вплоть до прогнозирования экономического и социального развития отдельных стран и регионов, даже глобальных процессов. Безусловно, в общественных науках имеются существенные ограничения в применении математических методов, что обусловлено действием различного рода субъективных факторов, таких, как личные качества руководителей органов управления той или иной компании, отрасли, тем более, социума.

Третий вопрос посвящен проблемам социально-демографического развития. Требуется пояснить, почему в книге по соци-

альной структуре, имеющей столько различных видов, где в первую очередь рассматриваются (в разд. II и III) изменения в главной, социально-классовой структуре советского и современного российского общества, автор посвятил последнюю главу изменениям в социально-демографической структуре современного российского общества. Нет ли в этом нарушения общего логического плана книги? Полагаем, что такого нарушения нет, более того, включение главы полностью оправдано не только драматической демографической ситуацией в стране, но и по теоретическим соображениям. Дело в том, что на протяжении многих лет в советской марксистской литературе по вине ИМЛ при ЦК КПСС (что, конечно, было санкционировано Сталиным) господствовало упрощенное представление о целях производства материальных благ.

Способ воспроизводства рода, унаследованный людьми от своих ближайших предков, был неразрывно связан со способом добывания средств не только для жизни данного поколения, но и потомства, т.е. по сути является его составной частью. Так что материалистическим по своему ведущему характеру является как сам процесс воспроизводства рода, так и процесс производства материальных благ для прокорма потомства, его воспитания и обучения. Наконец, семейно-брачные отношения являются в своей основе также объективными.

Никакие эксперименты по части клонирования млекопитающих (овца Долли) с перспективой переноса этого способа воспроизводства на людей не могут заменить *естественный* процесс воспроизводства человеческого рода, он заложен природой в сущность человека и является непреодолимым. Смерть одних («присоединение к большинству», т.е. к ранее умершим, по остроумному выражению английского писателя Честертона) сопровождается появлением на свет других людей, и никто не может отменить жизни и смерти членов общества как объективного способа продолжения вида *homo sapiens*.

Именно в этой связи следует остановиться на ошибке ИМЛ, объяснимой, возможно, неприятием Сталиным одной из последних статей Ф. Энгельса, действительно содержавшей устаревшую оценку международной ситуации конца XIX в. Опубликование этой статьи вызвало возмущение Сталина, и он дал распоряжение включить в «Избранные произведения К. Маркса и Ф. Энгельса (и

последующие издания) совершенно необоснованное «Примечание», направленное против верного положения Энгельса о том, что материалистическое понимание истории включает в себя воспроизводство рода как процесса, неотделимого от производства материальных благ. В предисловии к указанному изданию в сноске к труду Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» было сделано подстрочное примечание: «Энгельс допускает здесь неточность, ставя продолжение рода рядом с производством средств к жизни»¹. На деле производимые средства к жизни добываются и для порождения, выкармливания и воспитания потомства. Если следовать логике этого примечания, производство потомства людьми, научение его обращению с имеющимися орудиями производства, наконец, овладение речью как основным средством общения, т.е. собственно *человеческими* чертами существования, не входят в систему материального производства в качестве обязательных составных частей. Догматики из ИМЛ сопровождают указанное примечание, притом без всяких попыток доказательства, такой оценкой: «Энгельс допускает здесь неточность в качестве причин, определяющих развитие общества и общественных порядков».

Вот основная причина того, что в разд. III мы, исходя из неприятия произвольной «поправки» к труду Ф. Энгельса, уделяем особое внимание процессам воспроизводства населения в современной России, которая, по нашим подсчетам, ежегодно теряет до 1 млн человек основного, государствообразующего этноса — русского народа, частично восполняя эту убыль за счет легальной и особенно нелегальной этнически разнородной иммиграции.

В связи с этим мы не можем обойти вниманием поразительное по своей наглости предложение, высказанное руководством Китая в качестве условия приема России в ВТО (Всемирная торговая организация). Как известно, для приема каждого нового члена в эту организацию требуется согласие всех без исключения уже входящих в нее стран. Китай с численностью населения 1,3 млрд человек, которое растет несмотря на принятие ряда ограничительных мер, давно испытывает трудности перенаселения. Китайская сторона ставит условием приема России в ВТО беспрепятственную миграцию китайцев на слабо заселенные и к тому же быстро

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения: В 2 т. М., 1948. Т. 2. С. 161.

теряющие коренное русское население земли на Дальнем Востоке и в Сибири (например, на Сахалине из 720 тыс. населения осталось 550 тыс., в Магаданской и Камчатской областях положение сложилось не менее угрожающее).

К сожалению, среди российских этнографов нашлись люди, которые предлагают таким образом колонизовать Сибирь и Дальний Восток, причем ускоренными темпами — до 100 млн человек в XXI в. (об этом см. последнюю главу). Выходит, что усилия таких государственных деятелей России, как Витте — по строительству транспортной транссибирской магистрали, Столыпина — по земельному освоению Сибири, Сталина — по заселению и укреплению дальневосточных рубежей страны и других при таком повороте событий должны пойти прахом.

Наконец, четвертый вопрос: предлагаемую вниманию читателя работу отличает достаточно осязаемый полемический аспект. Во введении мы не считаем нужным упоминать фамилии и труды ученых и публицистов, с которыми автор дискутирует. Это станет очевидным при чтении книги тем, кто ее одолеет. Однако следует подчеркнуть, что указанная полемика, во-первых, носит достаточно *корректный* характер и, во-вторых, *не является самоцелью*, а подчинена задаче более полного раскрытия тех или иных тезисов позитивного характера, которые осмеливается выдвигать автор.

Глава 1. Теоретическая социология как основа представлений о социальной структуре

Для понимания теоретико-социологического подхода к социальной структуре общества следует кратко остановиться на предмете *макросоциологии*¹ и тем самым *социологии в целом*, а также на философских основах макросоциологического подхода к жизни общества и его историческому развитию. Только таким образом можно выяснить *место теории социальной структуры в системе социологического знания*.

Начнем с определения предмета макросоциологии, иначе говоря, с ответа на вопрос: чем занимается (или должна заниматься) общая теоретическая социология как наука? Предварительно заметим, что определение предмета общей теории в какой-либо науке (конечно, если она приобрела характер системного знания и тем более стала фундаментальной наукой) в принципе совпадает с определением этой науки в целом как таковой. В сказанном нетрудно убедиться, заглянув в любой учебник по физике или в справочное издание. Так, акад. А.Н. Прохоров в статье, предназначенной для энциклопедии, дает такое определение физики: «Наука, изучающая простейшие и вместе с тем наиболее общие закономерности явлений природы, свойства и строение материи и законы ее движения»². Определения предмета физики в других справочных изданиях схожи с данным акад. Прохоровым. Так же обстоит дело и с другими фундаментальными естественными науками, такими, как химия или биология; определение их предмета дается по предмету *общей теории*.

¹ Merton R. Theoretical Sociology. Five Essays. Old and New. N.Y., 1949. P. 68.

² Прохоров А.Н. Физика // БСЭ. Т. 27. С. 337.

Социология во второй половине XX в. приобрела статус фундаментальной науки об обществе. Исходя из изложенных выше соображений, мы предлагаем такое ее определение: наука о законах функционирования и развития социальных организмов¹. Поскольку каждый тип (род, вид) общества обладает немаловажными особенностями, в приведенном определении термин «социальный организм» (или, что то же, «социум») употреблен во множественном числе. Само собой разумеется, что под законами здесь и далее понимаются не принимаемые органами государства юридические законы, а реальные отношения между людьми, причем далеко не вся бесконечно сложная и чрезвычайно подвижная сеть этих отношений, в которой на первый взгляд полностью господствует случайность, а общее и повторяющееся в них. Иначе говоря, мы понимаем под законами существенные отношения, складывающиеся в жизнедеятельности людей внутри общества (а также между обществами) в процессе его функционирования и в процессе его развития. Данное определение имеет весьма общий вид и поэтому требует «расшифровки», конкретизации, притом в нескольких отношениях.

Во-первых, необходимо выяснить соотношение законов *функционирования* и законов *развития* социальных систем. Как известно, *структурный функционализм*, долгое время считавшийся основным теоретическим направлением в американской (и значительной части западноевропейской) социологии второй половины XX в., рассматривал социальную систему прежде всего с позиций ее нормального функционирования, сохранения ею стабильности. Противоречия и порождаемые ими конфликты не отвергались, но их рассмотрение было подчинено задаче сохранения системы в «нормально действующем» состоянии и поэтому они сводились к «дисфункциям», которые должны преодолеваться благодаря действию заложенных в самой системе внутренних механизмов. Несомненна связь этого представления с трудами Г. Спенсера, для которого общество выступало как организм, стремящийся к самосохранению вопреки внешним воздействиям и внутренним «поломкам».

Напротив, другое важнейшее направление теоретической социологии, получившее распространение в США (и за их предела-

¹ Руткевич М.Н. Макросоциология. М., 1995. С. 26.

ми) во второй половине XX в., — *социология конфликта* (иногда называемая конфликтологией) — обращала основное внимание на конфликты, обуславливающие и нормальное функционирование социальной системы, и процессы ее изменения, развития. Известная ограниченность теории конфликта, как она выражена в трудах Л. Козера¹ и др., состояла в том, что, будучи преемственно связана с функционализмом, она трактовала развитие только как совершенствование наличной (т.е. буржуазной) общественной системы, как ее эволюционное развитие.

Объединение этих двух, на первый взгляд противоположных, позиций (на самом деле они имели общую почву, поскольку не предполагали выход «за пределы» нормально функционирующего буржуазного общества) с тем, чтобы усвоить ценное в каждой из них, возможно только на основе более общей теоретической концепции, в рамках которой рациональное содержание этих теорий может быть сохранено в «снятом» (по выражению Г. Гегеля) виде.

Нам представляется, что это осуществимо, если принять за основу философскую концепцию диалектики, выраженную Г. Гегелем, воспринятую и развитую К. Марксом и Ф. Энгельсом. Суть ее выражена в *законе единства и «борьбы» противоположностей*, которому присущ *всеобщий* характер; это означает, что данный закон действует в природе, обществе и мышлении человека. Тенденция к сохранению социальной системы в прежнем виде, сохранению стабильности, нормальному ее функционированию находится в противоречии с тенденцией ее изменчивости, ее развития. Вторая из указанных тенденций может проявлять себя и в рамках данного качественного состояния, что означает эволюцию общественного строя без изменения его основ. Так, эволюция капиталистического общества в Западной Европе, где оно зародилось, прошла за столетия его существования не одну стадию развития, и нынешний либерализм, признающий роль государства в регулировании рыночных отношений, значительно отличается от либерализма XVIII в.

Но тенденция развития является более мощной, ей принадлежала *ведущая роль* в переходе от феодальной структуры общества к буржуазной и от нее — к социалистической, который совершался и совершается в разных формах (СССР, Китай, Куба) и, как мы те-

¹ См.: Coser L. The Function of Social Conflict. N.Y., 1958. P. 8 etc.

перь знаем, может испытывать периоды временной реставрации капитализма. Впрочем, такого рода «зигзаги» история совершала и ранее, например, во время Реставрации (1815–1830) во Франции, когда пришедшая на иностранных штыках власть Бурбонов пыталась возродить феодальные отношения в экономике и политике. У нас нет сомнения в том, что, пройдя через гораздо более трудные испытания, социалистические отношения в той или иной форме (советской, скандинавской, китайской) возродятся и в России, ибо такова общемировая тенденция развития.

Диалектика, особенно в материалистической трактовке Маркса, усматривает источник развития в основном в противоречиях *внутреннего* развития системы. Но не только. Противоречия данной системы с другими системами, особенно более мощными, в иных случаях могут приобретать перевес. Так было и во Франции эпохи Реставрации, и у нас в годы «застоя», определившие слабость и истощение сил СССР перед объединенными силами империализма во главе с США, которые затем переросли в периоды «перестройки», а затем и «реформ».

Здесь следует сделать замечания философского порядка, более полно изложенные нами в книге «Общество как система: Социологические очерки»¹. Внутренние противоречия тесно связаны с *внешними* противоречиями, которые в конце концов являются внутренними для системы более высокого порядка. Движение системы более общего порядка, т.е. общемировых отношений, по направлению к социализму, притом разными путями, неодолимо. Возможным оказывается путь, предсказанный для отдельных стран Запада Марксом еще в 1868 г. и развитый в конце XIX в. Э. Бернштейном для стран Западной Европы. Речь идет об эволюционном пути, не в последнюю очередь за счет грабежа колоний до середины XX в., а затем нещадной эксплуатации бывших колоний и зависимых стран, которая была следствием диспаритета цен на добываемое в них сырье и на изготавливаемые в метрополиях промышленные товары, а в особенности — долговой кабалы.

Другой путь, проложенный впервые Россией в 1917 г., — единственно возможный для угнетенных стран революционный путь, выработанный Лениным. По этому пути пошел (с помощью СССР) Китай в 1945 г., а затем Вьетнам и Куба. Не следует строить иллю-

¹ Руткевич М.Н. Общество как система: Социологические очерки. СПб., 2001.

зий насчет России 1913 г. Будучи политически независимой и даже великой державой, экономически она была фактической полуколонией западного капитала, а по уровню жизни периодически голодавшего крестьянства, т.е. большинства населения страны, принадлежала к странам, которые сейчас именуют «странами третьего мира»; к тому же Первая мировая война превратила Россию в резерв пушечного мяса для стран Антанты. Последовавшая вслед за Октябрьской революцией 1917 г. интервенция западных держав показала с полной ясностью, что их целью было расчленение России.

Исходя из изложенной выше теоретической установки о взаимосвязи *внутренних* и *внешних* противоречий мы полагаем, что последние сыграли решающую роль в распаде Советского Союза. Именно поражение СССР в холодной войне обусловило нарастание внутренних национальных, социально-экономических и политических противоречий, их перерастание в острые конфликты. Для глобальной мировой системы противоречие между двумя основными блоками было внутренним противоречием. Мы здесь не будем останавливаться более подробно на вопросе о связи противоречия и конфликта, это будет предметом анализа в последующем изложении, прежде всего применительно к социальным противоречиям и конфликтам в России наших дней.

Что касается определения *предмета социологии*, то из сказанного вытекает, что приведенная выше исходная формулировка должна быть дополнена следующим положением: *функционирование и развитие социальных систем совершается в процессе возникновения и разрешения внутренних и внешних противоречий*.

Во - в т о р ы х, требует конкретизации также тезис об изучении именно социологией законов, которые не без основания называют социологическими. Если социум есть система, то он состоит из подсистем, каждая из которых в свою очередь является системой более низкого порядка, которые тесно связаны между собой и функционируют как части общей системы, т.е. социума. *Социологические законы характеризуют наиболее общее, что имеется во взаимодействии этих подсистем, т.е. различных сторон, областей жизни общества*, каковы экономика, политика, право, наука, мораль, религия и т.д. Взаимосвязь этих областей между собой как элементов социума является одним из основных типов структуры общества, о чем речь будет идти далее.

В-третьих, к числу важнейших социологических законов следует отнести *взаимодействие общественного сознания и общественного бытия, материальной и духовной сторон в жизни и деятельности людей*. Это взаимодействие «пронизывает» поведение каждого индивида, группы, той или иной области общественной жизни. Так, в хозяйственной деятельности, в производстве материальных благ на первый план выходит материальная, предметная сторона, поскольку именно трудом человека веществу природы придается форма, пригодная для удовлетворения его нужд непосредственно как предмета потребления либо как орудия труда, с помощью которого происходит преобразование природы. Но и в производственной деятельности столь же важной является духовная сторона, поскольку в процессе труда человек действует на основе поставленной сознанием идеальной цели, трудовой процесс имеет «психическую составляющую», обеспечивающую движение к этой цели.

Возьмем пример из другой области, где духовной стороне принадлежит определяющая роль. Религия, будучи формой общественного сознания, наиболее отдаленной от материального производства, отнюдь не ограничивается верой в существование бога (богов) и ожидания от него милостей, прощения грехов и т.п. Деятельность людей в этой сфере требует от служителей культа (и от каждого приверженца того или иного вероисповедания) умелого, убедительного выполнения конкретных ритуальных действий: православный опускается на колени и бьет поклоны, осеняя себя крестным знамением; мусульманин расстилает коврик и совершает, принимая вполне определенную позу, намаз, произнося хвалу всевышнему или требуя от него санкции на уничтожение «неверных»; первобытный охотник исполняет ритуальный танец, имеющий строго регламентированный характер, перед охотой, при бракосочетании и т.п. Существует целая область индустрии по созданию предметов культового назначения, без которых невозможно или крайне затруднительно отправлять обряды.

И в данном случае социология, изучая определенные виды деятельности, т.е. социальной структуры в указанном смысле, должна учитывать, что законы взаимодействия могут существенно изменяться, некоторые области человеческой деятельности могут исчезать, если не полностью, то у значительной части населения (атеизм был присущ не только основной массе населения СССР,

он широко распространен в Западной Европе, даже в такой официально католической стране, как Франция).

Некоторые новые области деятельности могут возникать на определенной ступени исторического развития, как, например, в свое время возникло государство, а затем и наука. Взаимодействие общественного сознания и общественного бытия является важнейшим общесоциологическим вопросом, непосредственно связанным с основным вопросом философии о соотношении сознания и бытия. Решается он различными социологическими школами по-разному. Если в СССР доминировало марксистское материалистическое понимание исторического процесса, которое во взаимодействии общественного бытия и общественного сознания решающую роль отводит первому, то в западной социологии, напротив, господствует противоположное воззрение. Впрочем, в российской социологии последних лет появилось немало ученых, сменивших материализм в понимании жизни социума на идеализм.

Диалектика взаимодействия сознания и бытия рассматривается в социологии также в ином аспекте, который имеет прямое отношение к социальной структуре как совокупности отношений между людьми. Речь идет о том, каким образом в результате сознательной (или неосознанной, но так или иначе содержащей психическую мотивацию) деятельности индивидов и групп воспроизводится сеть общественных отношений и как важнейшая ее составляющая — не зависящие от людей правила поведения, социальные нормы, которые прямо или опосредованно осознаются и определяют мотивы поведения людей. Марксизм решил эту задачу, выделив из всей совокупности общественных отношений отношения экономические, формирующиеся в процессе производства материальных благ, и показав, что наиболее важные черты этих отношений складываются *объективно*, поскольку они определяются полученными от предшествующих поколений средствами производства, всей «искусственной средой», созданной человеком. Конечно, экономические отношения зависят от решений, принимаемых людьми и общественными институтами в хозяйственной сфере, но сами эти решения принимаются в определенном диапазоне, обусловленном объективными обстоятельствами. Так, определяя номенклатуру производимых на предприятии товаров и устанавливая цену на отдельные их виды, товаропроизводитель в

условиях рыночной экономики исходит из сложившегося спроса на продукцию данной отрасли, из имеющихся материальных ресурсов, начиная с орудий труда, из средней цены производства, из рыночной конъюнктуры и т.д.

Сложнее обстоит дело с нравственными нормами, которые в известной степени ограничивают свободу принимаемых решений, а также норм права. Но и те, и другие складываются в зависимости от экономического строя общества, исторически изменяясь вместе с ним.

В современной западной социологии имеются достойные внимания попытки разрешения этой антиномии вне предлагаемого Марксом ее решения. Что касается последователей Г. Риккерта и В. Дильтея, решительно отгораживающих природу как царство причинности от общества как царства свободной воли, которым эта проблема кажется упраздненной, то о них, казалось бы, в наши дни следует писать лишь с позиций истории социологии. На самом деле в атмосфере повального увечения критикой Маркса и марксизма как якобы опровергнутых фактом падения Советского Союза некоторые бывшие марксисты пытаются реанимировать самые примитивные аргументы противников этого мировоззрения, имеющие более чем столетнюю давность.

Основные течения признают существование «за спиной» свободного субъекта социальных норм, которым он вынужден следовать даже тогда, когда он их нарушает, ожидая возможного наказания, осуждения и т.д. или учитывая возможность таковые обойти. Но коллективное бессознательное, наследуемое социумом с первобытных времен и постепенно эволюционирующее по неизвестным причинам, на которые ссылаются Э. Дюркгейм или Л. Леви-Брюль, социологов конца XX в. не устраивает. Постмодернизм исходит из возрастания роли субъекта, но пытается согласовать эту посылку с другой весомой посылкой — достаточно очевидным наличием не зависящих от сознания действующего индивида (и группы) факторов, обуславливающих мотивы их поведения. Один из наиболее видных постмодернистов наших дней Э. Гидденс предложил теорию «структуриации» для объяснения дуальности человеческой деятельности, т.е. по сути раскрытия диалектики взаимодействия объективного и субъективного в таковой.

Гидденс структурирует саму человеческую деятельность по ее духовной составляющей, различая «мотивацию действия», его

«рационализацию» и «рефлексивный мониторинг», т.е. отслеживание хода деятельности и ее результатов. Переходя от структуры действия социального субъекта к структуре социума, он определяет ее как «правила и ресурсы или наборы отношений трансформации, организованных как свойства социальных систем». Вопрос о том, как эти правила воспроизводятся через деятельность людей, безусловно, важен для понимания того, как эти правила передаются от поколения к поколению и изменяются во времени. Но одно дело поставить вопрос, а другое — ответить на него. Понятие «структуризации» (скорее, на наш взгляд, structuration должно быть переведено на русский язык как «структуризация»), по Гидденсу, — это способы, «которыми производятся и воспроизводятся... системы, основанные на сознательной деятельности актеров, которые полагаются на правила и ресурсы во всем многообразии контекстов действия»¹. Агенты действия и структуры нельзя рассматривать как два независимых ряда явлений, полагает автор, и называет их соотношение дуальностью. Но дальше указания на взаимозависимость Гидденс не идет: «структурные качества социальных систем являются как средством, так и результатом практик, которые они регулярно организуют»². Таким образом, весь процесс воспроизводства социальных структур в конечном счете оказывается происходящим внутри сферы субъективного: мотивации, рационализации, рационального мониторинга и обусловленных ими действий («практик»).

В четвертых, предметом социологии оказываются также *законы взаимосвязи и взаимодействия социальных групп*. Здесь термин «социальный» помимо своего общего значения приобретает также особый, специальный смысл, поскольку речь идет о различиях в положении, интересах, сотрудничестве и борьбе социальных групп, равно как входящих и не входящих в них слоев (страт), малых групп, вплоть до отдельных индивидов. Именно социальная структура в этом понимании будет в последующем основным объектом нашего анализа и в общетеоретическом плане, и (в особенности) как структура российского общества в процессе его трансформации в 1990-е гг. Поскольку под общественными классами (при самых различных значениях, которые придаются этому термину) так или иначе понимаются большие группы людей, раз-

¹ Цит. по: Современная социальная теория. Новосибирск, 1995. С. 42–71.

² Там же.

личающиеся по определенным признакам, то к данному виду изучаемых социологией явлений должны быть отнесены закономерности возникновения и исчезновения тех или иных классов в процессе общественных перемен, так же как и их сотрудничества и борьбы между собой. Иначе говоря, законы классовой борьбы, которым посвящена поистине необъятная марксистская, немарксистская и антимарксистская литература, рассматриваются ниже как один из важных законов функционирования и развития социальных систем, находящихся на определенных этапах исторического развития.

Следует заметить, что в трудах по социологии встречаются такие наименования типов социальной структуры, которые вряд ли могут быть приняты. Например, в болгарской литературе с легкой руки Ж. Ошавкова взаимосвязь областей общественной жизни принято называть социологической структурой, в то время как взаимосвязь социальных групп — социальной структурой. При этом упускается из виду, что обе структуры изучаются социологической наукой и уже поэтому могут быть названы социологическими (точно так же говорят о законах психологических или геологических по имени наук, которые изучают психические или геологические процессы). Но и те, и другие с таким же правом могут быть названы социальными, ибо принадлежат обществу, социуму, а не природе; при этом надо учесть, что они подпадают и под узкое понимание термина «социальный», о чем речь будет идти далее. Но при «болгарской» трактовке различия в названиях этих законов читателю приходится доказывать, что социальный в определенном смысле якобы не есть социологический, т.е. не изучается социологией, а это может только его запутать.

В-пятых, теоретическая социология не может обойтись без сочетания «формационного» и «цивилизационного» подходов.

Согласно формационному подходу, социология должна изучать законы жизнедеятельности, присущие качественно различным типам исторически сменяющих друг друга социальных организмов, как ныне существующих, так и существовавших в прошлом, исчезнувших с исторической сцены. Формационный подход в его научном виде связан с именем Маркса и господствовал в общественных науках в советский период, хотя и в несколько упрощенной форме: схема последовательно сменяющих друг друга формаций была абсолютизирована, прохождение именно пяти

этапов — от первобытно-общинного вплоть до социалистического строя как первой фазы грядущего коммунизма — не подвергалась сомнению. При этом не учитывалось даже наследие Маркса, который упоминал об «азиатском» способе производства, не укладывающемся в «пятичленку».

В современной западной литературе обсуждается проблема исторического прогресса, и весьма типична в этом плане теория стадий экономического роста (У. Ростоу). Наиболее обычным является выделение традиционного (доиндустриального), индустриального и приходящего ему на смену (пока только в развитых странах) постиндустриального общества (называемого также технотронным, информационным и т.д.). Эта схема методологически в одном отношении сходна с марксистской — она исходит из признания прогресса в истории человечества. В трудах марксистов также выделяются три основных типа общества: первобытное — эксплуататорское — коммунистическое в широком смысле, изживающее сначала присвоение чужого труда, а в отдаленном будущем и социальное неравенство вообще.

В противоположность формационному подходу в трудах ряда видных представителей исторической науки, например А. Тойнби, развитие человечества рассматривалось как почти параллельное развитие отличающихся друг от друга «цивилизаций» (Тойнби насчитывал их десятки). В результате общие закономерности исторического развития отступали на второй план, т.е. *особенное* получало перевес над *всеобщим*. В настоящее время «глобальному подходу», который исходит из признания этапов исторического прогресса, противостоит «региональный»; например, С. Хантингтон рассматривает современный мир прежде всего как «борьбу цивилизаций», которые сложились в давние времена при возникновении мировых религий (христианства, а вслед за ним ислама) и соперничают поныне на мировой арене.

Соединению обоих подходов, повинуюсь логике фактов, отдают дань сторонники и того, и другого направления. Те, кто поддерживает формационный подход, вынуждены считаться с несомненной культурной спецификой регионов, которая сохраняется и в нашу эпоху ускоренного обмена товарами, людьми, технологическими нововведениями, информацией. В то же время даже радикальные сторонники цивилизационного подхода в своих схемах должны учитывать закономерности общего хода историче-

ского процесса. Этому способствует растущая взаимозависимость развития всех отрядов человечества, обусловливаемая научно-техническим прогрессом, техногенными изменениями в природе на нашей планете и в околоземном космическом пространстве. На наш взгляд, существенным прорывом в понимании глобализации общественного развития следует считать разработку концепции устойчивого развития, получившей признание мирового сообщества после конференции в Рио-де-Жанейро в 1992 г. По нашему мнению, ее суть — в соединении экологического и социологического подходов к оценке перспектив развития человечества (мы вернемся к данной теме при рассмотрении изменений в социальной структуре российского общества, поскольку влияние экологических факторов на этот процесс уже сейчас велико и будет возрастать в XXI в.)¹.

Итак, при изучении общих законов строения и функционирования социальных систем в поле зрения теоретической социологии должны находиться важнейшие особенности как социально-экономических формаций (а также стадий, этапов их развития), так и цивилизаций различных типов, соотношение глобальных и региональных тенденций развития вплоть до выявления особенностей развития отдельных стран. Россия — это один из основных регионов мира, и ее история оказывает, особенно в XX в., значительное влияние на мировые процессы.

В-шестых, развитие не может осуществляться по-другому — только через функционирование социальной системы, через воспроизводство общественных отношений в ходе смены поколений. Законы развития социальных систем следует отличать от законов их воспроизводства, функционирования, поскольку развитие включает в себя не только эволюцию данного социального организма при сохранении его основных особенностей, но также его превращение, трансформацию из одного качественного состояния в другое, что приводит к изменению его структуры и законов функционирования. Истории известны случаи гибели многих обществ, например в результате завоевания, когда из обломков старого складывается новый общественный строй.

Именно качественные превращения общественного строя имел в виду Маркс, когда писал об эпохе социальной революции и

¹ См.: *Левашов В.К.* О социальной сущности концепции устойчивого развития // Социс. 1997. № 4.

законе социальной революции. В отличие от многих своих последователей Маркс разграничивал качественное изменение социальной системы и политическую революцию. Если в ряде стран Западной Европы, например во Франции, переход от феодализма к капитализму был связан с политической революцией, притом даже не одной, то в Японии это превращение произошло в ходе проводимых сверху реформ, получивших название «Мэйдзи исин». В русском переводе чаще значится «революция Мэйдзи», хотя японское «исин» означает скорее «обновление». Думается, что вопрос о глобальном переходе от капитализма к социализму после происшедшего в России и странах Восточной Европы «отката» от социализма к капитализму, совпадающего по времени с ускоренным движением Китая по социалистическому пути, а также продолжающейся трансформацией общественных отношений в направлении национального рыночного хозяйства в развитых странах Запада, действительно требует нового осмысления.

Теперь о *разграничительной линии между социологией и теми общественными науками*, которые имеют своим предметом ту или иную сторону общественной жизни (экономику, политику, искусство, право и т.д.). В отличие от них социология изучает общество в целом, социум как таковой во взаимосвязи всех областей, сторон общественной жизни. На наш взгляд, определенные трудности возникают при разграничении с этими науками не общей теоретической социологии, а социологических теорий «среднего уровня», возникших «на пограничье» с ними. Это касается не всех теорий «среднего уровня». Например, социология семьи изучает основную ячейку общества, в которой неразрывно сплетены экономические, нравственные, правовые, а подчас и политические факторы. Трудности появляются, когда надо определить предмет экономической социологии, политической социологии, социологии религии, социологии культуры и т.д. Их отличие от экономической науки, политологии, религиоведения и т.д. состоит, как нам кажется, в том, что соответствующая частная социологическая теория при изучении процессов экономических, политических, религиозных, культурных, культурологических и т.д. рассматривает их с позиций общей теоретической социологии. А это предполагает, что в «частных» социологиях учитываются:

- ♦ соотношение субъективных факторов (мнений, настроений, поведения людей в данной сфере жизни) и объективных, обуслови-

вающих появление этих мыслей, чувств, поведения субъектов социального действия;

- ♦ соотношение данной сферы общественной жизни со всеми другими сторонами жизни и деятельности людей, сферами общественной жизни.

Эти особенности теорий «среднего уровня» в социологии инстинктивно «нащупываются» социологом-эмпириком, когда он применяет типичные для социологии методы исследования в своей области; его труд будет более эффективным, если особенности социологического познания он осознает «на берегу», т.е. до начала исследовательских процедур.

Для того чтобы завершить рассмотрение вопроса о месте социологии в ряду наук об обществе, следует обратиться к пункту, вызывающему наибольшие споры, а именно: о различении общей теоретической социологии и социальной философии (философии истории). Отгораживание во что бы то ни стало социологии от «истмата» — исторического материализма, понимаемого как философия истории либо как социальная философия марксизма, было характерно для части социологов в СССР с конца 1950-х гг. на протяжении весьма длительного периода. Это была своеобразная форма протеста против официальной идеологии, проникнутой догматическим духом. Основная причина этого явления — вульгаризация марксизма, в том числе теории, получившая официально освящение после выхода в свет в 1938 г. «Краткого курса истории ВКП(б)», составной частью которого была статья Сталина «О диалектическом и историческом материализме». И до сих пор недоверие к «истмату», как студенты называли курс, подпитываемое общей атмосферой критики марксизма, царящей в стране с начала 1990-х гг., ощущается в российской социологической литературе, и не только социологической, и не только откровенно либеральной или христианской. Заметим, что критика марксизма стала «модной» даже среди многих ученых и публицистов левого лагеря и не встречает должного отпора. Мы не сомневаемся в том, что эта волна в социологической литературе со временем схлынет.

Поднятая либерал-демократами кампания антимарксизма дисгармонирует с позициями, занятыми видными представителями академической науки на Западе. Так, автор одного из наиболее популярных учебников по социологии, переведенного на русский язык, Н. Смелзер считает теорию Маркса основополагающей для

одного из двух основных направлений теоретической социологии — теории конфликта (начало второму направлению — структурно-функциональной теории, по его мнению, было положено Г. Спенсером и Э. Дюркгеймом). Видный французский социолог Р. Арон в своей книге «Этапы развития социологической мысли» дает портреты семи выдающихся мыслителей, положивших начало социологии, в том числе Маркса. По вопросу о связи и различии социологии и социальной философии в наши дни Арон замечает: «Скажем, что речь идет о социальной философии относительно нового типа, о способе социологического мышления, отличающемся научностью и определенным видением социального, о способе мышления, получившем распространение в последней трети XX в.»¹.

Другое дело — необходимость разграничения социологии и философии истории типа гегелевской, в которой реальной истории навязывалась «сверху», с высоты философской системы определенная умозрительная схема. Это давно признано, именно в этом ключе была дана оценка философии истории Ф. Энгельсом в 1886 г.² Что касается современной социальной философии и философии истории, особенно их попыток совершить переход от настоящего к предсказанию будущего, составлению прогнозов, то в них можно найти все, что угодно. Одни авторы пробуют наложить своеобразный идеологический запрет на будущее, требуя от истории, чтобы она остановилась, как «прекрасное мгновение» в устах Фауста; такова позиция Ф. Фукуямы, полагающего, что нынешнее состояние буржуазного строя в развитых странах Запада является «концом истории». Другие, вооружившись мощными компьютерами, создают математические модели глобального развития. Это направление, чрезвычайно перспективное, зародилось в начале 1970-х гг. в трудах Форрестера и Медоуза и в конце XX в. пришло к моделям устойчивого развития, в которых учитывается взаимосвязь тенденций социального и экологического развития.

Таким образом, краткое определение предмета теоретической социологии, как любое краткое определение, в имплицитном (неявном) виде содержит в себе все богатство частных, дополнительных определений; мы его «развернули», хотя, конечно, не полностью. Но и этого достаточно для понимания места, которое

¹ Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М., 1993. С. 26.

² Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 19. С. 316.

принадлежит теории социальной структуры в системе социологического знания.

Подобно тому как общество в целом и социальная структура общества являются предметами социологии в единстве всех уровней теоретического и эмпирического познания, основное в понимании социальной структуры во всех ее видах, типах, формах (более подробно о типологизации социальной структуры см. в гл. 3) дается, естественно, общей социологической теорией, макросоциологией. Вместе с тем каждый из основных видов социальной структуры является предметом изучения специальной социологической теории, которая тесно смыкается с какой-то частной общественной наукой. Так, демографическая структура — часть предмета демографии, которая выделилась в самостоятельную науку в XIX в. Но до сих пор некоторые социологи рассматривают демографические методы как принадлежащие к числу методов социологии, упоминания такого рода имеются даже в учебной литературе (Н. Смелзер). Мы полагаем это мнение преувеличенным, дело обстоит сложнее.

Если деление населения на возрастные группы или мужчин и женщин, если коэффициенты рождаемости и смертности, исчисление средней предстоящей продолжительности жизни или среднего числа детей, рождаемых одной женщиной за период фертильности, и т.д. принадлежат демографии, то весь спектр вопросов, касающихся социальных различий в положении полов, социальных условий, определяющих движение коэффициента детской смертности, и т.п., относятся прежде всего к социологии, которая исследует *социально-демографическую структуру общества*. Это не просто демографическая структура и происходящие в ней изменения, но все эти процессы в их социальной обусловленности, в том числе в связи с изменениями во всех других видах социальной структуры. Например, те же повозрастные коэффициенты детской смертности, их изменения должны быть рассмотрены по социально-классовым группам и слоям, по типам поселений, по этническим группам населения страны или местности и т.д., иначе говоря, в связи с изменениями в социально-классовой, поселенческой, этнической структурах населения, а далее — в обусловленности этих изменений общими тенденциями развития данного социума. Таким же образом социология села (сельская социология), этносоциология и т.п. конкретизируют общие категории,

выработанные макросоциологией при изучении социальной структуры, при изучении села, этносов и т.д. В каждой из этих отраслей социологической науки разработка теоретических представлений «среднего уровня» включает в себя органически структурные моменты и далее опирается на специальные эмпирические исследования. Можно сказать, что «вертикальный разрез» социологической науки полностью относится и к исследованию социальной структуры. Поэтому в книге такое большое внимание уделено общетеоретическим вопросам.

Рассмотрение связи макросоциологии с социальной философией вплотную подвело нас к более общему вопросу — о *философской основе теоретической социологии*. Во введении автор уже заявлял, что является сторонником марксизма как течения общественной мысли и стоит на позициях марксизма, но творческого, отвечающего на вызов времени, учитывающего глубокие изменения в естествознании, технике и общественной жизни. Связь общей теоретической социологии и философии марксизма не вызывает сомнения, поскольку теория исторического материализма является философски-социологической. Так как под творческим марксизмом понимают подчас весьма различные теоретические позиции, этот тезис требует разъяснения.

С нашей точки зрения, в теории Маркса нужно четко различать самые основные положения, сохраняющие свою ценность для наших дней, и частные выводы, которые имели исторически ограниченный характер либо вообще оказались ошибочными. Чтобы выявить разграничительную линию, отделяющую марксизм от других направлений общественной мысли, следует взять в качестве ориентира два основных положения, которые были названы Энгельсом в 1883 г. в речи на могиле Маркса¹. Это два подлинных научных открытия: 1) материалистическое понимание истории; 2) тайна капиталистического способа производства, т.е. способа присвоения прибавочного продукта в акте свободной сделки купли-продажи рабочей силы. Второе открытие принадлежит прежде всего и главным образом политэкономии, но и мы его здесь коснемся, поскольку речь будет идти о современном российском обществе, которое зиждется на наемном труде.

Первое из открытий Энгельс назвал *материалистическим* пониманием истории, оно одновременно является и *диалектиче-*

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 350—351.

ским ее пониманием. В нем сущность переворота, совершенного Марксом и Энгельсом в объяснении как функционирования социальных систем, так и их исторического развития. Именно поэтому Ленин еще в конце XIX в. с полным правом отмечал, что это открытие Маркса «возвело социологию на степень науки»¹. В приведенном выше определении предмета макросоциологии речь идет именно о диалектико-материалистическом понимании предмета социологии и ее сущности, а следовательно, и такого центрального понятия для социологии любого направления, как социальная структура.

В результате происшедших с конца 1980-х гг. в СССР коренных изменений вплоть до его распада и последовавшей затем в России реставрации капиталистических порядков марксистская теория стала объектом благословляемой свыше ожесточенной критики, которая, как правило, в целях «удобства» сопровождается ее фальсификацией. На марксизм пытаются возложить вину за все отрицательные стороны 70-летнего советского периода истории страны, за все просчеты тогдашних ее руководителей. В конце XIX в., когда марксизм входил в моду среди передовой интеллигенции в России, В.И. Ленин отмечал, что «марксизмом не клянется только ленивый»; ныне можно было бы перефразировать Ленина и сказать, что ныне марксизм «не поносит только ленивый». Однако пока не было выдвинуто ни одного существенного аргументированного нового возражения против основных положений философии марксизма. Это полностью относится и к теории исторического материализма, которая является социальной философией марксизма и вместе с тем ядром его социологической теории.

Здесь представляется необходимым сделать замечание принципиального порядка. На наш взгляд, связь между основными составными частями теории Маркса не следует упрощать, называя теорию Маркса «вылитой из единого куска стали». Цельность теории, которая развивается на основе обобщения исторического опыта человечества, а он во многом непредсказуем, нельзя уподобить застывшему предмету, каким является кусок стали или железобетонная конструкция, даже самая изящная и стройная.

Систематизация марксова учения, данная Энгельсом в «Анти-Дюринге», где философия, политическая экономия и теория научного социализма, рассматриваемые как три составные части

¹ Ленин. В.И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 317.

марксизма, **не** устанавливала между ними строгого соподчинения. По нашему мнению, связи между ними могут быть уподоблены скорее шарнирным узлам, которые обеспечивают подвижность скреплений и наличие в каждом узле определенных степеней свободы. Ленину как теоретику и одновременно революционеру-практику вывод тезиса о диктатуре пролетариата *непосредственно* из политико-экономического учения о прибавочной стоимости могло казаться логически стройной цепочкой. На наш взгляд, можно быть приверженцем материалистического и диалектического понимания мира и вместе с тем полагать, что гармонизация отношений человечества с природой на путях устойчивого развития и преодоление тем самым обостряющихся противоречий между «золотым миллиардом» (т.е. населением стран высоко развитых и хищнически использующих основные ресурсы планеты) и остальным человечеством, большинством народов Земли не предполагает своим обязательным условием установления диктатуры пролетариата, т.е. не ограниченной законом политической власти людей наемного труда в развитых капиталистических странах. Тезис Маркса о неизбежном абсолютном обнищании пролетариата в этих странах не подтвердился, поскольку уже к концу XIX в. правящие классы этих стран сочли, что благоразумнее обеспечить относительный классовый мир за счет более полного использования новейших достижений науки в производстве, а также выжимания сверхприбылей из населения «третьего мира».

Мы полагаем, что заслуживают дискуссии и более капитальные вопросы политической экономии Маркса. Так, если владелец капитала выступает в качестве организатора производства, а тем самым составной части «совокупного работника», то вся ли прибыль должна рассматриваться как превращенная форма прибавочной стоимости? Где здесь граница, отделяющая эксплуатацию и прибавочную стоимость от вознаграждения по труду? Она, безусловно, существует, но колеблется в зависимости от изъятия части прибыли через налоги, используемые государством для поддержания минимума заработной платы (например, в США около 6 долл. за час), пособий по безработице, вообще на социальные цели. Не менее важным представляется вопрос: прав ли был В. Петти, называя природу матерью богатства, а труд его отцом?¹. Не может ли

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 37. С. 370.

владение естественными богатствами на сравнительно долгий период стать постоянным источником дохода, притом не только для шейхов в странах Персидского залива? Сегодня естественные богатства России хищнически эксплуатируются отечественными олигархами и их западными партнерами для упрочения сложившейся в России социальной структуры.

Мы оставляем многие другие вопросы теоретической социологии и политической экономии в стороне — они заслуживают специального обсуждения. Для наших целей важно подчеркнуть, что основные положения философии марксизма, в том числе его социальной философии, нашли подтверждение и получили дальнейшее развитие на путях осмысления достижений естествознания XX и начала XXI в., т.е. нового исторического опыта общественного развития.

Так, ядром диалектики является учение о противоречиях как движущей силе развития. Противоречия между основными видами взаимодействия в микромире и в космических процессах, революции и мировые войны, противоречия между развитыми странами и странами «третьего мира», конфликты между классами, этническими группами, государствами свидетельствуют, что именно противоречия определяют движение материи вообще и развитие современного общества в частности. Материалистическое мировоззрение, объясняющее природу как движущуюся по объективным законам материю, а наше познание как процесс бесконечного приближения к истине, празднует свои победы с каждым новым великим открытием физики, астрономии, биологии, физиологии. Тезис диалектического материализма о *творческом отражении мира в сознании человека в его обусловленности практикой* находит подтверждение в неисчерпаемости научно-технического прогресса. Другое дело, что его последствия оказываются не только позитивными, но и несут в себе угрозу для существования человечества и всего живого на Земле. Не менее убедительно творческий характер мышления выражается в поисках новых форм общественных отношений, в поисках путей развития — в одних странах от традиционного к индустриальному, в других от индустриального к постиндустриальному, всего человечества — к обществу социальной справедливости.

После этого (поневоле краткого) описания творческого характера философии марксизма обратимся к получившим распростра-

нение в отечественной научной литературе и публицистике возражения против основной философско-социологической идеи Маркса — диалектико-материалистического понимания жизни общества. Особый интерес представляет аргументация, исходящая от тех, кто недавно был ревностным сторонником философии марксизма, в том числе исторического материализма, а ныне «неожиданно» обнаружил в ней не только устаревшие отдельные положения, но и полную непригодность для нашего времени. Poleмика с людьми такого сорта представляется необходимой, поскольку они считались «законодателями мод» в истолковании и пропаганде теории марксизма, занимая подчас высокие посты в партийной иерархии.

Общей чертой современной критики исторического материализма является использование традиционного приема: марксизму приписывается *экономический детерминизм*, т.е. непосредственное выведение логики политического и идеологического развития из логики экономического развития. Иными словами, марксизму в социологии приписывается редуцирование всех иных явлений общественной жизни к их экономической основе вопреки многократной опосредованности их связи с хозяйственными отношениями и наличию обратной связи, воздействию политики и идеологии на экономику. Подобное понимание жизни общества часто называют «экономическим материализмом». Насколько широко распространено обвинение Маркса и марксизма в создании этой примитивной схемы, можно судить по высказыванию первого Президента РФ Б. Ельцина, который призывал чиновников «выйти из плена экономического материализма». На деле Маркс не имеет ничего общего с истолкованием его воззрений в духе «экономического материализма» или «экономического детерминизма». В связи с веяниями такого рода еще в 1870-е гг. он иронически заметил: «Я знаю только одно, что я не марксист».

Разновидностью рассмотренного выше опровержения вымышленного ради удовлетворения собственного тщеславия противника может служить высказывание известного социолога Р.В. Рывкиной, которая осуждает «...примитивный, упрощающий человека марксистский тезис: "Экономическое бытие определяет сознание"». Здесь сопоставляются уже не экономика и политика, а бытие и сознание, и Марксу приписывается примитивное понимание бытия как «экономического бытия» (будто бытие может

сводиться к производству материальных благ!) и не менее примитивное понимание сознания как порождения *только* экономической жизни. Но общественное бытие по Марксу — это вся материальная, практическая деятельность людей, которая включает в себя (в качестве основной) добычу и потребление материальных благ в условиях определенных экономических (производственных) отношений. Ясно, что бытие отнюдь не сводится к производству, экономике. Но при этом воспроизводство рода и воспитание потомства имеют, как известно, вполне материальную основу, ибо без определенного рода отношений между полами дети на свет не появляются, а после рождения их еще надо вынучить и поставить на ноги. Практическая деятельность в военной сфере также в основе своей вполне материальна. Наконец, к материальной жизни относятся и массовые действия по изменению общественных отношений; можно напомнить в связи с этим о взятии Зимнего дворца в 1917 г. и бомбардировке из танковых орудий Белого дома в Москве в 1993 г.

Обратимся к более серьезным возражениям — к аргументам против материализма в социологии, выдвигаемым под флагом внесения новизны в теорию. Такова, к примеру, теория «паритетности» общественного сознания и общественного бытия и, далее, сознания и бытия вообще. Профессор В.Д. Попов задался целью исправить в философии марксизма «устаревшие частные положения», к которым он, в частности, относит... коренное положение *всякого* материализма о приоритете материи по отношению к сознанию. Точнее говоря, этот автор склонен признать приоритет материи при решении традиционных *онтологической* и *гносеологической* сторон основного вопроса философии. Но он изобретает еще и третью сторону этого вопроса, которую нарекает «*социолого-гносеологической*». В отличие от первых двух, в ней он усматривает «иное паритетное отношение», а именно, мол, в данном случае сознание «функционально первично»¹. Под паритетом на всех языках понимается равенство, равноправие. Поскольку бытие и сознание находятся в движении, непрерывно функционируют, признание «функциональной первичности» означает нарушение «паритета» в пользу сознания как такового, т.е. признание его первичности.

Предложенная Поповым конструкция ошибочна. Согласно положениям современного естествознания, материализм рас-

¹ Диалог. 1990. № 3. С. 23–24.

сматривает сознание как функцию мозга, как свойство особым образом организованной материи; это отношение обычно называют онтологическим. Вместе с тем наша мысль о каком-либо предмете, явлении, находясь в мозгу, вторична и по отношению к этому предмету, явлению, которое оказывает (или ранее оказывало) воздействие на наши органы чувств; данное отношение обычно называют гносеологическим. Особо следует подчеркнуть, что это *две стороны одного отношения* — отношения человеческого сознания к материи вообще, из которой состоят и внешние предметы, и тело, в том числе мозг человека. Материальное единство мира означает, что противоположность сознания и материи в обоих указанных выше аспектах абсолютна в пределах только данного отношения (мысль не есть мозг, мысль о предмете не есть предмет мысли), но за его пределами относительна, ибо в мире нет ничего, кроме движущейся в пространстве и времени материи со всеми ее свойствами, в том числе свойством отражения, из которого в особых условиях развивается сознание. Иначе говоря, материя и сознание суть *единство противоположностей*, но такое единство, полюсы которого *неравноправны*, поскольку вообще неравноправны вещь и ее свойство.

В чем же источник ошибок в рассуждениях о «паритете»? Вправе ли социология изобретать «свое», отдельное от философии отношение сознания к материи? Дело в том, что данный автор понимает под гносеологическим отношением *созерцание*, а под социолого-гносеологическим — *деятельность*. Этим он пытается вернуть философию к тем далеким временам, когда материализму был свойствен созерцательный подход к процессу познания, а идеализму — деятельностный, причем деятельность понималась как духовная. Это «раздвоение» было преодолено Марксом, который указал на человеческую чувственную, предметную, материальную деятельность — *практику*, как на то посредствующее звено, которое соединяет наше мышление о предметах с самими этими предметами, одновременно изменяя их в соответствии с поставленными сознанием идеальными целями.

Но реальная трудность состоит в том, что материальная деятельность на первый взгляд действительно может показаться простым следствием деятельности мыслительной. Анализ структуры элементарного акта практического действия проще начать с духовного мотива, и в этом случае возникает представление о «функ-

циональной первичности» мыслей, эмоций, воли. «В конце процесса труда, — писал Маркс в «Капитале», — получается результат, который уже в начале этого процесса имелся в представлении работника, т.е. идеально. Человек не только изменяет форму того, что дано природой, он осуществляет вместе с тем и свою сознательную цель...»¹. Почему же, признавая очевидный факт целесообразности человеческой деятельности, первенствующую роль во взаимодействии человека с природой и другими людьми следует все же отвести не идеальному фактору, а материальному?

Во-первых, потому что изучение структуры упомянутого акта с таким же успехом может быть начато с выяснения причин появления мысли, в которой ставится цель для действия. Эти причины коренятся в человеческих потребностях, начиная с базовых — в пище, одежде, жилище и кончая потребностями высшего порядка, например в умножении знания, создании необходимых для этого инструментов — приборов, установок колоссального масштаба вроде синхрофазотрона и т.д. «Мир не удовлетворяет человека, и человек своим действием решает изменить его», — замечает в этой связи Ленин при чтении «Логики» Гегеля².

Во-вторых, цель может быть достигнута только материальным воздействием на материальные тела, т.е. в практике, которая изменяет предметы, придавая им форму, отвечающую нашим потребностям. Одновременно в практике же проверяется мера истинности исходных представлений, а тем самым и представлений более общих, из которых приходится так или иначе исходить при постановке цели для действия. Практика оказывается основой познания, его целью и критерием истинности.

Не выпадает ли из этой схемы чувственное созерцание? Ничуть. Во взаимодействии человека, его органов чувств с предметами материальной среды, будь то природа в ее девственном виде либо «вторая природа», в которой предметно запечатлено воздействие человека (а тем самым и его мысль), *активная* роль принадлежит человеку, его мыслям и практическим действиям. Но и природа в обеих этих ипостасях воздействует на человека, на его органы чувств. Это происходит как в процессе воздействия человека на вещи, их преобразования в соответствии с идеальными целями,

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.37. С. 370.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 195.

так и при пассивном наблюдении, особенно явлений и предметов, находящимся вне нашей досягаемости, например Солнца и звезд. Однако и в этом случае познание опирается прежде всего на практику. Так, химический состав солнечной массы и поступающего на Землю излучения, а затем и физическую природу происходящей в недрах Солнца и других звезд ядерной реакции наука установила благодаря химическому и физическому экспериментам в земных условиях.

Поскольку мы здесь рассматриваем вопросы социологии, нас интересует главным образом не воздействие людей на природу, а их воздействие друг на друга, это вопросы, находящиеся на стыке гносеологии и социологии. Здесь *обе взаимодействующие стороны* обладают сознанием и волей, ставят цели и преследуют их в практической деятельности, здесь происходит материальная «обработка людей людьми» во всех ее формах, начиная с материнской ласки и кончая убийством себе подобных. В результате пересечения и наложения друг на друга мыслей и поступков миллионов людей и образуется тот поток общественной жизни, который подчинен своим, особым закономерностям. «Открытие» третьего, «социолого-гносеологического» отношения сознания к материи возвращает нас к давно пройденному этапу развития философской мысли, — к антиномии, характерной для созерцательного материализма в его попытках объяснить общественную жизнь.

Материалисты-сенсуалисты с их превознесением чувственного созерцания исходили из того, что чувства формируются под воздействием окружающей природной и социальной среды, стало быть, для того чтобы изменить человека, его надо поставить в иные условия существования. Но как это сделать? Эти мыслители, а вслед за ними и социалисты-утописты, объясняли структуру человеческой деятельности отмеченным выше самым наглядным образом, что нашло выражение в афоризме: «мысли правят миром». Первое вступает в противоречие со вторым. Разрешение этого противоречия, этой антиномии было предложено Марксом. В «Тезисах о Фейербахе» он писал:

Материалистическое учение о том, что люди суть продукты обстоятельств и воспитания, что, следовательно, изменившиеся люди суть продукты иных обстоятельств и измененного воспитания, это учение забывает, что обстоятельства изменяются именно людьми и что вос-

питатель сам должен быть воспитан. Оно неизбежно поэтому приходит к тому, что делит общество на две части, одна из которых возвышается над обществом.

Вывод Маркса таков: «Совпадение изменения обстоятельств и человеческой деятельности может рассматриваться и быть рационально понято только как *революционная практика*»¹. Этот философский вывод является основой для социологического анализа взаимодействия народных масс и вождей разного рода, органов управления и управляемого ими населения. Мобилизационная экономика и всевластие государства — собственника основных средств производства превращают людей в «винтики системы» и кое-кому может показаться, что таково вообще взаимоотношение «верхов» и «низов». Но массы рано или поздно приходят в движение, просыпаются к активному историческому творчеству, вмешиваются в ход событий, вносят изменения в социальную систему, и далее история вновь может долго разворачиваться как бы по воле власть имущих. В условиях демократии избиратели могут, голосуя за программу той или иной партии и приводя ее к власти, обеспечивать время от времени проведение отвечающих их интересам реформ. Но при упрямстве и неуступчивости власти возможен переход к таким решительным действиям, как политическая забастовка, гражданское неповиновение, демонстрации и т.д., вплоть до вооруженных столкновений.

Нежелание или неумение учесть интересы большинства может рано или поздно завести имеющих власть в тупик. Политика российского руководства по преобразованию экономических отношений, принятая в конце 1991 г., которая продолжается поныне, привела страну к глубочайшему кризису. Несомненно то, что эта политика отвечает интересам народившегося класса компрадорской буржуазии и новой, обуржуазившейся номенклатуры. Но она противоречит коренным интересам подавляющего большинства населения. Промышленное производство за 7 лет «реформ» сократилось в 2 раза, сельскохозяйственное — на треть. Разбогатели «верхние» 5–10%, но 60–70% населения оказались за чертой «старого» прожиточного минимума, а 20–25% отброшены за грань нищеты. Такая политика не может продолжаться бесконечно. Стала неизбежной корректировка курса реформ, которая дол-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 2–3.

жна будет, рано или поздно, учесть интересы трудящегося большинства и наметить перспективы выхода России из системного кризиса. Будущее страны поставлено под угрозу вследствие разрушения, с одной стороны, научно-технического, производственного потенциала, а с другой — человеческого потенциала — вследствие массовой деквалификации рабочих, инженеров, работников науки, резкого ухудшения здоровья населения и, наконец, просто его вымирания со «скоростью» в среднем 0,9 млн человек в год.

Перейдем к другому варианту «паритета», который для благопристойности облечен в оболочку, заимствованную из квантовой физики, — теорию дополнительности Н. Бора. Идея «взаимодополнения» материи и сознания, общественного бытия и общественного сознания, экономики и политики на первый взгляд может показаться вполне здравой, чем-то само собой разумеющимся. Разве они не взаимодействуют непрерывно друг с другом, как бы «дополняя» друг друга? Это верно. Следовательно, все дело в содержании, которое вкладывается в понятие дополнительности.

В философии речь идет о «дополнении» материи и сознания, притом «дополнении» и тогда, когда человека с его сознанием на Земле еще не было. В связи с этим можно напомнить о попытке представить природу в качестве «потенциального центрального члена» в теории «принципиальной координации» Р. Авенариуса, эмпириокритика конца XIX в. У одного из его учеников мир оказался до появления человека сознанием... червяка. Онтологически материя первична — таков безусловный приговор естествознания. Но с гносеологической стороной взаимодействия, как мы уже видели, дело обстоит не столь просто, т.е. духовная и материальная сторона в человеке и обществе сосуществуют и непрерывно *взаимодействуют*. Некоторые социологи в этой связи обратились к выдвинутому Н. Бором принципу дополнительности в квантовой механике. Последняя столкнулась с невозможностью абсолютно точного измерения одновременно координаты и импульса (количества движения) микрочастицы и предложила рассматривать измерения импульса и координаты как «дополняющие» друг друга процедуры. В одной из своих статей 1930-х гг. Бор поставил вопрос о возможности применения «принципа дополнительности» в других областях знания. Неопозитивисты подхватили это предложение и предложили рассматривать сознание и

материю как неразрывно существующие и вместе с тем как «дополняющие» друг друга начала. И.С. Алексеев и Ф.М. Бородкин решили применить «принцип дополнительности» к социологии. Игнорировался тот основной факт, что у Бора речь идет о невозможности одновременно точного измерения двух *объективных* характеристик определенного физического объекта. Указанные авторы сопоставили таким же образом *объект* и *субъект*, «феномены поведения» и «мотивацию поведения» человека. «Измерение одного из них, — читаем в их статье, — ведет к невозможности измерения второго в том виде, в каком он был бы, если бы первый параметр не измерялся». Иначе говоря, духовная потенция, мотив поведения и обусловленный им реальный акт поведения данными авторами принципиально разрываются, тогда как на деле поведенческий акт есть прямое следствие обусловивших его духовных мотивов. Социологии предлагается своеобразный агностицизм: когда мы познаем материальную сторону человеческой деятельности, духовная становится в принципе непознаваемой, и наоборот. Это предложение полностью противоречит практике социологических исследований, в которых всегда сопоставляются мотивация и поведение, его результат.

Новейшие попытки использовать достижения естествознания и технического прогресса для сокрушения материализма вообще, а прежде всего в социологии, связаны с развитием компьютерной техники и теории информации второй половины XX в. В обыденном сознании информация — это в первую очередь произносимое, слышимое, увиденное в записи слово. Неразрывная связь *понятия* как основной, исходной формы, «клеточки» мышления и *слова* как его материальной оболочки, т.е. мышления и языка, установлена физиологией высшей нервной деятельности. Но существовало представление, будто мысль либо слово первичны по отношению к акту практического действия человека, к миру вообще, как в древности, когда эта связь еще не была раскрыта наукой, так и в наши дни (например, в религии), невзирая на доказательства естествознания. Философские споры по данному вопросу нашли гениальное отражение в рассуждениях доктора Фауста. Он пытался адекватно перевести на немецкий язык первые строки Священного Писания. Отвергнув первый вариант «вначале мысль была», как неточно выражающий суть акта творения, Фауст затем отвергает и

второй вариант: «Ведь я так высоко не ставлю слово, чтоб думать, что оно всему основа». Как известно, И.В. Гёте (устаами Фауста) останавливается на третьем варианте: «вначале было дело», утверждая тем примат практического действия¹.

На новом витке общественного развития, когда ежедневно на людей обрушивается поток слов с помощью телевидения, радио, прессы, вопрос об информации приобрел невиданную ранее актуальность. Информация в ее обычном, житейском смысле включает в себя, конечно, не только передачу слов (хотя это главное), но также зрительных образов, музыки и т.д., вплоть до воздействия психотерапевтов с помощью компьютерной техники на подкорку головного мозга, тем самым на подсознательное и бессознательное в психике человека. Обладание источниками и передатчиками информации стало одним из главных средств в руках власти при формировании общественного мнения.

Один из видных специалистов по обработке общественного мнения, главный идеолог ЦК КПСС в горбачевские времена А.Н. Яковлев и ныне пытается играть эту роль, теперь уже в качестве идеолога антикоммунизма. По мнению Яковлева, «все держится на знаниях, приобретении информации». Прилагая этот тезис к познанию прошлого, он утверждает, например, что «гибель Древнего Рима — это гибель той информационной системы, которая прошла свой пик и начала деградировать»².

По-видимому, абсолютизацию Яковлевым информации и средств ее распространения можно объяснить, во-первых, тем, что он долгие годы ощущал себя в роли «хозяина» информационных потоков, а во-вторых, тем, что он следует моде: одним из названий будущего общества, которое находится в процессе становления в развитых странах, является «информационное», поэтому Яковлев приходит к утверждению, что «в основе мира лежит не материя, а информация»³.

Чтобы разобраться в этом вопросе, следует обратиться к более общему, чем приведенное выше, современному смыслу понятия «информация», в котором фиксируется ее связь с материей. Именно в этом смысле понятие «информация» рассматривается в

¹ См.: Гёте И.В. Избранные произведения. М., 1956. С. 438.

² Яковлев А.Н. Предисловие. Обвал. Послесловие. М., 1992. С. 52, 55.

³ Там же.

информатике, математике и философии как важнейший момент во взаимодействии систем, способных к самоорганизации и самоуправлению; систем не только естественных, но и созданных человеком технических систем, а также людей. Во взаимодействии между людьми информация действительно может приобретать ту особую форму, о которой речь шла выше, — форму сообщений, уведомлений, передаваемых тем или иным способом сведений, в том числе с помощью специально созданных технических устройств. Рассматриваемое функциональное свойство материи тесно связано с другим ее свойством — отражением. Приведем общее определение информации, данное математиком акад. В.М. Глушковым: «Она представляет собой меру неоднородности распределения материи и энергии в пространстве и во времени, меру изменений, которыми сопровождаются все протекающие в мире процессы»¹.

Данное (и подобные) определения информации предполагают признание объективного существования материи и ее движения, взаимодействия тел природы. Именно потому, что информация «вообще» определяется как особое свойство систем, становится возможным дать ее частные определения, характеризующие информацию как способ общения между людьми и управления социальными процессами. Яковлев в трактовке информации пытается учесть более общее ее понимание, но это не колеблет его позицию: «все равно первична информация, материя и дух — вторичны»².

Провозглашение одного из общих материи и сознанию свойств первичным по отношению к ним обоим имеет свою историю. Например, в конце XIX в., когда упоение от успехов термодинамики в среде естествоиспытателей было не меньшим, чем упоение успехами кибернетики и информатики сегодня, немецкий физико-химик лауреат Нобелевской премии (1909) В. Оствальд писал, что считает «громадным выигрышем, если старое затруднение, как соединить понятия “материя” и “дух”, будет просто и естественно устранено подведением обоих этих понятий под понятие энергии»³. Энергия есть одна из мер движения (наряду с импульсом и моментом количества движения). Стало быть, материя и дух

¹ См.: Энциклопедический словарь. М., 1983. С. 217.

² Яковлев А.Н. Указ. соч.

³ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 287.

вторичны по отношению к наиболее общему атрибуту материи — движению, которое относится и к такому особому свойству материи, как сознание. Все переворачивается с ног на голову. Ленин (вслед за многими другими критиками Оствальда) справедливо отметил, что важнейший философский вопрос «энергетизмом» «не решается, а запутывается»¹; более того, он открывает возможность мыслить движение *без* материи. Яковлев пытается в методологии идти по стопам Оствальда. Но следует учитывать существенное различие между ними. Оствальд прославил свое имя великими открытиями в термодинамике, его неудачный экскурс в философию был просто эпизодом научной биографии. Фундаментальные труды в области философии и социологии, принадлежащие перу Яковлева, миру неизвестны, но научная общественность помнит его многолетние заверения в верности марксизму-ленинизму, равно как и нынешнее его усердное поношение.

Особое внимание следует уделить здесь «новому социологическому мышлению» (НСМ), которое определенное время претендовало на монополию в отечественной социологии, в том числе при истолковании складывающейся в России социальной структуры общества. Главным проводником «нового социологического мышления» является весьма заметная фигура в социологическом сообществе — бывший директор Института социологии РАН В.А. Ядов. Скажем несколько слов о причинах появления этого своеобразного термина. Оно непосредственно связано с «перестройкой» и провозглашенным тогда М.С. Горбачевым первоначально во внешней политике, а затем в глобальном смысле «новым мышлением». «Новое мышление для СССР и всего мира» в трактовке Горбачева исходило из призыва А. Эйнштейна и Б. Рассела к миру и сотрудничеству между народами в новых условиях глобальной взаимозависимости, создавшихся после появления в США и СССР ядерного оружия и достижения определенного равновесия сил двух сверхдержав в области ракетно-ядерного вооружения. Конечно, «новое мышление» не отменило и не могло отменить противоречий в геополитических интересах и на деле оказалось дымовой завесой для сдачи позиций Советского Союза, а затем признания поражения в холодной войне. Термин «новое мышление» стал употребляться Горбачевым, Яковлевым и их сто-

¹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 287.

ронниками также применительно к внутренней политике (например, «новое экологическое мышление»).

В нашу задачу не входит обсуждение содержания «нового мышления» во всех его ипостасях. Нам важно отметить, что и в социологии незамедлительно появились свои «флюгеры» в лице ученых, чрезвычайно чутких к словам генсека. Они называли себя «прорабами перестройки» в социологии, и «новое социологическое мышление» оказалось для них не более чем удобным предлогом для прощания с марксизмом, усердными адептами которого они были до этого. Так, в посвященном задачам социологии в период перестройки сборнике статей (1990), получившем название «Социология перестройки», Ядов обращается с марксизмом внешне весьма почтительно, хотя на деле под видом «поправок», «улучшений», «творческого подхода» прощается с ним¹.

К 1993 г. «перестройка» и «новое мышление» вместе с ее авторами сошли со сцены, общественная ситуация в стране коренным образом изменилась, и отпала нужда хотя бы во внешних заверениях в верности марксизму. Напротив, критика марксизма стала всемерно поощряться. Поэтому в статье «Универсализм или плюрализм социологических теорий?» Ядов уже открыто отвергает марксизм за его универсализм: «история последних десятилетий [не трех лет, а последних десятилетий] заставляет усомниться в безусловной надежности и универсальности марксистского социально-философского осмысления реальности». Но это прощание пока не полное: за марксизмом Ядов еще признает, что он «в принципе объясняет и современные глобальные процессы», но лишь ограниченно, так как его подход является «...экономически-детерминационным», однако «для анализа социальных изменений в относительно локальном пространственно-временном интервале такой подход не представляется оптимальным». Общие выводы Ядова на этом этапе его «творческой эволюции» таковы: «ни одна парадигма социальных изменений не является универсальной... надо использовать разные теоретические подходы, допускающие различия «сценариев» возможного развития социальных процессов»². Попросту говоря: настало время перемен, не стоит гнаться за «универсальной» теорией, мы это уже «проходи-

¹ Социология перестройки. М., 1990. С. 185–186.

² Вопросы экономики. 1993. № 1. С. 18–21.

ли», надо иметь в научном багаже побольше разных «парадигм» и в каждом данном случае применять ту, которая покажется более привлекательной, более полезной при создании «сценариев»...

Но на этом эволюция воззрений Ядова не закончилась. В «Социологическом журнале», издаваемом Институтом социологии РАН (где тогда директорствовал Ядов), он публикует «Два рассуждения по теоретическим вопросам»¹, в которых К. Маркс (впрочем, как и М. Вебер) был отнесен к «подростковому» этапу развития социологии, в то время как в настоящее время она находится на этапе зрелости. Зрелость эта (по Ядову) понимается как «период сомнений и переоценки пройденного пути», и далее автор прямо выдвигает в качестве главного принципа в теоретической социологии *эклетику*, называя ее для приличия «мультитеоретическим подходом». Берите из каждой теории то, что нравится, причем в каждом конкретном случае набор заимствований может быть иным. Ответ на эти рассуждения был нами дан в следующем номере журнала².

К сожалению, новое социологическое мышление и мультитеоретический подход стали завоевывать учебники, а значит, и студенческую среду. Так, авторы учебного пособия по социологии Г.Е. Зборовский и Г.П. Орлов посвящают НСМ специальный параграф в заключительной части своего учебника³. Их объяснение сути нового социологического мышления представляет собой популярное разъяснение безбрежного плюрализма, изложенного без всяких там «парадигм» и «сценариев». «Основным его принципом, — читаем у Орлова и Зборовского, — должно стать преодоление традиционного разделения социологии на марксистскую и немарксистскую, буржуазную и социалистическую, западную и восточную и т.п., и движение в сторону единого мирового социологического знания, заинтересованного в решении общих задач». Здесь под флагом НСМ все свалено в одну кучу. Действительно, существование единой по своему предмету науки (хотя в понимании предмета той же социологии немало различий у представителей разных научных школ), единой для ученых различных регионов и разных народов, нисколько не отменяет и не должно отме-

¹ Социологический журнал. 1995. № 2. С. 72 и далее.

² Социологический журнал. 1996. № 1/2. С. 82–89.

³ Зборовский Г.Е., Орлов Г.П. Введение в социологию. Екатеринбург, 1992. С. 214.

нять различий в концептуальных подходах, границы между которыми не являются национальными либо региональными. Вполне резонно в рецензии на учебник было замечено: «пособие явно перегружено пересказом чужих, подчас противоречивых точек зрения по каждой из обсуждаемых проблем, причем они не всегда стыкуются друг с другом»¹.

На наш взгляд, набившая оскомину эпопея вокруг «нового мышления» во всех его вариациях представляется не более чем очередной шумной политической кампанией. Мышление может сталкиваться с новыми проблемами, перед ним могут возникать новые задачи. И в этом случае можно и должно говорить о новых подходах в мышлении, об отражении нового в мышлении. Но новое в содержании мышления и новое мышление — совсем не одно и то же. Что же касается оценки «нового мышления» как такового, мы присоединяемся к мнению Маркса, который задолго до появления на свет Горбачева писал: «Так как процесс мышления вырастает из естественных условий, сам является естественным процессом, то действительно постигающее мышление может быть лишь одним и тем же, отличаясь только по степени, в зависимости от зрелости развития и, следовательно, также от развития органа мышления. Все остальное — вздор»².

Глава 2. О понятии социальной структуры, ее основных типах и видах

В гл. 1, посвященной общей социологической теории, мы не могли обойтись без краткой характеристики термина «социальная структура». Теперь приступим к развернутому анализу этого центрального для данной книги понятия. Оно принадлежит к числу важнейших в социологии и непосредственно связано с понятиями более высокой степени общности — философскими категориями. Исходными для понятия «структура» и неразрывно с ним связанными понятиями «элемент» и «система» являются категории *целого* и *части*, которые ввел в философию еще Аристотель.

¹ Социс. 1992. № 4. С. 331.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 32. С. 451.

Через 2 тыс. лет были разработаны понятия *системы* как целостности, образуемой из *элементов* (частей) и обладающей определенной *структурой* (строением), которая является *способом связи* элементов в системе. Наряду с ними было введено понятие *системных качеств*, возникающих благодаря взаимодействию элементов, принадлежности их к данной системе, иначе говоря, структурным связям между ними. В этих понятиях теории систем нашли конкретизацию философские категории целого и части, что позволило применять их к конкретным объектам в самых различных областях, например развить представления древнегреческих философов о живом организме как целостности, обладающей свойствами и функциями, отсутствующими (или присущими лишь в потенции) у различных органов и тканей тела животного, в том числе человека.

Теория систем, или, иначе говоря, *системная теория* возникла как обобщение достижений науки и техники XIX–XX вв. и отличается применением методов *математики*, т.е. не только качественного анализа, но и количественного. Важнейшими вехами на пути ее создания явились в XIX в. химическая теория строения молекул из атомов, учитывающая пространственное их расположение (стереохимия), и молекулярная физика, в рамках которой сложились теории строения основных агрегатных состояний вещества — твердого тела, жидкости и газа. В начале XX в. была создана Н. Бором планетарная теория строения атома, представившая впервые атом как состоящую из ядра и электронов систему со своими особыми закономерностями; эта теория явилась первым шагом в создании физики микромира, в которой впоследствии была разработана теория строения микрочастиц из кварков. Одновременно бурно развивалась биология, которая достигла колоссальных успехов, с одной стороны, в познании строения живых организмов, клетки, структуры ДНК, РНК, вирусов и т.д., а с другой — в познании структуры экологических систем, в каждой из которых взаимодействуют сотни видов.

Развитие кибернетики во второй половине XX в. обобщило опыт создания технических самоуправляемых систем на базе ЭВМ. Усложнение процессов управления в деятельности корпораций и правительств развитых стран также потребовало системного подхода, успешность которого была наглядно продемонстрирована в технической области при осуществлении в США и

СССР проектов по созданию ядерного и ракетного оружия. Наконец, государственное управление социально-экономическими процессами стало базироваться на представлении об обществе как самой сложной из систем, поскольку в ней задействованы не только *объективные*, но и зависящие от сознания и воли людей *субъективные* факторы. Системный подход лег в основу прогнозирования и планирования, а тем самым государственного управления развитием современных обществ. В наиболее последовательной форме это нашло выражение в плановом развитии народного хозяйства в СССР. В развитых странах Запада получило распространение «мягкое» планирование, «дирижирование», при котором государство согласовывает свои меры управления с интересами бизнеса и требованиями профсоюзов. Наглядным примером могут служить Япония и ФРГ. Так, в немецком «социальном государстве» основные государственные решения в социально-экономической сфере вырабатываются на основе трехсторонних соглашений — правительственных органов, предпринимательских объединений и профсоюзов.

Одновременно понятие структуры, строения стало центральным для ряда важнейших течений в обществоведении. К. Маркс последовательно применял материалистическую диалектику, включающую в себя системно-структурный подход, к обществу в целом и к развитию отношений товарного производства в частности и особенности. В XX в. получили развитие: социальная антропология (Б. Малиновский, А. Рэдклифф-Браун), структурно-функциональная школа в социологии (Т. Парсонс, Р. Мертон), структурализм в антропологии (К. Леви-Строс и др.). Эти и некоторые иные течения гуманитарной мысли, развивавшиеся в русле системно-структурного подхода, либо принадлежат непосредственно социологии, либо по своему существу соприкасаются с ней. Особое внимание, проявляемое к понятию социальной структуры, нашло свое выражение, например, в том факте, что 69-е годовое заседание Американской социологической ассоциации (1974) проходило под девизом: «Фокус на социальную структуру». С тех пор внимание к социальной структуре общества на Западе усилилось, о чем свидетельствует, в частности, статья нынешнего председателя Международной социологической ассоциации известного польского социолога П. Штомпки¹.

¹ Штомпка П. Понятие социальной структуры: попытка обобщения // Социс. 2001. № 2.

Штомпка пытается выработать общее для различных школ социологической мысли Запада представление о социальной структуре. На наш взгляд, данная задача в принципе невыполнима вследствие коренных различий социологических школ в понимании сущности происходящих в обществе процессов. Поэтому раскрытие содержания данного понятия с марксистских позиций (о приверженности которым нами было открыто заявлено во введении) должно сочетаться с критическим анализом трактовок социальной структуры, предлагаемых иными течениями общественной мысли, в том числе получившими распространение в современной России.

Для понимания особенностей системно-структурного подхода в общественных науках крайне важно не забывать, что под системой понимается не только вещественная, материальная система вроде атома или галактики, тела человека или экосистемы, парового двигателя или компьютера, современного общества или исторически ему предшествовавшего традиционного. Под системой может подразумеваться абстрагируемая от элементов как носителей определенных свойств упорядоченная совокупность *отношений* в природе или обществе; именно такой подход характерен для математики и приносит на малую пользу при анализе отношений в реальных системах, где отношения неотделимы от их носителей. Элементами такого рода систем выступают «ячейки» этих отношений, а структурой — способ связи между ними. Заметим, что для *неопозитивизма* характерно выдвижение на первый план отношений при забвении материальных элементов системы как их носителей. Применительно к обществу такой подход приводит к абсолютизации структуры общественных отношений при недооценке, а подчас и пренебрежении к носителям этих отношений — людям и материальным условиям их существования, которые определяют отношения между людьми. В социальных науках данная тенденция нашла выражение в распространении *структурализма*, о котором было упомянуто выше и будет сказано далее.

Наконец, понятия системы, структуры, элементов полностью применимы и к творениям человеческой *мысли*, т.е. в духовной сфере. Научная теория, если она достаточно обоснована и разработана, вышла из стадии гипотезы (которая может быть просто догадкой или смелым предвидением, высказанным в самой общей форме); читаемый по определенной программе вузовский курс

лекций, роман или поэма также являются своеобразными системами и подлежат системно-структурному анализу. Понятия нашей мысли материализуются в словах; язык (вообще и конкретные языки в частности) является сложнейшей системой совершенно особого рода. Структурный анализ в лингвистике стал одним из главных направлений в этой науке.

Из того, что понятия системы, структуры, элементов могут быть с успехом применены при анализе самых различных объектов (в том числе духовных), не следует, конечно, что основными «ячейками» социума (т.е. отдельно взятого, данного общества), *первичными* его элементами являются духовные единицы, т.е. отдельные мысли, высказывания, слова, как это было провозглашено неопозитивизмом в философии (Л. Витгенштейн) или предлагается некоторыми постмодернистами в социологии. Так, для Н. Лумана «новая парадигма социологического знания» состоит в применении системного подхода. С этим можно было бы согласиться, равно как с признанием эмерджентных свойств, появляющихся в системе (о чем речь шла ранее), и признанием социума открытой системой. Но Луман за первичный элемент принимает не акт действия или операцию обмена деятельностью между двумя индивидами (и то, и другое может быть методологически оправдано, если понимать человека и акт действия материалистически), но *акт коммуникации*, т.е. обмена мыслями, словами, любыми иными знаками — носителями информации¹. Позиция Лумана, как и многих других адептов этого направления, порождена увлечением теорией информации, возросшей ролью информации и средств коммуникации в современном обществе. При этом подчас реальные люди — носители и приемники информации, оказываются вторичным моментом, как бы «приложением» к системе информации.

В завершение этого краткого общего обзора рассмотрим несколько ошибочных, на наш взгляд, трактовок понятия «структура», получивших распространение в последнее время в отечественной литературе.

Во-первых, понятие структуры подчас употребляется в расширительном смысле, как бы «замещаая» собой понятие системы, т.е. под структурой попросту подразумевают ту или иную *орга-*

¹ Luhmann N. A Sociological Theory. N.Y., 1993.

низацию. Например, банды уголовников, вообще организованные преступные группы сплошь и рядом именуют криминальными структурами; органы правопорядка, имеющие оружие и право его применять, — силовыми структурами; органы управления — управленческими структурами и т.п. При этом не учитывается, что понятие организации применительно к обществу предполагает наличие сознания и воли людей в качестве *формообразующего фактора*, в то время как социальные структуры во многих случаях образуются *стихийно* в объективном процессе развития общества. Входящие в них люди лишь частично, не сразу и не полностью осознают себя членами этих структур. К примеру, так обстоит дело с классами и слоями, о чем подробнее будет сказано далее.

В социологической литературе при описании советского, а ныне российского общества также весьма распространена подмена понятия «система» понятием «структура». Это находит отражение в наименовании подразделений научных институтов, в названиях исследовательских проектов и конференций, в заголовках книг и статей, когда в качестве заглавного употребляется термин «социальная структура», хотя на самом деле речь идет о социальной системе. Подобное словоупотребление во многом обусловлено влиянием структурализма как философского течения, склонного абсолютизировать познание связей в системе в ущерб познанию материального субстрата, из которого состоят элементы системы. Если к тому же существование этих связей полагать плодом творчества нашего разума, вносящего «порядок», «закон», «правила» и т.д. в необозримое море полученного в чувственном опыте эмпирического материала, то при подмене системы структурой открывается широкое поле для субъективистского истолкования реальных процессов.

В о - в т о р ы х, общепринятое определение структуры как *способа связи элементов* в системе или, что почти то же, совокупности связей между элементами подчас сужается до ее определения как «*закона связи элементов*» в системе. Это значит, что из всей совокупности отношений между элементами к структуре относят *только* основные, главные, закономерные связи. Конечно, в отношениях между элементами прежде всего должны изучаться именно эти связи, обеспечивающие устойчивость объекта, его тождественность самому себе. Но можно ли отвлекаться от остальных связей, например при изучении структуры твердого

тела не считаться с вкраплениями примесей и повреждениями его кристаллической решетки? От этих примесей и повреждений существенным образом зависят многие свойства, в том числе электрическая проводимость. Аналогичным образом бродяги (бомжи) и другие «внесистемные» слои, в частности деклассированные элементы, численность которых, по Н. Римашевской, достигает 10 млн человек, не могут рассматриваться как основные структурные элементы, «несущие конструкции» российского общества наших дней, но без этого и подобных «вкраплений» описание его социальной структуры было бы неполным.

Оба отмеченных недостатка в обращении с понятиями подчас объединяются. Таковы, например, приводимые в старом (1970) издании «Философской энциклопедии» определения структуры как «единства ее элементов, отношений и целостных свойств», а также как «закона системы», «инвариантного аспекта системы»¹. В первой дефиниции структура отождествляется с системой, а во второй — с законом существования системы, ибо под «инвариантом» следует понимать нечто постоянное, сохраняющееся во всех изменениях системы.

После этих необходимых критических замечаний методологического порядка попытаемся развернуть данное выше краткое определение структуры, имея в виду прежде всего социальные, общественные структуры. Остановимся на нескольких основных пунктах.

1. Любая система, в том числе социальная, обладает *иерархичностью строения*. Это означает, что система расчленена *объективно*, т.е. «независимо от нашего сознания», на *подсистемы*, которые выступают по отношению к ней как *основные элементы*; те в свою очередь образованы из подсистем как *элементов* и т.д. В социальных науках при рассмотрении структуры социума «последним» элементом обычно оказывается индивид, но не «вообще», а как исполнитель определенной социальной *роли*. Таким «конечным» элементом может выступать даже отдельный *акт* деятельности — материальной или духовной — или его результат, а также слово или фонема конкретного языка, а также отношения между двумя индивидами в определенной сфере, например в акте обмена товарами или мыслями, и т.д. Подсчитывать число промежуточных сту-

¹ Философская энциклопедия. М., 1970. Т. 5. С. 140.

пеней в иерархической лестнице в социуме, на наш взгляд, дело бесперспективное в силу сверхсложности социальной системы, бесконечного многообразия связей между людьми и их изменчивости, наличия переходных и промежуточных форм.

2. Под социальной структурой определенного общества (социума) подразумевается спектр или, вернее, *клубок* сплетенных между собой, подобно нитям ДНК, *различных* структур. Для каждой из них необходимо найти свой критерий различия между элементами, который позволяет как бы «пронизывать» по вертикали данную иерархическую лестницу. Вполне понятно, что при изучении, скажем, этнической структуры в данном обществе в данный период при переходе от более крупных к более мелким таксономическим единицам должен использоваться тот же, а не иной критерий. Мы еще вернемся к этому вопросу при классификации социальной структуры по ее видам.

3. Для социальных систем особенно важно учитывать процессы *дифференциации* и *интеграции* и отображающие их категории. Выше отмечалось, что всякая система находится в процессе непрерывного функционирования, а это значит, что ее структуру следует рассматривать одновременно как образование *устойчивое* и *изменчивое*. Еще более важно учитывать изменчивость структур в процессе *развития* системы, будь то развитие индивида (*онтогенез*) либо развитие общества (*филогенез*). Именно в этой связи следует различать два аспекта в содержании категорий, отображающих противоположные (и находящиеся в единстве) стороны процессов функционирования и развития, — дифференциацию и интеграцию.

Социальной системе вообще присуща *дифференциация* на части, элементы и т.д. вплоть до мельчайших элементов, которые выполняют определенные функции «во благо» или «во зло» системе в целом; равно ей присуща *интеграция* всех этих элементов и выполняемых ими функций, которая осуществляется благодаря наличию механизмов, обеспечивающих согласованность их действий. Поскольку самодвижение системы в определенных внешних условиях происходит как бы повторяясь, хотя каждый следующий виток чем-то отличается от предшествующего, дифференциация в этом случае обозначает *статический срез общества*. Но в процессе развития системы ее строение *усложняется*. Это значит, что количественно и качественно возрастает дифференциация на подсистемы — вплоть до последних элементов и одновременно совер-

шенствуются механизмы интеграции, обеспечивающие возрастание устойчивости системы по отношению к внутренним «сбоям» и «поломкам», а также внешним воздействиям. В процессе развития дифференциация дает *динамический срез общества*.

В качестве наглядного примера диалектической связи дифференциации и интеграции обычно приводят развитие человека от момента зачатия, слияния двух родительских клеток вплоть до полного созревания организма. Эта биологическая закономерность была известна давно, но для того, чтобы открыть в онтогенезе краткое повторение филогенеза, понадобились столетия. У человека биологическое развитие идет параллельно с социализацией индивида, его превращением в «общественное существо». В процессе социализации происходит сокращенное повторение индивидом исторического пути, пройденного обществом. Наконец, общество в своем развитии прошло путь от ранних родоплеменных образований, сходных по разделению функций между его членами со стадами высших животных, до современных цивилизованных наций-государств с чрезвычайно разветвленным, очень сложным и крайне подвижным разделением труда, умножением социальных ролей, выполняемых индивидом. Но при этом параллельно совершенствуется *система управления*, обеспечивающая согласованность индивидуальной и коллективной деятельности. Отображение этого пути исторического развития может быть адекватно осмыслено в категориях дифференциации и интеграции, взятых в их *динамическом* аспекте, как процессов развертывания каждой из этих тенденций развития, взятых в их единстве.

4. Представление о системе как единстве элементов и структуры должно быть конкретизировано на основе учета внутреннего движения системы, а также ее взаимодействия с иными системами, которые в совокупности выступают в качестве условий ее существования. Если система находится в стационарном состоянии, ее движение обычно называют *функционированием*. В живом организме функции весьма жестко определяются субстратом органов, тканей, клеток, хотя в сложных организмах некоторые системы дублируют друг друга, что повышает надежность организма.

При изучении общества функциональный подход особенно важен, так как каждый член общества может выполнять одновременно различные функции, или, как их обычно называют в социологии, роли: в производстве — одну, в семье — другую, в художе-

ственной самостоятельности — третью, в управлении общественными делами — четвертую и т.д. Более того, люди могут терять одни роли и приобретать иные. Возникающие в обществе институты также выполняют различные функции, которые во многом перекрываются (воспитательные функции присущи и школе, и семье), накладываются, частично дополняют и замещают друг друга. Наконец, общество и входящие в него группы сознательно, целенаправленно создают для выполнения определенных функций различные организации, институты, которые действуют в соответствии с поставленными целями.

В социологии при изучении какого-либо определенного социума, будь то племя Новой Гвинеи, сохранившее первобытный уклад жизни, либо существовавшее на протяжении десятков лет в СССР советское общество, либо, наконец, современное западное постиндустриальное общество, основное внимание уделяется раскрытию законов функционирования социальной системы, выяснению механизмов, обеспечивающих ее устойчивость, непрерывность ее жизнедеятельности. Не случайно в определении предмета социологии (см. гл. 1) мы говорили о различении законов функционирования и законов развития. Действительно, при изучении первобытных племен встает вопрос, *как* оно превращается в классовое, цивилизованное (и, в частности, каковы эти пути для преодоления отсталости племен, сохранившихся в пустынях Австралии, джунглях Новой Гвинеи и т.п.), или вопрос о том, как и почему советское общество трансформировалось в постсоветское российское (а также грузинское, белорусское и т.д.), наконец, каковы тенденции развития западного общества, в котором в XX в., особенно во второй его половине, усилились элементы планирования, «дирижирования», т.е. возросла регулирующая роль государства, что проявляется в подчинении индивидуальных и групповых интересов интересам общества. Иначе говоря, *функционирование* общественного организма в ходе истории *все более сближается с развитием*. Но это не должно означать, конечно, пренебрежения к изучению механизмов функционирования, а тем самым функционального подхода в социологии.

Функциональный подход неотделим от структурного подхода, так как предполагает расчленение системы на элементы по выполняемым ими функциям, а оба они, вместе взятые, выступают как черты системного подхода. Однако, на наш взгляд, необходимо отличать указанные выше подходы как частные методы познания от

структурализма и функционализма как философско-социологических направлений. Функционалистский подход наиболее отчетливо был представлен в школе структурного функционализма в США, которая имела много последователей в других странах, в том числе в России¹. При немаловажных различиях между французским структурализмом и структурно-функциональной школой в социальной антропологии и социологии в Англии и США следует обратить внимание на их общие *философско-методологические* основы.

В о - п е р ы х, в них *функционирование* противопоставляется *развитию* или, что то же, *синхронизм — диахронизму*. Французские структуралисты отдают предпочтение синхронизму. Аналогичным образом представитель социальной антропологии А. Рэдклифф-Браун полагает, что социальная структура «составляет общую сумму всех индивидов в данный момент времени»²; для него социальная структура — «непроцессуальный» аспект социальной системы. Близкую позицию занимает Т. Парсонс, для которого социальная реальность — это динамический процесс, но чтобы описать и объединить ее, исследователь должен «заморозить» ее отдельные части и тогда конституировать структуру³.

Мы, следуя диалектике, исходим из неразрывного единства принципа *связи* и принципа *развития*, поскольку в самой реальности связь явлений в данный момент и связь состояний во времени неотделимы друг от друга. Конечно, при этом надо учитывать относительную устойчивость стадий, этапов, фаз развития, а также наличие таких объектов, о развитии которых во времени мы пока ничего не знаем. Поэтому *законы функционирования* качественно определенной устойчивой системы (живого организма, общества, языка и т.д.) следует отличать от *законов исторического развития* этой же системы, т.е. происходящих в ней необратимых изменений, трансформирующих все ее функции. Так, функции человеческого организма эволюционируют вместе с его созреванием и социальным развитием, умножаются и обогащаются, а в период старения функции выполняются менее активно, учащаются нарушения, «поломки» и т.д. вплоть до гибели организма из-за неспособности какой-либо из существенно важных подсистем (крово-

¹ См.: *Левада Ю.А.* Лекции по социологии. М., 1969.

² *Radcliff-Brown A.R.* A Natural Science of Society. L., 1957. P. 89.

³ A Dictionary of Sociology.

обращения, питания, дыхания и др.) обеспечить его функционирование как целостной системы. Еще более рельефно связь функционирования и развития проявляется в обществе. Системный, структурный, функциональный подходы и такие понятия, как «система», «структура», «элемент», «функция», должны применяться при исследовании не только функционирования социальных систем, но и их развития. Именно здесь в наибольшей степени обнаруживается роль диалектики как адекватной философской основы системного подхода.

Наиболее видные представители структурализма в конкретных науках, такие, как лингвист Ф. Соссюр и этнограф К. Леви-Строс, ставили перед собой задачу исследования языка и других моментов жизни первобытных племен. Эти племена развиваются весьма медленно, поэтому в определенных границах могут рассматриваться как стабильные системы. Но если при исследовании жизни первобытного племени законы функционирования сравнительно легко отделить от законов исторического развития, в том числе перехода к классовому обществу, то придание приоритета синхронизму в применении к современному обществу, которое изменяется из года в год, притом с ускорением развития от одного десятилетия к другому, может только дезориентировать исследователя. Так, структурно-функциональная школа в социологии рассматривала американское общество XX в. как устойчивую, равновесную систему. Классовую борьбу она ставила в один ряд с преступностью и наркоманией и классифицировала эти разнородные явления как *дисфункции*, т.е. временные нарушения нормального процесса функционирования общества. Это течение мысли при внешней объективности насквозь апологетично по отношению к существующему, т.е. буржуазному общественному строю в США.

Во-вторых, рассматриваемые направления склоняются к *идеалистической трактовке понятия структуры*, а следовательно, и объекта рассмотрения — общества. В этом также проявляется их односторонность, прежде всего в оценке роли формализации и математизации знания. Дальнейшее проникновение математических методов в гуманитарные науки, в том числе социологию, — безусловное достижение науки; формализация знания и здесь открывает новые горизонты, особенно в связи с использованием компьютерной техники. В наши дни важнейшим методом познания становится математическое моделирование. Модель создает-

ся человеком, но при этом необходимо, чтобы его сознание «схватывало» не внешнее в явлении, а его сущность, его законы и тем самым вело от эмпирической реальности к теоретическому отображению сущности.

Рэдклифф-Браун, испытавший явное влияние органической теории Спенсера, склонялся к стихийному материализму. Это проявилось в его понимании предмета социальной антропологии как естественной науки, а также в трактовке центрального ее понятия — социальной структуры. «Социальные структуры столь же реальны, как индивидуальные организмы, — писал он и разъяснял далее, что понятие социальной структуры он относит к «реально существующим общественным отношениям, наблюдаемым в полевых исследованиях»¹. Но уже следующее поколение английских социальных антропологов, испытавших влияние логического позитивизма, подвергло критике основателя школы в этом важнейшем пункте. Так, М. Фортес утверждал, что «структура не видна в конкретной реальности», а при переходе к описанию структуры «мы уже имеем дело с общими принципами, далеко отстоящими от паутины ощущений, убеждений и т.д., которые конституируют ткань реальной общественной жизни». Для него структура — это «царство грамматики и синтаксиса»².

Французский структурализм еще более определенно противопоставляет явление сущности, эмпирическую реальность — теоретическим построениям, моделям. Леви-Строс, к примеру, писал: «Фундаментальным принципом является то, что понятие социальной структуры не относится к эмпирической реальности, но к моделям, построенным исходя из нее»³.

В данном пункте между французским структурализмом и американским структурным функционализмом также имеется известное различие. Представители первого вслед за Э. Дюркгеймом исходят из социальной психологии и ищут в ней коллективное бессознательное, т.е. неосознаваемые структуры, которым подчиняется жизнь общества начиная с племени. Неосознаваемое не перестает быть психическим, в результате чего объективная социально-экономическая структура фактически выпадает из рас-

¹ Radcliff-Brown A.R. Structure and Function in Society. L., 1952. P. 190, 194.

² Fortes M. Time and Social Structure. Oxford, 1949. P. 56.

³ Lévi-Strauss C. Anthropologie Structural. P., 1958. P. 305.

смотрения. Линию структурализма во французской литературе постмодернистского периода продолжает известный социолог П. Бурдьё, который провозглашает необходимость преодоления односторонности структурного и деятельностного подходов, холистической и индивидуалистской перспективы, объективизма и субъективизма. Для этого, по его мнению, нужно вернуться к *практике*, к диалектике *opus operandi* и *modus operandi*, т.е. результата действия и способа действия. Звучит почти как у Маркса в «Тезисах о Фейербахе»! Но дело в том, *как* понимается практика! Для Маркса это материальная и вместе с тем пронизанная духовной мотивацией деятельность, она объективна и субъективна одновременно. Для Бурдьё объективная сторона практики воплощена в понятии *habitus*, т.е. в «привычке», в ставших привычными нормах поведения. Это роднит Бурдьё с функционализмом в социологии, который обращается к современному обществу, где нормы поведения для большинства членов данного социума становятся «привычными», так как навязаны ему законами права, догматами религии, господствующими этическими принципами.

Функционализм в социологии сводит социальную структуру, а вместе с ней и законы функционирования общества к ценностям и нормам. Так, согласно Парсонсу, социальная структура есть результат взаимодействия социальных позиций индивидов и выполняемых ими социальных ролей. В итоге и те, и другие определяются нормами социального поведения. Таким образом, целостность, единство общества оказываются результатом осознания индивидами наличия общих для них высших ценностей. От того, что они становятся привычными и получают, как у Бурдьё, наименование *habitus*, дело не меняется.

В - т р е т ь и х, для рассматриваемых течений мысли характерен *эkleктический подход* к изучению сложных систем. Действительно, если задачу видеть только в том, чтобы «подчинить» эмпирическую реальность создаваемой структурной модели, то как быть в том случае, когда каждая из функций системы требует своей модели, а все ее функции связаны между собой? Именно такая постановка вопроса характерна для современной западной социологии, ибо столь сложную систему, как общество, обладающую множеством функций, затруднительно охватить каким-либо одним структурным представлением.

В целом в этом пункте современная западная социология следует за М. Вебером, который противопоставил теории классов Маркса свою схему социальных различий. Согласно Веберу, экономические различия базируются на *доходе*. Кроме того, Вебер вводит на равных правах с экономическими различия по «силе», «мощи» (power) и по «престижу», который определяется принадлежностью малой группы и индивида к тем или иным социальным слоям, социальным группам. Таким образом, Вебер противопоставляет *диалектике* Маркса, которая объясняет взаимосвязь экономики, политики и сознания исходя из первичности экономики, *эклетику*, поскольку вопрос о внутренней связи указанных трех признаков у него не разработан. Со времен Вебера появилось множество моделей социальной стратификации. Их общая философская основа такова: для более полного объяснения социальной жизни надо строить разные модели структуры, рассматривающие объект под разными «углами зрения», а затем изучать их «взаимодействие». Западные, а также многие отечественные социологи повторяют обвинения в адрес марксизма, который, по их мнению, страдает узко экономическим подходом, в то время как они, якобы, принимают во внимание и все иные факторы общественной жизни. Мы вернемся к этому вопросу в следующей главе в связи с рассмотрением теорий социальной стратификации.

Диалектика в отличие от эклектики не может удовлетвориться указанием на множественность критериев социальных различий. Сторонник эклектики так или иначе вынужден выбирать из бесконечного числа критериев те, которые ему «нужны», «нравятся», «работают» в данных обстоятельствах и т.д., но, не будучи в силах упорядочить множество структур, объявляет несколько из них независимыми, чтобы затем показать, *как* они накладываются друг на друга. Сторонник диалектики указывает на *главный* критерий и исследует взаимосвязь критериев, выясняя, каким образом основное различие определяет вторичные, а последние воздействуют на главное. Для эклектики систематизация различий и их критериев носит произвольный характер. Диалектика требует проникновения в сущность различий и приведения указанных критериев в стройную систему, которая должна отображать систему связей в реальном обществе возможно более точно.

Характеризуя принципиальное отличие диалектики от эклектики, В.И. Ленин писал: «“И то, и другое”, “с одной стороны, с

другой стороны”... — это и есть эклектицизм. Диалектика требует всестороннего учета соотношений в их конкретном развитии, а не выдергивания кусочка одного, кусочка другого»¹. Это ленинское философское положение полностью сохраняет свою силу для социологии, в том числе при изучении социальной структуры общества.

Переходя к вопросу о *типологизации* социальных структур, мы выделяем три основных типа. П е р в ы й из них можно назвать *глобальным*, он характеризует процесс исторического развития *всего человечества* на нашей планете как вида *homo sapiens*, т.е. социальную структуру всего общества на Земле, а не отдельного социума. Согласно данным антропологической науки, люди, будучи едины по своему происхождению — от некоего вида ископаемых человекообразных обезьян, постепенно расселились по всем материкам (кроме Антарктиды) и освоили способы выживания, добывания средств к поддержанию собственной жизни и производству потомства в самых различных условиях, в том числе столь экстремальных, как северная тундра или выжженные солнцем пустыни Центральной Австралии. Каждый род был особым социумом, скрепленным кровными узами; взаимодействие между ними приводило к образованию более крупных объединений — племен. Интеграция племен послужила основой для возникновения более крупных этнических общностей, в которых получил преобладание принципиально новый тип социальных связей, где члены общности связаны не только и не в первую очередь кровно-родственными узами, хотя последние не сразу исчезают (кланы, чеченские тейпы и т.д.) и в течение длительного времени продолжают играть существенную роль в жизни отсталых народностей.

Параллельное развитие крупных региональных очагов цивилизации в Средиземноморье, Индии, Китае, Центральной Америке и т.д., установление все более тесных связей между ними, вплоть до глобальной взаимозависимости в экономике, политике и культуре более 300 государств, входящих ныне в ООН, — таков колоссальный путь изменения *структуры человечества*, рассматриваемого в его биологическом (расы) и социокультурном (цивилизации, этносы, государства) единстве. Данная проблема принадлежит, с одной стороны, исторической науке, а с другой — совокупности специализированных наук о современных международных отношениях,

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 286.

среди которых немаловажны такие частные социологические науки, как социология международных отношений и этносоциология.

Но в своем самом общем теоретическом плане — это проблема *макросоциологическая*. Именно теоретическая социология призвана исходя из специфики процессов дифференциации и интеграции в истории человечества выявить *общие закономерности его прогрессивного развития*, в том числе перехода от примитивных социумов и форм связи между ними к современным нациям, их региональным объединениям и глобальным связям. В условиях опасного нарушения экономического и экологического равновесия должны неизбежно усиливаться интеграционные процессы, укрепляться сотрудничество между народами с тем, чтобы стало возможным исключить опасность ядерно-ракетного или химико-биологического уничтожения цивилизации.

Выше было высказано наше отношение к *концепции устойчивого развития*, которая совмещает в себе прогнозную составляющую и программно-целевые разработки. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что возникшие на основе роста интеграционных процессов так называемые мондиалистские и глобалистские концепции, усердно пестуемые определенными кругами на Западе, являются, особенно после крушения СССР и двухполюсного мира, идеологическим прикрытием стремления правящих кругов США, активизировавшихся после прихода к власти правых республиканцев в лице Дж. Буша-мл. и террористического акта 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке к установлению «нового мирового порядка» — *Rax Americana*.

Следует учитывать *противоречивый* характер мирового процесса. В о - п е р в ы х, тенденции к *глобализации* противостоит тенденция *регионализации*, находящая воплощение в создании крупных политических и экономических объединений (Европейское сообщество, АСЕАН, Исламская конференция и т.д.) и возращении экономического могущества и политической роли государств с миллиардным населением, каковы Китай и Индия; при условии преодоления экономической «трясины» на эту роль может претендовать и Россия. Реальной альтернативой глобализации по-американски является восстановление *многополюсного* мира. В о - в т о р ы х, глобализации противостоит тенденция к национальному суверенитету, выражающая интересы народов, входящих в ООН государств и самой этой организации. В - т р е т ь и х

(и это главное), глобализации по-американски противостоит широкое массовое движение народов, эксплуатируемых группой высокоразвитых стран, а это более половины населения планеты, а в самих этих странах, поскольку это общество «двух третей» и треть населения в США и странах Западной Европы не пользуются благами «общества всеобщего благосостояния» — иммигранты, которых в каждой из основных стран Запада миллионы, безработные (так, безработица в Германии охватывает до 10% трудоспособного населения), социально слабые слои и т.д. В антиглобалистских массовых выступлениях в Сиэтле, Генуе и т.д. они составляли основную массу участников демонстраций и митингов протеста.

Глобализация — исторически неизбежный процесс. Вопрос в том, в *чьих интересах* и *как* она осуществляется. Поэтому представляется неверным с научной точки зрения один из лозунгов, выдвинутых КПРФ к 85-летию Октябрьской революции (2002), в котором было попросту заявлено «Нет — глобализации»; следует заметить, что в последующих документах этой партии данная ошибка была исправлена. КПРФ, как и другие прогрессивные силы в мире, выступает против глобализации в той ее форме, которую сейчас проводят господствующие на мировой арене империалистические силы во главе с США.

Эти цели открыто провозглашает администрация США, наглядно показав во Вьетнаме, а затем в Сербии и Ираке свою готовность осуществлять мировое господство силовыми методами, не считаясь с мнением не только ООН, но и своих союзников по НАТО, таких, как Франция и Германия. Наблюдается известный поворот и в общественном мнении так называемой мировой интеллектуальной элиты, т.е. идеологов империализма. Так, на традиционной ее встрече в Давосе зимой 2004 г. получили преобладание идеи неоколониализма, поскольку, мол, большинство стран «третьего мира» не способны воспользоваться государственным суверенитетом, полученным при распаде колониальной системы после Второй мировой войны.

Развитие глобальной социальной структуры, т.е. в масштабе человечества, взаимодействие всех этносов и государств — особая не только социологическая, но и геополитическая тема; наша точка зрения нашла отражение в монографии «Общество как система: Социологические очерки»¹.

¹ Руткевич М. *Общество как система: Социологические очерки*. СПб., 2001.

Взаимодействие народов и государств, мирное и военное, оказывает глубокое влияние на их развитие, а тем самым на два других типа социальной структуры, которые характеризуют *внутреннее* строение социума. Это *структура связи и взаимодействия различных областей, сторон общественной жизни* (второй тип) и *структура связи и взаимодействия социальных групп, слоев и других общностей*, из которых состоит каждый данный социум и, следовательно, общество вообще (третий тип). О различиях между ними будет подробнее сказано далее. Здесь только заметим, что данная книга посвящена именно третьему типу социальных структур. При их социологическом исследовании термин «социальный» употребляется не только в его общем (социальный = общественный), но прежде всего в особом, частном значении, когда под социальными отношениями понимаются *отношения между социальными группами*, различающимися по месту, положению, занимаемому в социальной системе.

Попытки разграничения этих двух типов социальной структуры путем присвоения им различных наименований предпринимались неоднократно. Например, в болгарской *социологическа литература* долгое время второй тип называли социологической структурой, а третий — социальной. Подобного рода терминологические ухищрения нам представляются искусственными, вносящими путаницу в устоявшееся содержание понятий. И та, и другая структуры являются *социальными* (общественными в первом, главном смысле этого понятия) и одновременно *социологическими*, поскольку они в равной мере изучаются социологией. Следует, попросту говоря, учитывать, что понятие «социальный» применяется в социологии, и не только в социологии, в двух разных значениях.

Прежде чем перейти к рассмотрению видов социальной структуры третьего типа (как строения общества из групп, подгрупп, слоев и т.д., вплоть до индивида), следует остановиться на взаимосвязи *внешних* и *внутренних* факторов в развитии социума, т.е. влиянии структур первого типа, внешних для данного социума, на структуры второго и третьего типов, для них внутренних. Иначе говоря, речь идет о влиянии межплеменных в прошлом, а ныне межэтнических, межгосударственных и вообще международных отношений на внутреннюю структуру социума. Обмен товарами и духовными ценностями, миграционные потоки, вложение капиталов и получение дивидендов на эти капиталы, подготовка спе-

циалистов из других стран в университетах и множество иных форм мирного взаимодействия в целом способствуют *модернизации* менее развитых обществ в общем направлении социального прогресса, проложенного обществами более развитыми. Но это взаимодействие, в о - п е р в ы х, носит крайне противоречивый характер даже в условиях мирных, примером чему может служить усиливающаяся эксплуатация народов бывших колоний и зависимых стран после обретения ими национально-государственной независимости. В о - т о р ы х, на протяжении всей истории человечества оно находило выражение в войнах, завершение которых закрепляло новое соотношение сил между государствами и народами. В ряде случаев завоевание приводило к деструктуризации сложившихся социальных организмов и их исчезновению, например при завоевании испанскими конкистадорами государств инков и ацтеков на американском континенте.

Для оценки деформирующего воздействия внешних факторов, в том числе войн, на внутреннюю структуру социума не обязательно углубляться в столь далекую историю. Поражение Советского Союза в холодной («третьей мировой») войне привело к развалу не только «восточного блока», но и сложившегося веками сообщества народов России. Распад Советского Союза вследствие внешнего давления и государственной измены Б. Ельцина в Беловежской Пуще отбросил Россию на Юге и Западе к допетровским временам, а в Центральной Азии — к временам Екатерины II. Самое трагическое последствие этого — превращение одного из самых многочисленных в мире великого русского народа в расчлененный этнос. Более 25 млн русских и дополнительно несколько миллионов людей русской культуры («русскоязычных») в одночасье оказались гражданами новых государств, где их права в той или иной степени подвергаются ущемлению, что вынуждает ежегодно сотни тысяч людей переселяться в РФ или на Запад с потерей жилья и имущества. Только из Казахстана в 1992–1997 гг. переселились в Россию около 1,5 млн человек. В 2003 г. начался повальный исход русских из Туркмении после того, как Президент С. Ниязов запретил иметь двойное гражданство. В известных масштабах эти процессы начались и внутри Российской Федерации. Только из Чечни были вынуждены эмигрировать, спасаясь бегством и бросив имущество, 400 тыс. русских. И мало кто из них вернется в Чечню даже после того, как «антитеррористическая» ак-

ция завершится, а экономика республики будет частично восстановлена. (Мы вернемся к этим вопросам в гл. 8.)

Попытки представить распад Союза ССР как результат только или преимущественно роста внутренних противоречий не соответствуют истинному соотношению внутренних и внешних факторов в крушении и раздроблении СССР. Примером крайне одностороннего освещения этого явления может служить книга «Несостоявшийся юбилей», выпущенная в свет Независимым институтом социальных и национальных проблем (бывший Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС)¹. Здесь приведены тенденциозно подобранные документы за 70 лет с целью доказать, что распад СССР был полностью обусловлен внутренними причинами. Ни одного документа, свидетельствующего о борьбе Запада против Советской России, а затем СССР, в книге не дано. В таком же духе выдержано и авторское предисловие, правда, с оговоркой, что оно выражает «личное мнение». Как будто не было ни стремления У. Черчилля «задушить большевизм в колыбели», ни плана «Барбаросса» и немецко-фашистской агрессии, ни замыслов американского правительства по нанесению ядерных ударов по СССР, вроде плана «Дропшот»!

Последовательно проводимая руководством США и их союзниками по НАТО политика «сдерживания коммунизма», а на деле экономического изматывания Советского Союза и его удушения, провозглашенная А. Даллесом еще в 1945 г. и служившая стержнем внешней политики США на протяжении десятилетий, в конце концов принесла плоды. Об этом с полной откровенностью говорил Дж. Буш в одном из своих предвыборных выступлений в ходе «президентской гонки» 1992 г.: «Да, не сомневайтесь, крушение коммунизма не было чем-то само собой разумеющимся. Для этого потрудились решительное руководство обеих партий». Конечно, при этом были поддержаны и использованы силы национализма и сепаратизма внутри многонационального государства, каким был Советский Союз, и особенно борьба за власть двух групп политической элиты в Москве. Не случайно в конце 1991 г. участники Беловежского сговора об упразднении СССР в первую очередь доложили о содеянном Президенту США Дж. Бушу-ст. и лишь после этого Президенту СССР М. Горбачеву. Исчерпывающий ответ на вопрос «Почему СССР не праздновал своего 70-ле-

¹ Несостоявшийся юбилей. Почему СССР не праздновал своего 70-летия? М., 1992. С. 5.

тия?»), поставленный в подзаголовке книги, требует всестороннего *объективного* анализа, основанного на изучении всех (в том числе еще не рассекреченных) источников, и объективного осмысления хода всемирной истории в XX в. Но именно этого в книге нет и в помине.

В связи с этим встает вопрос о соотношении внутренних и внешних факторов в коренном повороте Российской Федерации и других постсоветских государств от недостроенного социализма к капитализму в его зависимой от мирового капитализма полукOLONиальной форме. Речь будет идти только о РФ (заметим, что в других постсоветских государствах дела обстоят примерно так же или еще хуже). На наших глазах за очень короткий по меркам истории срок социальная структура высокоразвитого индустриального общества на глазах превратилась в структуру, характерную для стран периферийного капитализма. Произошло и продолжается разрушение научно-технического потенциала, деиндустриализация, прежде всего за счет наукоемких отраслей, свертывание крупного сельскохозяйственного производства, разбухание спекулятивной торговли и другой посреднической деятельности, превращение страны в сырьевой придаток и свалку отходов для развитых стран Запада. Эти масштабные изменения в экономике и политике оказывают крайне неблагоприятное воздействие на развитие социальной структуры российского общества — в том значении этого понятия, которое здесь находится в центре внимания автора.

Вот почему представляется необходимым вернуться к различию между двумя типами структур, характеризующих внутреннее состояние социума. В структурах второго типа элементами общественной системы выступают определенные стороны, области общественной жизни (экономика, политика и т.д.). Поскольку каждый член общества принимает участие в разных областях его жизни, постольку определенной стороной своей деятельности он входит в любой из видов структуры этого типа. Иначе говоря, структура общества, своеобразно преломляясь, оказывается одновременно и структурой деятельности индивида. В структурах третьего типа основными элементами общественной системы выступают группы людей — классы, слои, малые группы. Тот или иной индивид в каждом данном случае входит, как правило, в какой-то определенный класс, группу, слой социальной структуры в каче-

стве последнего и уже неделимого ее элемента (что не исключает пограничного статуса отдельных индивидов или принадлежности их одновременно к двум слоям, о чем далее будет сказано подробнее). При исследовании структур этого типа, обычно называемых социальными (в узком смысле этого термина, см. выше), противостоят два методологических подхода. Для одного из них характерен путь от общества к личности, для второго, напротив, от личности к обществу, причем под личностью понимается, как правило, сознание человека, чаще всего мышление исследователя.

В современной западной социологии преобладает второй подход. Это связано с общей тенденцией *психологизации* общественной жизни, которая дает о себе знать в самых различных областях социальных и гуманитарных наук. В социологии указанная тенденция характерна для направлений, склонных ограничиваться исследованием *мотивов* человеческого поведения. В рамках поведенческого подхода ударение может быть сделано либо на рациональных моментах (идеи, мысли, программы, планы и т.д.), либо на моментах эмоционально-волевых. Общая тенденция к иррационализму в западной философии нашего времени оказывает существенное влияние на социологию, проявляясь в склонности объяснять действия индивидов, групп, народов, обществ желаниями, стремлениями, подсознательными импульсами и т.д. Отчасти это связано с распространением эмпирических методов, предполагающих при опросе общественного мнения выявление желаний, оценок, психологических установок.

Обычная процедура конструирования социальной системы у социологов этого направления состоит в том, что они заимствованную из психологии схему поведения личности пытаются перенести на общество. Так, американский социолог А. Инкелес в статье «Личность и социальная структура», отмечая, что в социологии Запада возрастает значение психологических методов, выдвигает общий тезис: «Система личности становится одной из основных промежуточных переменных при любой оценке влияния одного аспекта социальной структуры на другой»¹. Действительно, поведение личности может быть представлено в виде системы, обладающей определенной структурой. Приведем типичную конструкцию такого рода. Человек испытывает некоторую

¹ См.: Американская социология: Перспективы, проблемы, методы. М., 1972. С. 32.

потребность (биологическую или социальную). Исходя из этой потребности он ставит (либо сознательно, в мышлении, либо на эмоционально-волевом уровне) определенную цель действия. Постановка цели предполагает выбор тех или иных средств для ее достижения. Размышление или аффект рано или поздно подводит его к *практическому действию*, направленному на воплощение поставленной цели в жизнь. Действие находит выражение в *результате*, который либо совпадает с поставленной целью, либо, что чаще бывает, частично совпадает, либо не совпадает с ней вовсе. Человек как субъект действия осознает этот результат и дает ему соответствующую *оценку*, которая вытекает из принятой им общей системы ценностей. Наиболее доступной для измерения является оценка результата действия, а также самого действия по степени субъективной *удовлетворенности* (либо неудовлетворенности) его результатом. Удовлетворенность, а тем более неполная удовлетворенность или неудовлетворенность трансформирует исходную потребность и вызывает к жизни новую потребность, что возвращает нас к исходной точке, к началу следующего цикла.

Мы привели примерную, так сказать, «усредненную», схему. В социологической и психологической литературе можно найти и другие схемы, в том числе несравненно более сложные, например у англичанина Э. Гидденса, весьма популярного и в России благодаря переведенному на русский язык учебнику по социологии. Гидденс создал *теорию структуризации* (структуризации), в центре которой находится не анализ реальной структуры общества, а процесс воссоздания этой структуры в голове ученого, своего рода «моделирование» социальных отношений и явлений. Теория Гидденса по своей сути эклектична, поскольку далее он заявляет: «Мы не отвергаем традиционное использование термина “структура” для указания на некие общие институциональные общества или ряда обществ...» черты. Однако под традиционным он подразумевает не более чем парсоновское понимание структуры, о котором речь шла выше. Но у Т. Парсонса, если отбросить идеалистические послышки, все же «проглядывает» реальная структура общества, что использует, например, Ю. Левада в упомянутых выше «Лекциях», тогда как у Гидденса в основной схеме, названной им «Дуальность структуры», под структурой понимаются «правила и ресурсы, или совокупность отношений преобразования, органи-

зованные как свойства социальных систем». Иначе говоря, не только процесс структуризации, но и его результат — структура общества — понимаются как *созданные нами* «правила» для организации эмпирического материала¹.

Данная (или другая) структура поведения личности, особенно способ мышления исследователя той же социальной структуры, имеет определенную познавательную ценность также для группы, класса, общества, когда они действуют как целое, т.е. объединены общей идеологией, программой деятельности и организацией, которая позволяет превратить единство мыслей и чувств в единство действий. Связь потребностей, целей (стратегических, программных и тактических) и средств, практической деятельности, ее результатов, их оценки очень важна для понимания деятельности политических партий и государственного аппарата. Мы оставляем в стороне вопрос о том, какой момент в схемах такого рода следует рассматривать как главный. Для марксизма это, несомненно, *практическая деятельность*, которая порождает потребности, отображаемые в поставленных идеальных целях и находящие удовлетворение, в конечном счете, в практике. Для представителей рассматриваемых направлений практика как материальная деятельность заслоняется психологическими мотивами.

На наш взгляд, структура личности не может быть положена в основу структуры социальной системы. Для того чтобы перейти от структуры личности к структуре общества в более широком аспекте, чем обрисованный выше, нужны дополнительные посылки. Многие западные социологи пытаются взять их опять же из социальной психологии. Типичен в этом отношении ход мысли Парсонса, автора «теории социального действия». «Социальное действие» для него прежде всего действие личности и как таковое оно характеризуется четырьмя понятиями: «деятели», «цели», «средства и условия для реализации цели», «социальные нормы». Поскольку индивид действует не иначе, как воздействуя на другого индивида, постольку и в системе общественных отношений последним элементом оказывается единичный акт взаимодействия двух членов общества. Именно этот *акт взаимодействия* Парсонс (и не только он) принимает за *исходный пункт* построения социологической теории, в том числе понимания социальной структуры.

¹ Гидденс Э. Устроение общества. М., 2003. С. 60, 61, 69.

В основе подобного методологического подхода на деле лежит идеализация акта товарного обмена. Налицо своеобразный «оптический обман», которому отдавали дань еще мыслители XVIII в. В обществе, где разделение труда опосредуется обменом товаров, отдельный производитель кажется свободным от общественных связей, вступающим в сделку с другим как бы по собственному желанию. Но в действительности именно на данном этапе исторического развития появляются несравненно более тесные связи между индивидами. К. Маркс отмечал: «Эпоха, которая порождает эту точку зрения — точку зрения обособленного одиночки, — есть как раз эпоха наиболее развитых общественных (с этой точки зрения всеобщих) связей»¹.

Парсонс в данном решающем пункте продолжает указанную традицию. Его система исходит, как из клеточки, из акта взаимодействия двух индивидов, она предназначена для любых исторических форм и поэтому внеисторична по самой своей сути. Социологи, ставящие во главу угла деятельность индивида, переносят на абстрактное общество (через ряд посредствующих звеньев, «уровней» социологической теории) психологическую картину акта *взаимодействия двух индивидов*. В любой абстрактной ситуации индивид, сталкиваясь (реально или потенциально) с другим индивидом, руководствуется, например у Парсонса, определенными ожиданиями (ожиданиями) в отношении другого и настраивается на определенную «волну», приобретает «установку» в зависимости от тех *ролей*, которые в данной ситуации играют оба индивида. Набор ролей, а тем самым *функций*, которые индивид выполняет (или может выполнять) в данной ситуации, — один, в другой ситуации — иной. Но во всех этих ролях, во всех выполняемых им функциях индивид исходит из сложившейся в его сознании ценностной ориентации, которая при всех различиях между индивидами имеет в основе господствующие в обществе *социальные нормы*.

В более сложных построениях исходным пунктом могут выступать не один и не два, а три индивида. Одна из влиятельных теорий в социальной психологии Запада — «теория структурного баланса» Ф. Хайдера. Пытаясь учесть роль средств общения, а особенно массовых коммуникаций, в формировании установки личности, он представляет взаимосвязь между индивидом *P*, другим лицом *O* и

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 12. С. 710.

объектом установки X в форме треугольника. Например, P — избиратель, O — политический комментатор, X — кандидат на выборах. Рассмотрение этого треугольника, допускающего разные комбинации взаимных установок, — это исходный пункт, отправляясь от которого, Хайдер пытается воссоздать структуру общества: «Все общество в конце концов можно представить как легкую паутину межличностных чувств или установок. Каждый данный человек может быть представлен сидящим в центре сотканной им паутины, связанным прямо с немногими и косвенно со всем миром»¹. И в этой теории переход от «клеточки» к обществу требует выяснения некоторых общих черт в установках личностей, т.е. опять же обращения к господствующим социальным нормам. Следовательно, вопрос переносится в такую плоскость: какова природа социальных норм, регулирующих поведение людей, в том числе в единичных актах взаимодействия двух (или трех) индивидов? Социальные нормы, в той или иной мере осознаваемые людьми, — это прежде всего нормы *морали* и *права*, которые могут выступать прямо, но могут опосредоваться религией, искусством и т.д. Для марксизма не подлежит сомнению, что эти нормы в конечном счете являются *отображением* господствующих *экономических отношений* и что они закрепляются с помощью социальных институтов, среди которых решающее место принадлежит политическим и правовым учреждениям.

Таким образом, в теории социального действия поставлена проблема о сущности социальных норм в их связи с поведением людей. Но Парсонс не дает ключа к решению этой проблемы, поскольку, в о - п е р в ы х, не видит действительного источника социальных норм в экономических отношениях; в о - в т о р ы х, не учитывает изменчивости этих норм вместе с экономическим строем, их преходящего исторического характера и зависимости от положения классов в обществе; в - т р е т ь и х, рассматривает любые отклонения от норм в поведении людей как дисфункции, тормозящие нормальное функционирование социального организма.

Для марксизма социальная структура второго типа — это структура общественных отношений, различаемых по их характеру, т.е. взаимосвязь экономического базиса, политической, правовой и идеологической надстройки, а также, говоря в еще более общем плане, взаимосвязь различных областей общественной

¹ Американская социология: Перспективы, проблемы, методы. М., 1972. С. 37.

жизни — экономики, политики, культуры и т.д. — и различных подобластей внутри каждой из них.

В соответствии с темой нас будут интересовать по преимуществу социальные структуры третьего типа, поэтому еще раз остановимся на различиях между ними. В о - п е р в ы х, во всех структурах второго типа каждый член общества, каждый индивид «рассекается» на части, как и общество, частичкой которого он является, ибо он участвует и в экономической, и в политической, и в культурной жизни, является носителем нравственного и правового сознания, субъектом и объектом социальных норм, а его потребности, цели, стремления и т.д. выступают как составная часть потребностей, целей, стремлений общества. Так, данный член общества может быть профессионально занят в сфере материального производства, но как гражданин и личность он принимает большее или меньшее участие в политической и культурной жизни, хотя бы как избиратель и как потребитель культурных ценностей. Кроме того, люди, работающие постоянно в сфере политического управления или в сфере культуры, всегда оказываются участниками экономической жизни потому, что существует обмен деятельностью между людьми, занятыми в разных сферах общественной жизни, а также потому, что они являются участниками процесса распределения материальных благ, получают часть произведенного национального дохода и используют его на личное потребление.

В о - в т о р ы х, социальным структурам второго типа присущ иерархический характер особого рода. Мы уже отмечали, что структура материальных систем представляет собой связь между материальными элементами, например ионами или молекулами, образующими кристалл. Но когда рассматривается *система отношений*, будь то в природе или в обществе, элементами ее оказываются уже «сгустки» отношений. Если в социальных структурах третьего типа последним элементом в иерархии членения оказывается неделимый индивид, человек, личность, взятая в ее определенной социальной роли, то тогда иерархия строится иначе. Так, общественное сознание может рассматриваться как одна из основных областей общественной жизни, наряду с производительными силами, производственными отношениями, политическими и правовыми учреждениями. Но в то же время общественное сознание представляет собой систему, элементами которой

выступают его основные формы, причем каждая из этих основных форм обладает сложной структурой. Искусство делится, к примеру, на роды и виды, последние — на жанры и т.д., вплоть до особенностей конкретного произведения искусства.

По-другому обстоит дело с иерархичностью строения систем в структурах третьего типа, поскольку в их основе лежит деление социума по определенному признаку на *социальные группы*, которые выступают в качестве основных элементов системы. Вполне понятно, что большие группы, на которые делится социум, в свою очередь обладают определенной структурой, поскольку они характеризуются одновременно однородностью, позволяющей их объединить в данную группу, и неоднородностью, позволяющей выделить группы меньшего масштаба внутри них. В иерархии любой социальной структуры этого рода последним «кирпичиком» оказывается индивид, который в каждом данном отношении (по данному признаку) входит во вполне определенную социальную группу и ее более мелкие структурные образования. Именно структуры этого типа могут быть названы *социальными* в узком смысле этого термина, поскольку входящие в них группы, подгруппы и т.д. вплоть до индивида должны рассматриваться под углом зрения равенства (и неравенства) между ними по положению в системе общественных отношений. Различие между группами предполагает *равенство* входящих в них подгрупп и индивидов по общим чертам социального положения и вместе с тем *неравенство* в менее существенном отношении по тем же самым признакам, критериям, которые послужили основанием для исходного основного деления. Иначе говоря, диалектическое соотношение тождества и различия должно быть полностью учтено и в данном случае.

Так, различие между городом и деревней в современной России предполагает некоторые общие черты в условиях жизни населения городских населенных пунктов и иные общие черты в условиях сельских. Но города различаются по типу — от столиц, центров регионов и крупнейших промышленных и культурных городов до небольших рабочих поселков городского типа. Города каждого из этих типов обладают общими чертами и различиями сравнительно с городами других типов. Конечным пунктом классификации оказывается определенный город или поселок городского

типа, сочетающий общие черты со специфическими, именно для него характерными условиями жизни населения.

Каковы же основные *виды* социальной структуры этого типа? Прежде всего это структура классовая, или иначе *социально-классовая* (см. гл. 3). Называя классовую структуру социально-классовой, мы тем самым подчеркиваем ее принадлежность к более общему типу социальных структур, связанных с равенством и неравенством в положении людей. Мы полагаем, что данная структура является *определяющей, главной*, ибо отношения между классами были стержнем системы общественных отношений во всех обществах, исторически сменявших друг друга после разложения первобытной общины, и являются таковыми во всем мире сегодня, в том числе в России.

Представленное различие между тремя типами социальной структуры, первой как глобальной и двух других как относящихся к социуму, носит, конечно, весьма условный характер. Что касается взаимодействия экономики, политики, идеологии, то оно принадлежит общей теоретической социологии и существует во *всех обществах классового типа, весьма значительно различаясь для рабовладельческого, феодального, буржуазного, социалистического обществ*, а в рамках каждого из них — в отдельных социумах. Структура этого типа тоже носит, таким образом, всеобщий, глобальный характер с учетом различий между общим, особенным и единым для каждого данного социума.

Что касается классового деления, то в странах, близких по социальному строю, аналогичные классы разных стран (социумов) консолидируются для защиты своих общих интересов. Рабочий класс в лице своих передовых представителей осознал необходимость интернационального взаимодействия для борьбы с буржуазией за свое освобождение в рамках Европы и Северной Америки еще в эпоху Маркса, что нашло выражение в создании I Интернационала. В дальнейшем, после раскола в международном рабочем движении (одним из выражений которого послужил раскол на большевиков и меньшевиков в России на II съезде РСДРП), существовали параллельно Коммунистический интернационал, объединявший коммунистические партии разных стран и континентов с позиций передовой части рабочего класса и угнетенных народов колоний и полуколоний, настаивавший на необходимости *революционного* перехода от капитализма к социализму, и Социа-

листический интернационал, объединявший партии, выражавшие интересы части рабочего класса развитых стран, а затем и ряда освободившихся от колониальной зависимости стран «третьего мира», которые стояли (и стоят) на позициях *реформистского* преобразования первого во второе. В настоящее время Социнтерн продолжает существовать, ведущая роль в нем принадлежит социал-демократическим партиям Западной Европы. Коминтерн по стечению исторических обстоятельств был распущен в 1943 г., но связи между коммунистическими партиями всего мира не прекратились, они приняли другие формы.

В еще более прямой и устойчивой форме после Второй мировой войны консолидируется монополистическая буржуазия всего мира во главе с правящими кругами ведущих развитых капиталистических стран Запада. Формы ее взаимодействия различны, например через экономические институты вроде Всемирного банка и Международного валютного фонда. Но главная роль принадлежит политическому взаимодействию «семерки» (G-7), которая на ежегодных форумах вырабатывает общую стратегию удержания мира под своим господством и заодно разрешает путем переговоров и компромиссов возникающие внутри этого «клуба» разногласия, а подчас и весьма острые противоречия, например о соотношении курсов основных валют, сегодня между долларом и евро, т.е. по сути между США и Европейским Союзом (ЕС), который постепенно раздвигает свои границы и уже стал «Европой от Атлантики до Восточной Европы», т.е. границ бывшего СССР. Участие России в «семерке», выдаваемое за ее превращение в «восьмерку» (G-8), носит в основном декоративный, тактический характер. Идеологическое единство вырабатывается на всемирных форумах интеллектуальной элиты Запада типа получившего наибольшую известность Давосского форума в Швейцарии.

В последующем изложении мы сосредоточим внимание на развитии социально-классовой структуры советского, а затем современного российского общества. Но этот анализ требует учета того факта, что социально-классовая структура теснейшим образом связана со всеми другими видами социальных структур рассматриваемого типа. Назовем основные:

- ♦ *социально-демографическая* структура, основанная на половых и возрастных различиях, но являющаяся социальной постольку, поскольку различия в общественном положении мужчин и жен-

щин, лиц молодого возраста и пенсионеров и т.д. определяются общественным строем. Ее связь со структурами социально-классовой и профессиональной в процессе воспроизводства последних требует особого рассмотрения;

- ♦ *социально-территориальная* структура, или поселенческая, стержнем которой в современных условиях в России является различие между городом и деревней, т.е. по типам поселений, с одной стороны, и по регионам страны — с другой;
- ♦ *профессионально-квалификационная* структура, определяемая социально-экономической неоднородностью труда, различиями в его характере и содержании. Она наиболее тесно связана с социально-классовой структурой.

О роли и значении социально-демографической структуры говорится во введении и уточняется, применительно к современной России, в гл. 8.

Там мы покажем, что социально-демографическая структура наряду с социально-классовой является *одной из основных*, поскольку каждая из них связана с производством: первая — с воспроизводством рода, вторая — с производством материальных благ, необходимых для существования людей и продолжения рода. Здесь дадим некоторые пояснения насчет различия между структурой демографической и социально-демографической.

Демография — особая наука с колоссальными историческими традициями, она старше социологии. Понятие *демографической структуры* общества является для нее основным. Типичным графиком, наглядно отображающим половозрастную (т.е. демографическую) структуру населения, является своеобразная «елочка», горизонтальные «ветки» которой показывают численность мужчин (справа) и женщин (слева) определенного возраста (по годам) в данном социуме. Если этнос характеризуется простым воспроизводством, «елочка» симметрична и тянется весьма равномерно снизу вверх, постепенно «худея», если не считать двух биологических поправок: мальчиков рождается больше, чем девочек, поэтому основание «елочки» справа несколько шире; кроме того, продолжительность жизни женщин несколько больше, чем мужчин, поэтому верхушка «елочки» выглядит несколько суженной — левая часть тянется чуть выше и оказывается «толще» правой. В развивающихся странах, где до сих пор очень высока рождаемость (в ряде стран Черной Африки коэффициент фертильности более 5),

основание «елочки» шире, но вследствие высокой смертности населения и низкой средней продолжительности жизни сама «елочка» оказывается укороченной по высоте. В развитых странах Запада, напротив, вследствие низкой рождаемости основание «елочки» сужается (в Германии коэффициент фертильности 1,29)¹, но благодаря большей продолжительности жизни она вытягивается вверх. Более всего это сказывается в Японии, где средняя продолжительность жизни наиболее высока: 84,7 лет у мужчин и 77,7 лет у женщин (в России 60,5 и 72,9)². Другой важнейшей проблемой демографии является миграция. Демографическая статистика учитывает баланс миграции между странами, например поток миграции в Западную Европу, а также в Россию из стран «третьего мира».

Но это еще не *социальная* демография. Граница между демографией и социальной демографией подвижна, но она существует. *Социально-демографическая структура* исследует различия в половозрастной, в том числе младенческой, рождаемости и смертности между классами, слоями населения и объясняет эти различия социально-экономическими причинами. Она не довольствуется цифрами миграции, но объясняет миграционные потоки, например при распаде СССР и ныне в РФ, экономическими и политическими причинами. И демография здесь превращается в отрасль социологии. Точно так же различия между положением полов в экономической, политической, культурной сфере — это тоже социологическая проблема. Во второй половине XX в. возникла социологическая теория, специализирующаяся на изучении этих различий и их социальной обусловленности в разных странах; она получила название *гендерной социологии* и весьма бурно развивается в нашей стране³. Более подробно о социально-демографической структуре мы будем говорить в гл. 8, посвященной нынешнему положению в РФ.

В большинстве национальных государств существенное значение имеет *этническая* структура, поскольку наличествуют элементы экономического, политического, культурного неравенства между этносами (или их «осколками» в виде национальных меньшинств, иммигрантов и т.д.). В подавляющем большинстве совре-

¹ Pocket World in Figures. 2003. The Economist Ed. P. 142, 180.

² См.: Российская газета. 2004. №189. С. 5.

³ См., например: *Силласте Г.Г.* Гендерная социология как частная социологическая теория // Социс. 2000. №11.

менных государств эти моменты неравенства существуют, а во многих они имеют решающее значение для сохранения единого государственного образования. Рассматриваемая структура приобретает тем самым *социальный характер* и переплетается со структурами социально-классовой и социально-демографической (см. гл. 8).

Каждый из упомянутых видов социальной структуры имеет свой, отличный от других, *критерий*, позволяющий различать социальные группы, слои. Так, в демографической науке главными критериями полагают пол и возраст. Выше уже было отмечено, что эти различия становятся *социально-демографическими*, если между группами существует правовое, а также социальное неравенство. Социально обусловлены и *границы* возрастных групп. Например, границы молодежи как совокупности лиц, входящих в рабочий возраст и обретающих гражданские права, исторически изменяются, в целом этот период растягивается в связи с получением молодыми людьми общего и профессионального образования во все большем объеме. Фактическое неравенство при приеме на работу в настоящее время остро ощущают в РФ, с одной стороны, молодежь, а с другой — лица предпенсионного и тем более пенсионного возраста, вынужденные искать какой-либо приработок из-за недостаточности пенсионного обеспечения подавляющего большинства из 40 млн пенсионеров. При этом надо учитывать, что «средняя» пенсия исчисляется с учетом таких категорий пенсионеров, как номенклатурные (в прошлом и ныне) деятели и т.д., получающих высокие пенсии. Пенсия в РФ составляет сейчас в среднем примерно 20% средней заработной платы, чего нет ни в одной цивилизованной стране; большинство пенсионеров живут в бедности, а то и в нищете при минимальной пенсии 600 руб. Особенно трагично положение детей: если, по официальным данным, в бедности пребывает около трети населения, то среди детей — более половины, поскольку сохраняется поистине позорная доплата одиночкам на содержание одного ребенка в 70 руб.

Связь всех указанных видов социальной структуры не может служить основанием для их смешения. Между тем таковое было весьма широко распространено в отечественной социологии и продолжается поныне. В качестве иллюстрации можно привести опросы населения РФ, ежегодно проводимые Российским независимым институтом социальных и национальных проблем (сейчас — Институт конкретных социальных исследований). В статье

директора института М. Горшкова по итогам опроса, проведенного в конце 1997 г. (они продолжают далее по той же схеме, заимствованной в Германии у фонда Эберта, спонсирующего деятельность этого проекта), за основу взято деление населения на 11 «социально-профессиональных групп», в частности выделенные: а) по критерию социально-классовых различий: рабочие, инженерно-техническая интеллигенция, служащие, предприниматели малого и среднего бизнеса (по неясным причинам предприниматели крупного бизнеса выпали из сетки). Что касается такого слоя современной российской элиты, как высшие государственные и хозяйственные руководители, то они оказались «растворены» — первые в категории госслужащих, вторые — в инженерно-технической интеллигенции; б) по критерию поселенческих различий: работники села, в которые, по-видимому, включены представители всех указанных выше социально-классовых групп, ибо все они наличествуют в определенном количестве и в деревне; сюда же, вероятно, вдобавок включены фермеры, а это в основном мелкая буржуазия, а частично подлинная буржуазия, поскольку на крупных фермах применяется труд наемных работников; в) по возрастному критерию — городские пенсионеры; сельские, видимо, либо не вошли в выборку, либо фигурируют в графе «работники села»; г) по социально-профессиональным критериям — военнослужащие и сотрудники МВД, хотя остается неясным, включены ли в число военнослужащих солдаты и сержанты срочной службы, которые не являются профессионалами, и т.д. Вполне естественно, что многие выводы исследования института представляются более чем спорными, например когда в «высший класс» зачисляются не только предприниматели, но и «гуманитарная интеллигенция». Основную массу последней, как известно, составляют учителя, работники учреждений культуры (театров, библиотек, музеев), преподаватели вузов. А это наемные работники, притом те их слои, которые являются «бюджетниками», т.е. находятся в особо трудных материальных условиях, ибо заработная плата в этих отраслях составит 40–50% средней по народному хозяйству¹. Подобная «неразборчивость» в критериях социальных различий повлияла на результаты исследования, которое отличают две осо-

¹ См.: Независимая газета. 1998. 16 янв. С. 8.

бенности — недостаток профессионализма и стремление сгладить социальные различия, затушевывать социальные противоречия.

Каждый вид социальной структуры рассматриваемого типа связан со своим, вполне определенным видом *социального неравенства*, и поэтому каждому присущ свой критерий социальных различий, который дает возможность определить сущность неравенства в том или ином отношении. Согласно диалектике, социальное неравенство в одном отношении предполагает равенство в другом. Эти два взаимосвязанных социологических понятия являются одной из возможных конкретизаций философских категорий *тождества* и *различия*. Различие в чем-либо предполагает тождество в своей основе, притом в двух смыслах: при сравнении существующих объектов и при сравнении состояний данного объекта с учетом его изменении во времени.

Это важно для понимания как существующего ныне в российском обществе социального неравенства, так и процессов его нарастания, *социальной поляризации*, о которой речь будет идти далее. Мы подходим к данному вопросу с позиций гуманистического принципа, согласно которому каждый человек независимо от его расового, национального, социального происхождения, его физических и умственных характеристик самоценен, поскольку принадлежит к виду *homo sapiens*. Но люди и их общности, социальные группы разного рода и масштаба неравны по положению в системе общественных отношений. Поэтому *социальное равенство* следует понимать как «равенство общественного положения, а никоим образом не как равенство физических и душевных способностей отдельных личностей»¹.

Научному представлению о социальном равенстве как реалистическом идеале, в котором отображены объективные тенденции развития общества, противостоят различные теоретические представления. Их можно сгруппировать следующим образом.

Во - п е р в ы х, это прямая и замаскированная апологетика неравенства. Наиболее откровенные представители этого направления оправдывают неравенство как извечно существующее и непреодолимое в будущем. В этих целях привлекаются самые различные аргументы. Это и традиционные ссылки на богов, якобы создавших касты и сословия, расы и народы неравными, и ссылки на генетику, предопределяющую неравенство наследуемым набо-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 24. С. 364.

ром расовых признаков. Так, немецкие фашисты пытались обосновать неравенство различием расовых признаков, не принимая во внимание, что среди немцев наряду с блондинами «нордического типа» добрую половину составляют брюнеты (особенно в южной части страны), а во многих восточных областях Германии в результате смешанных браков широко распространен славянский тип лица. Расизм, будь то «арийский», «азиатский», «негритянский» и т.д., жив поныне в США, ФРГ, ЮАР, Японии и других странах и продолжает оказывать влияние на определенные слои населения.

Если расизм (и идущий у него на поводу шовинизм) использует расовые (и национальные) различия для обоснования социальных различий в многорасовых (и многонациональных) обществах, а также для обоснования продолжающейся эксплуатации народов развивающихся стран, то более изощренную аргументацию выдвигают идеологи, пытающиеся оправдать социальное неравенство *внутри* этнических общностей. В этом отношении весьма показательна позиция «новых правых», заявивших о себе во Франции (Повель, Бенуа и др.). Тезис о «естественном неравенстве» между людьми они пробуют «научно» обосновать ссылками на *индивидуальные* различия в генетическом коде, в котором, мол, запрограммированы все задатки и способности, предопределяющие от рождения развитие человека, а тем самым его место в обществе. Однако известный ученый-генетик Ж. Моно, на которого они пробуют ссылаться, открыто заявил, что он не видит никакой связи между своими работами и теми выводами, которые «новые правые» пытаются из них сделать¹. Генетические различия индивидуального характера в рамках общего для человека как биологического вида генома, конечно, во многом определяют физические и психические особенности индивида, но не полностью, так как на протяжении жизни его формирует социальная среда. Весьма сомнительными, не имеющими и тени научного обоснования выглядят попытки известного российского экономиста, кстати грека по этнической принадлежности, Г. Попова выразить в процентах роль генетической наследственности (он определяет ее как 25%) в «судьбе» человека. А от расположения звезд при рождении, по его

¹ См.: Караганов Ю. Новые идеологии старых правых // Новый мир. 1980. № 7. С. 201.

подсчетам, зависит еще 10% «судьбы». Отсюда уже совсем недалеко и до астрологии¹.

Во - в т о р ы х, буржуазно-либеральное сведение проблемы к формальному равенству граждан перед законом. В идеализированной форме политическое и правовое равенство, возможное в условиях частнособственнического общества, было провозглашено просветителями XVIII в. Действительность оказалась далека от лозунгов «свободы, равенства и братства», поднявших в свое время массы на буржуазную революцию во Франции конца XVIII в. Тем не менее «подмоченные» (по меткому выражению В. Маяковского) «либертэ», «эгалитэ» и «фратернитэ» продолжают оставаться на вооружении идеологов либерального толка. На деле «эгалитэ», т.е. равенство, оказывается в лучшем случае формальным политическим равенством — равным правом голоса на выборах и формальным равенством перед законом. О том, как далека нынешняя российская действительность от писаний либералов, превозносящих «расцвет демократии» в стране, можно судить по тому, что бедняк, укравший буханку хлеба, сидит в тюрьме, вице-премьер, укравший сотню тысяч долларов, продолжает пребывать у власти, а олигарх, укравший миллионы долларов, пользуясь «дырами» в законодательстве, превращает их в миллиарды. Отдельные случаи разоблачения и правового преследования олигархов, особенно нагло обворовавших страну (Б. Березовский, В. Гусинский, М. Ходорковский), не изменяют общей картины.

Революционно-демократическая и социалистическая мысль задолго до Маркса показала полную несостоятельность этих представлений, призванных прикрывать вопиющее экономическое и социальное неравенство между людьми. Марксизм продолжил и углубил традиции демократической критики формального равенства, показав, что подлинное равенство может быть достигнуто только в результате коренного преобразования буржуазных общественных отношений в социалистические, преодоления эксплуатации человека человеком. Исторически важнейший шаг в этом направлении на практике в XX в. был сделан странами, выбравшими путь социалистического развития. В России он был насильственно прерван, но он продолжается в Китае, на Кубе, во Вьетнаме, за ним будущее несмотря на все зигзаги истории.

¹ См.: Известия. 1998. 1 авг. С. 6.

В - т р е т ь и х, научному понятию равенства противостоят воззрения грубого утопического социализма и коммунизма, апеллирующие к формам равенства, свойственным детству человечества — первобытной общине, а также к мелкобуржуазному эгалитаризму как равенству в распределении независимо от степени развития техники и трудового вклада человека в общественное производство, в процесс созидания материальных и духовных благ. Элементы уравнительного распределения имели место в Советском Союзе прежде всего в связи с мобилизационным характером экономики до Великой Отечественной войны, во время и после нее. Одновременно существовали элементы социального неравенства, порожденные особыми условиями снабжения «номенклатуры». Эти элементы следует считать, на наш взгляд, *деформациями* социализма, а не выражением его сущности. Исторически обусловленные недостатки раннего социализма, будь то в России или в Китае, не дают оснований для обвинений в адрес *теории марксизма*, которой наши либералы любят приписывать проповедь идеалов примитивного эгалитаризма, уравниловки в распределении и т.д. Мы вернемся к этому вопросу в гл. 7 книги, посвященной эволюции социальной структуры российского общества. В современных условиях реставрации капитализма в России происходит глубокая трансформация социально-классовой структуры, которая ведет к *возрастанию социального неравенства*. И об этом также далее.

Глава 3. Социально-классовая структура и социальная стратификация

Выше уже говорилось о значении для теории социальной структуры проблемы социального равенства в прошлом и в настоящее время, а тем самым и социального неравенства в самых различных формах как между индивидами, так и группами людей. Этот факт достаточно очевиден, вследствие чего все направления в теоретической социологии так или иначе признают необходимость его изучения и пытаются создать представления, схемы, модели структуры общества как состоящего из социальных групп различного рода. Наряду с термином «группа» широко распространены также термины «класс» и «слой», поэтому представ-

ляется необходимым начать с выяснения смысла терминов и обозначаемых ими понятий, тем более что в них вкладывается самое различное содержание.

В западноевропейской и американской социологии наибольшей популярностью пользуется термин «страта», что по-русски означает «слой», откуда и наименование теорий *социальной стратификации*, т.е. социального расслоения. На наш взгляд, не следует сводить дифференциацию общества на группы разного типа к стратификации. Понятие группы *шире*, чем понятие «слой», по своему содержанию. Чтобы убедиться в этом, обратимся к этимологии термина «страта» и сложившемуся его употреблению во всех областях научного знания. Stratum по-латыни означает «слой», «настил», а facere — «делать», откуда следует, что «стратифицировать» означает «делить на слои», «делать настил»; второе значение опускаем, поскольку оно носит технический характер. Соответственно в естествознании речь идет, в о - п е р ы х, о горизонтально расположенных слоях (воздуха, воды и т.д.), различающихся по физическим параметрам (температура, давление); в о - т о р ы х, о мыслительной или практической деятельности человека, который «нарезает» эти слои по своему разумению, стараясь более или менее точно отобразить реально существующую «слоистость» объекта. Так же обстоит дело со стратами в осадочных горных породах, кольцах древесного ствола, при нанесении нами слоев краски на крышу или слоев молекул на поверхность катода. Со сложившимся словоупотреблением следует считаться, ибо оно так или иначе сказывается на научных понятиях. Первоначальное употребление этого термина и производных от него в социологии, например при делении общества на слои по размерам годового (месячного) дохода, соответствует обрисованным выше значениям. Границы слоев устанавливаются, к примеру, на слой с годовым доходом на работника (или на душу) от 600 до 800, от 800 до 1000 тыс. руб. и т.д., и располагаются они по вертикали.

Впоследствии понятие «слой» стало употребляться в социологии и в более широком смысле — для обозначения *пограничных* слоев, совмещающих признаки двух социальных групп или оказавшихся за пределами «нормальной» структуры — на «дне» общества или на границе этого «дна» (маргиналы). Деление общества на слои по доходу, образованию и т.д. задолго до социологии использовала статистика. Но изучению расслоения общества, в том

числе по доходам, принадлежит и в социологии очень важная роль, поскольку оно позволяет полнее понять отношения распределения.

Впрочем, ограниченность этого метода тоже не подлежит сомнению. Кроме размеров дохода за определенный временной интервал (месяц, год) надо выяснять также размеры так называемого состояния, т.е. накопленного индивидом или семьей движимого и недвижимого имущества, счетов в банках, ценных бумаг и т.д., поскольку оно легко перетекает в месячный (годовой) доход и обратно. Наконец, и это самое главное, надо выяснять *источник* дохода. Тот же месячный доход в интервале от 5 до 8 тыс. руб. в 2004 г. могли получать столь разные социальные фигуры, как наемный рабочий успешно работающего предприятия, мелкий торговец, заключивший временный контракт артист театра и т.д., т.е. работники, различающиеся по своему социальному положению и источникам дохода. Точно так же доход свыше 100 тыс. руб. могут иметь директор государственного предприятия, предприниматель, высокопоставленный чиновник, звезда эстрады и т.д.

Социология пытается преодолеть ограниченность метода деления на слои по доходу, образованию и т.д. с помощью анкетного или устного опроса населения (или его части) на основе выборки, дающей более или менее достоверное представление о социальном составе населения страны (региона, города, района), трудового коллектива, контингента студентов вуза и т.д. Получаемые таким образом данные позволяют существенно углубить сведения, почерпнутые из статистики, дать им научную интерпретацию во многих важных отношениях, но одновременно таят в себе опасности субъективизации описываемой картины.

В о - п е р ы х, выборка может быть произведена по критериям социального деления, отличающимся от принятых в статистике данного государства, что позволяет исправить и детализировать социальный состав населения. Так, в советской статистике категория «служащие» вбирала в себя на деле самые различные слои (об этом подробнее в гл. 4). Кроме того, в установлении этих критериев уже наличествуют теоретические установки проводящего исследование ученого. Субъективный момент находит продолжение в количественном определении генеральной совокупности и техническом осуществлении выборки. Так, вспоминается доклад В.А. Ядова на заседании бюро Отделения философии, социоло-

гии, психологии и права РАН в 1997 г. Докладчик приводил данные об этнической самоидентификации русского населения в зависимости от социального положения опрашиваемых. Оказалось, что идентифицируют себя с русским народом 30% предпринимателей и 11% рабочих, принадлежащих, по анкетным данным, к русским. Естественно, ему был задан вопрос о выборке. Оказалось, что опрашивалось в целом, т.е. по всем социальным категориям, несколько десятков человек, причем сколько из них предпринимателей, а сколько рабочих, докладчик указать не смог. Не приходится доказывать, что научного значения эти данные не имеют и скорее свидетельствуют об установках Ядова.

Во - в т о р ы х, опрос в любой его форме предопределяет *мнение* опрашиваемого. Это позволяет существенным образом расширить научные представления. Полученные в ходе опроса (анкетирования) *субъективные* данные приобретают особый смысл, когда они умело сопоставляются, в каком-то смысле накладываются на *объективные* данные статистики, сопоставляются с ними. Это задача непростая хотя бы потому, что, например, точно и полностью оценить свой суммарный доход в денежном эквиваленте опрашиваемый не всегда может и не всегда хочет. Предприниматели склонны преуменьшать получаемый доход, поскольку в современных условиях в нем значительна криминальная составляющая — как при получении средств, так и при их расходовании на взятки чиновникам и на «крышу», выплачиваемую организованной преступности. Во многих случаях оценка дохода в денежном выражении оказывается затруднительной, например при наличии личного подсобного хозяйства в деревне и наличии у горожанина садово-огородного или дачного участка. Урожай с этих участков сегодня буквально спасает миллионы людей, не получающих длительное время заработную плату или имеющих крайне ограниченные денежные доходы вроде малой пенсии, пособия по безработице и т.д., но он потребляется семьей непрерывно, в то время как рыночные цены меняются.

Насколько это задача сложна и насколько здесь велики возможности внесения субъективного момента, можно судить по ошибкам, совершаемым даже опытными социологами. Сначала одно разъяснение. Среди коэффициентов, дающих возможность количественно оценить неравенство в распределении доходов, в том числе заработков у людей наемного труда, пожалуй, наиболь-

шей популярностью в силу простоты и наглядности пользуется так называемый децильный коэффициент, образуемый при делении доходов (в том числе заработной платы) 10% населения с наибольшими на доходы 10% с наименьшими доходами. Используются и другие коэффициенты, например при делении 20% с наибольшими доходами на 20% с наименьшими. Наиболее точен для выяснения степени неравномерности в распределении индекс Джиньи. По децильному коэффициенту обычно проводится сравнение разных стран, а по его динамике — развитие социально-экономической ситуации в данной стране. В СССР в послевоенный период он колебался от 3 до 5, в России по официальным данным в XXI в. он возрос до 14 (на деле выше), что свидетельствует о нестабильности социальной ситуации.

В связи с этим рассмотрим методы анализа в статье Т.И. Заславской, помещенной в издаваемом ВЦИОМ журнале. Автором вводится *субъективная* шкала материальной обеспеченности работников (речь в данном случае идет о занятом населении), «в основе которой лежит отношение доходов не к исчисляемому статистиками индексу цен, а к массовым представлениям самого населения о доходах, отражающих определенные ступени бедности и достатка». Автор обозначает доход, который, по мнению опрашиваемых, обеспечивает прожиточный минимум, «позволяющий жить нормально», как «социальный прожиточный минимум» и располагает опрашиваемый контингент по обычным 10 слоям. Но далее автором совершается произвольное действие: при обобщении результатов из рассмотрения она исключает верхние 10% (десятый дециль), ибо, мол, «он резко отрывается от всего остального массива, превышая значение девятого в 2,5–3 раза»¹. Действительно, «верхняя», десятая часть, а это как раз и есть новая буржуазия, высшее чиновничество и наиболее преуспевающая часть их obsługi — от адвокатов до телохранителей, эстрадных звезд и персонала ночных клубов, «отрывается» от остального населения, но это не может служить аргументом для их исключения из общей картины распределения доходов. Поэтому при всей тщательности анализа оставшихся 90% населения даже *субъективная* картина дифференциации российского общества по доходам *искажается*, а поэтому не может быть последовательно проведено сравнение с

¹ Заславская Т.И. Доходы работающего населения России // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. 1994. № 1. С. 5.

более или менее объективной картиной, предоставляемой статистикой. На наш взгляд, автор руководствовался идеологическими, а не научными соображениями, преуменьшая глубину социальной поляризации общества.

Децильный коэффициент и другие количественные показатели дифференциации по доходам нескольких, весьма условных слоев (условных, ибо мы полагаем объединение в один слой лиц с разными источниками дохода и установление границы между ними) при использовании в социологии требуют (кроме отмеченных выше) и других поправок. Так, в регионах России уровень цен существенно различается, поэтому сравнение по уровню заработной платы работников и по доходам на душу населения должно проводиться с учетом цен, а также особенностей формирования потребительской корзины: в условиях сурового климата эта корзина по набору существенно отличается от среднего по Федерации за счет необходимости больших денежных затрат на отопление, обувь, одежду, а также на питание для обеспечения энергетических затрат организма.

Особо следует обсудить вопрос о доверии к статистическим данным, которые выше были названы объективными, но тоже с большой долей условности. Они не учитывают сокрытия части доходов, о чем говорит удельный вес теневой экономики, составляющий 25% ВВП (официально) или даже 40–50% ВВП (по оценкам видных экономистов, которые, нам кажется, ближе к истине). Премьер М. Фрадков, не доверяя данным статистики, считает, что доля теневой экономики составляет 40 %. Реальные доходы, особенно у лиц с высокими доходами, ими преуменьшаются. На деле противоположность двух полюсов социальной дифференциации — богатства и бедности — в РФ много глубже, чем фиксируется и статистикой, и социологией. Таким образом, понятие «слой», «страта» имеет большое познавательное значение при изучении социальной структуры общества, но содержит в себе существенные возможности внесения субъективных моментов в социологическое исследование.

Перейдем к анализу понятия «класс», которое тоже употребляется применительно к обществу в самых различных смыслах (мы опускаем вопрос о различном словоупотреблении в естествознании и технике). О марксистском понятии класса речь будет идти далее, но предварительно следует заметить, что марксизм и мно-

гие иные направления социологической мысли сходятся в том, что *классы — это большие группы людей*. Таким образом, понятие «социальная группа» *шире*, чем понятие «класс», поскольку охватывает большие, средние и малые группы. Классы должны рассматриваться как особый, очень важный вид больших социальных групп.

При социально-классовом анализе социальной структуры, когда класс служит основой деления общества на группы и слои, социологи в советское время постоянно сталкивались с известными затруднениями. Дело в том, что в обществе существовали такие группы, которые не обладали всеми признаками класса, а также промежуточные, пограничные слои, совмещавшие в себе признаки различных классов; в гл. 4 этот вопрос будет обсуждаться подробнее.

Кроме того, понятие «класс» широко используется в западной экономической и социологической литературе в самых различных смыслах. Наиболее употребителен этот термин для обозначения слоев с разным уровнем дохода. Для «удобства рассмотрения», для «простоты» население подразделяют на «высший», «средний» и «низший» классы по уровню дохода. Это членение воспринято кое-кем и в современной отечественной социологической литературе, а также в политической публицистике. Среди высших представителей федеральной и региональной администрации мало тех, кто не высказывался бы о желательности скорейшего насаждения (мерами экономического регулирования сверху) в России «среднего класса», который, мол, должен стать социальной опорой нынешнего режима. Далее мы вернемся к вопросу о «среднем классе» в процессе трансформации социальной структуры российского общества.

В наиболее простой, можно сказать, вульгарной форме производится деление на 5, 6, 7 классов — по выбору и желанию различных авторов. Например, в «Социологическом задачнике», составленном А.И. Мичуриным в помощь студентам, дано следующее подразделение на классы: «высший высший, высший, высший средний, средний средний, низший средний, средний низший, низший низший»¹. Это уже произвол «чистой воды» — и жаль студентов, которые используют подобные учебные пособия.

¹ См.: Социс. 1994. № 10. С. 127.

Наряду с *уровнем дохода* сравнительно легко поддается квантификации и такая важная социокультурная характеристика населения, как *уровень образования*, измеряемый обычно количеством лет, проведенных в учебных заведениях. Так, в отечественной социологии обычно учитывается прежде всего количество законченных классов в общеобразовательной школе. Полное среднее образование засчитывается за 10 или 11 классов и к нему добавляются: 2 года на получение среднего специального образования и 5 лет на получение высшего. Достоинства этого количественного критерия несомненны. Он позволяет дать средневзвешенную оценку степени образованности всего населения, отдельных регионов, социальных групп, а также «работает» в международных сравнениях. По данным переписи населения 2002 г., средний уровень образования, измеряемый по этой схеме, снизился с 12,94 для лиц от 35 до 39 лет до 8,27 для лиц в возрасте от 25 до 29 лет¹. Но и недостатки данного критерия также достаточно очевидны. В нем не учитывается *качество* получаемого образования в разных странах и в разные периоды истории данной страны, равно как и различия в типе учебных заведений. Так, гимназия в крупном культурном центре и сельская школа давали и ныне дают разный уровень общей подготовки. После принятия Закона «Об образовании» (1992), когда обязательной определена «основная школа» (9 классов), возникли сотни муниципальных гимназий и лицеев со вполне ощутимой платой за «дополнительные образовательные услуги» и, кроме того, сотни частных школ с очень высокой платой за обучение. В результате стала стремительно нарастать дифференциация по качеству в сфере образования, которая была существенной и в советское время. Разница в реальной «цене» года обучения стала настолько большой, что это снизило возможности применения указанного критерия внутри страны. Еще больше различия между странами.

Тем не менее оба рассмотренных выше метода *количественной* оценки социальных различий широко используются в сравнительных международных исследованиях. Под эгидой ЮНЕСКО был введен весьма важный для сравнения и понимания динамики раз-

¹ Рассчитано авторами на основе издания Госкомстата РФ «Основные итоги переписи населения» (М., 2002. С. 17–18). Поколение 25–29-летних наиболее пострадало от «ельцинской» реформы образования (Закон 1992 г.), а также из-за материальных трудностей большинства семей с начала 1990-х гг.

вития различных стран *индекс человеческого развития* (ИЧР), построенный на суммировании (по определенным правилам) трех индексов: двух упомянутых выше индексов (уровень дохода и уровень образования), а также индекса средней предстоящей продолжительности жизни. К этому индексу мы еще вернемся.

Подводя итог сказанному о важности и полезности рассмотрения слоевой структуры общества и разработке вопроса о делении на слои в теориях стратификации (которые весьма отличаются друг от друга), отметим, что в нашей социологической литературе 1960–1980-х гг. эти теории пытались «стричь под одну гребенку» и снабжали эпитетом «буржуазные». Так, в «Кратком словаре по социологии», вышедшем в свет большим тиражом в конце 1980-х гг., читаем, что понятие социальной стратификации якобы «противоречит марксистской теории классов и классовой борьбы»¹. На деле понятие стратификации, т.е. деления общества на слои, как было показано выше, вовсе не противоречит понятию класса. Что же касается теорий стратификации, то каждая из них должна быть подвергнута научному анализу при соотнесении с теорией классового деления общества.

Задачей теоретической социологии, поскольку она стремится к исследованию общества не только по отдельным «срезам», но в его целостности, в единстве всех сторон и форм жизнедеятельности людей, является нахождение (построение) системы взаимосвязанных критериев социальных различий, которые в совокупности должны дать комплексное, интегральное представление о строении общества. Упомянутый выше индекс человеческого развития не может выполнить этой роли, поскольку не содержит сведений о структуре общественных отношений.

Отметим два основных теоретических подхода: М. Вебера и К. Маркса, которые предложили пользующиеся наибольшим признанием теоретические схемы *интегрального* представления о социальной структуре общества.

Среди многих социологов на Западе, а также тех российских ученых, которые не принимали марксистской теории или поспешили отказаться от нее в связи с изменением общественного климата, с теми или иными поправками и дополнениями принималась схема Вебера. При этом, «для оригинальности», к веберов-

¹ Краткий словарь по социологии / Под ред. Н.И. Лапина. М., 1988. С. 199.

ским критериям различий по *доходу*, *власти* (power) и *престижу* добавлялся «по вкусу» ряд других. Так, в коллективном труде Института социологии РАН был предложен «многомерный иерархический подход» и к схеме Вебера добавлены: «позиция в сфере занятости» и «формирование новых социогрупповых идентификаций»¹. В первом без труда узнается роль труда в общественной организации, второй же вносит субъективный момент, поскольку предполагает осознание членами группы принадлежности к ней, общности интересов.

Б. Барбер в обзорной статье по исследованиям социальной стратификации в США превзошел, пожалуй, всех, поскольку назвал *шесть* якобы независимых измерений социальной стратификации: 1) престиж профессий, 2) степень власти и могущества, 3) доход или богатство, 4) образование или знание, 5) религиозная или ритуальная чистота, 6) ранжирование по религиозным или этническим группам². Нетрудно заметить, что в первых трех пунктах повторяется схема Вебера с небольшими вариациями, а три последующих дают «сечения» общества по образованности, религиозности населения и этническому составу, т.е. в них автор стремится учитывать социально-культурные и этнические различия. Для такого этнического «котла», каким являются США, страна натурализовавшихся иммигрантов, два последних признака имеют существенное значение, но они, безусловно, не носят всеобщего характера.

Схема Вебера имеет определенные достоинства. Она охватывает в той или иной ипостаси, в о - п е р ы х, *экономические* различия (доход). В о - в т о р ы х, *экономико-политические* различия; власть индивида или группы над другими людьми и группами может осуществляться как через политические организации (государство, партия и т.д.), так и через экономические организации (компания, корпорация и т.д.). В-третьих, *социально-психологические* различия, поскольку в оценке престижа занятий, профессий и т.д. находит выражение *осознание* людьми относительной «высоты» своего (и чужого) положения в социальной иерархии.

Слабым звеном конструкции Вебера является проблема *связи* между этими тремя критериями, а следовательно, между видами социальных различий. Упомянувшийся Барбер называет их неза-

¹ Трансформация социальной структуры общества и стратификация российского общества. М., 1996. С. 6.

² Американская социология: Перспективы, проблемы, методы. М., 1972. С. 235–242.

висимыми, хотя на деле они не являются полностью независимыми. Сходным образом трактуется вопрос о связи этих критериев в других концепциях стратификации, базирующихся на веберовской традиции, но в чем-то отличных от нее. Попытка свести критерии (а тем самым различия) в общую картину достигается обычно измерением их *корреляции*, что по сути означает признание связей внешними, случайными. Если распределение населения по группам в соответствии с этими критериями изображается графически, то связь устанавливается просто: на одном листе чертят несколько кривых, каждая из которых означает «свое» деление общества на слои, их «накладывают» друг на друга, затем выводят результирующую среднюю, например этакое подобие груши при изображении стратификации западного общества. Это весьма наглядно, но научного анализа связей между применяемыми критериями заменить не может.

Теории социальной стратификации, как правило, приспособлены к потребностям изучения современного американского или западноевропейского общества. Подробный анализ этих теорий выходит за пределы задач, стоящих перед нами в настоящей книге, тем более, что их великое множество. По сути каждый социолог предлагает свою схему, и прав был Т. Гейгер, когда еще в 1930-х гг. писал: «Число возможных критериев, характеризующих те или иные слои, и построенных на их основе стратификационных моделей общества фактически бесконечно»¹.

Общая их черта — попытка свести теоретическую схему (чаще всего веберовскую) к операциональным понятиям, которые допускают использование *количественно измеряемых* показателей. Приведем типичный пример. М. Тьюмин в популярной, предназначенной для учащихся в США книге «Социальная стратификация», следуя за Вебером, пишет о собственности, силе (power) и психической удовлетворенности (которая связана с оценкой индивидом своего статуса). Однако при переходе к эмпирическим показателям он рассматривает обычные для американской социологии критерии стратификации — уровень дохода, уровень образования, виды занятий (occupations). Автор пишет, что они, мол, тесно связаны, и приводит эмпирический материал о зависимости этих показателей для групп, выделяемых самым простым способом: по «высокому», «среднему», «низкому» уровням дохода и об-

¹ Geiger T. Die Soziale Schichtung des deutschen Fobkes. Stuttgart, 1932. S. 5.

разования. Виды занятий классифицируются им так, что собственники, управляющие, служащие оказываются в одной группе; мастера предприятий и ремесленники (вместе) — в другой; торговцы и духовные лица (вместе!) — в третьей; в то же время рабочие фигурируют (в зависимости от квалификации и сферы приложения труда) в самых различных группах¹.

На наш взгляд, методология Маркса имеет существенные преимущества по сравнению с веберовской, поскольку дает возможность осуществить на деле *системный подход* в познании общества. Она позволяет установить внутренние связи между всеми типами и видами социальной структуры, поскольку выясняет связь, существующую между критериями деления общества на группы. Укажем на два главных момента в марксистском подходе.

Первый момент состоит в выделении классового или, точнее, *социально-классового* деления как основного для понимания *всей* совокупности социальных различий рассматриваемого типа, т.е. деления общества на группы и слои вплоть до индивида. Конечно, он не является единственным, и сводить социологическую теорию, основанную на методологии Маркса, только к структуре общества как состоящего из классов и «классовоподобных» групп и слоев и отношениям (в том числе борьбе) между ними было бы вульгаризацией материалистического и диалектического подхода к пониманию социальной структуры. Кроме социально-классовой структуры в обществе имеют место другие структуры этого же типа, т.е. основанные на делении на социальные группы разного рода, в том числе социально-демографическая, в основе которой тоже лежат материальные отношения (см. гл. 8).

Особо следует сказать о таких видах социальной структуры, не столь прямо связанных с экономическими отношениями, как *социально-культурная*, находящая свое выражение в различиях по уровню образования; *этническая*, если рассматривается полиэтническое общество; *конфессиональная*, если рассматривается общество, в котором эти различия существенны (а именно таково российское общество). Отличие предложенной классификации от приведенной в книге Барбера, упоминавшейся выше, состоит прежде всего в том, что все эти градации не рассматриваются как

¹ Tumin M. Social Stratification // The Forms and Function of Inequality. 1961. № 4. P. 40—42.

полностью независимые, но как связанные тем или иным образом с социально-классовой структурой и друг с другом. Это очевидно в отношении социально-профессиональной структуры и структуры по «занятиям» (которая отличается от профессиональной, ибо человек может выполнять в общественном разделении труда функции, далекие от его профессии, либо вообще не иметь профессии).

Но и половозрастные различия с ней также связаны, поскольку социология должна их рассматривать как *социально-демографические*. Они существовали и в первобытной общине, обуславливая половозрастное разделение труда. В последующем историческом развитии общества социальное положение женщины стало определяться прежде всего общественным строем, притом различаться у разных классов в одну эпоху и в одной стране. Что же касается молодежи, то даже возрастные границы этого слоя зависят от степени развития общества и социальных различий в нем. В дореволюционной России крестьянские дети начинали трудовую жизнь на полях и по уходу за скотом в детстве или раннем отрочестве и превращались в «мужиков» и «баб» в 15 лет и даже раньше, в то время как сыновья и дочери дворян проходили обучение в гимназиях, лицеях, пансионах благородных девиц, кадетских и пажеских корпусах и т.д. до 18 лет и более. И в наши дни подготовка рабочего требует начального профессионального образования, техника или медсестры — среднего профессионального, в то время как врача, инженера, юриста и т.д. — высшего профессионального образования. Соответственно различны сроки вступления в самостоятельную трудовую жизнь, а тем самым перехода во вполне «взрослое» в экономическом смысле состояние, в состав занятого населения. Здесь вряд ли целесообразно касаться связей других видов структуры данного типа с социально-классовой структурой, ибо каждая «линия связи» требует обстоятельного конкретного рассмотрения.

Второй момент определяется содержанием понятия «класс», поскольку оно употребляется в социологии и других общественных науках в самом различном значении, о чем упоминалось в гл. 2. Остановимся на марксистской трактовке этого понятия, из которой исходит автор при рассмотрении советского общества и его эволюции, равно как начавшейся в 1990-х гг. трансформации советского в современное российское общество (см. гл. 5–7).

В письме к И. Вейдемейеру (1852) Маркс оценил шаг, сделанный им вперед сравнительно с предшественниками в данном отношении, следующим образом: «Мне не принадлежит ни та заслуга, что я открыл существование классов в современном обществе, ни та, что я открыл их борьбу между собой». В качестве первого пункта принадлежащего ему *нового* Маркс отмечает, что «*существование классов связано лишь с определенными историческими фазами развития производства*»¹. Иначе говоря, каждая из этих фаз, т.е. исторически сменявших друг друга способов производства, общественно-экономических формаций обладает своим, только ему присущим делением общества по классовым признакам. Развернутое определение классов, данное Лениным в 1919 г., «расшифровывает» приведенное выше положение Маркса. Поскольку вокруг ленинского определения классов было немало споров, а ныне оно чаще всего игнорируется, приведем его здесь полностью, а затем проанализируем его структуру и содержание:

Классами называются большие группы людей, различающихся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественном разделении труда, а следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Классы — это такие группы людей, из которых одна может себе присваивать труд другой, благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства².

Это определение состоит из трех «блоков». В первом «блоке» по сути дела повторяется приведенная выше основная мысль Маркса; это уже есть не что иное, как *краткое* определение классов. Во втором «блоке» оно расшифровывается, поскольку система производственных отношений независимо от их исторической формы состоит из *трех основных элементов* — *отношений собственности на средства производства, отношений по обмену деятельностью в процессе производства* (или, что то же, общественная организация труда) и *отношений распределения*. Все эти моменты процесса производства тесно связаны, и столь же тесно связаны соответствующие признаки в приведенном определении классов. Третий «блок» характеризует *сущность* социально-экономиче-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42. С. 426—427.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 15.

ских *отношений* между классами, которая определяется *различием* их положений в системе общественного производства. Согласно диалектике, в различии всегда есть зачаток противоречия. Отсюда «осторожность» Ленина в формулировке — он указывает на вытекающую из различий интересов *возможность* противоречия в интересах, которое проявляется в том, что одни социальные группы могут присваивать себе труд других.

Не случайно отношение к средствам производства названо первым при расшифровке общего определения. От того, владеет ли класс (группа, слой) средствами производства или нет, зависит его роль в организации общественного труда и в присвоении определенной части созданного обществом продукта. В поистине необъятной марксистской и антимарксистской литературе при обсуждении вопроса о сущности классовых различий нередко даются краткие определения классов, ограничивающиеся указанием на их отношение к средствам производства. Вот обычное краткое определение: буржуазия владеет средствами производства, превращенными в капитал, пролетариат лишен средств производства и поэтому вынужден продавать свою рабочую силу. Действительно, отношение к средствам производства позволяет в *основном, главном* понять место класса в системе экономических отношений. Но неправомерно ставить в один ряд признаки «место в системе производства» и «отношение к средствам производства», ибо второе есть конкретизация первого, притом требующая своего продолжения, т.е. указания на два последующих основных элемента системы производственных отношений и выяснения взаимосвязи трех признаков между собой.

Здесь представляется уместным сделать одно замечание методологического свойства. Для диалектического подхода к определению понятий, отображающих сложнейшие явления общественной жизни, весьма характерно указание в первую очередь на самый общий признак, а затем уже на все иные, вытекающие из него. Подобным образом Ленин структурирует, например, определение понятия «империализм», выделяя в нем сначала исходный признак: «...империализм есть монополистическая стадия капитализма». Далее он *выводит* остальные признаки империализма из этого исходного, поскольку в неразвернутом виде, имплицитно в нем уже содержатся последующие признаки. Дав краткое, самое общее определение империализма (которое, заметим,

«работает» и в современных условиях), Ленин делает важное методологическое замечание: «Но слишком короткие определения хотя и удобны, ибо подытоживают главное, — все же недостаточны, раз из них надо особо выводить весьма существенные черты того явления, которое надо определить. Поэтому, не забывая условного и относительного значения всех определений вообще, которые никогда не могут охватить всесторонних связей явления в его полном развитии, следует дать такое определение империализма, которое включало бы следующие пять основных его признаков»¹. В обоих случаях Ленин применяет один и тот же прием: сначала дает основной, исходный признак, который далее развертывает в систему взаимосвязанных признаков. Эта логическая схема представляется нам чрезвычайно важной, ее значение выходит далеко за пределы понятий «империализм» и «класс».

Возражения против приведенной ленинской формулы в отечественной социологической литературе марксистского направления можно свести к следующим двум основным. В о - п е р в ы х, среди марксистов, в том числе социологов, нередко проявляется догматическая любовь к «подсчету признаков». В анализируемом определении классов некоторые ученые насчитывали три признака, другие — четыре, третьи — пять, причем связь между ними не раскрывалась. Предполагалось в одних случаях брать такой признак, как «различие по формам собственности», в других — «по роли в общественной организации труда», в третьих — «по размерам дохода» и т.д. Так, различие между рабочим классом и колхозным крестьянством в СССР проводили по первому критерию, между этими классами и социальной группой работников умственного труда (которых именовали в совокупности интеллигенцией) — по второму, внутри этих основных групп по слоям — по третьему. Такого рода упрощенческая трактовка вопроса о структуре советского общества воспроизводилась практически в каждом учебнике по историческому материализму либо теории научного коммунизма (мы вернемся более основательно к этому вопросу при обсуждении структуры советского общества, в гл. 4). Не приходится удивляться тому, что даже некоторые видные публицисты левого лагеря в наши дни пытаются отгородиться от того «истмата», который они «проходили» в свое время в вузе. Так, С.Г. Кара-Мурза уверяет читателей газеты «Советская Россия»,

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 386.

что у него «от истмата каша в голове». Но эта «каша» не имеет отношения к подлинному марксизму, в том числе к теории исторического материализма Маркса, которая в корне отличается от многих популярных в свое время учебников «истмата» и их нередко малограмотных толкователей среди учителей и преподавателей средней и высшей школы.

Во - втор ых, принципиальные возражения вызывают попытки отделить заключительный вывод Ленина об отношениях между классами от признаков, указывающих на различия между ними. Во многих книгах и статьях положение о *возможности эксплуатации одного класса другим* либо замалчивалось, либо его считали относящимся только к прошлому, к предшествующим формациям и добавляли, что для наших условий, мол, оно уже устарело.

Перейдем к наиболее распространенным возражениям *современных критиков* марксизма по проблеме классов. Главным является обвинение в том, что определение классов «по Марксу» касается *только* экономики, а не общества в целом, значит, это деление не на классы «вообще», а на экономические классы. Следовательно, неправомерно применение марксовых критериев классовых различий ко всем другим областям жизни общества, где имеются свои классы, слои и поэтому нужны иные критерии, чтобы понять суть различий между ними. Скажем, между слоем, стоящим у власти, и безвластным большинством населения; между интеллектуалами, создателями и потребителями «высокой» культуры и их поклонниками, потребителями вульгарной «массовой» культуры и т.д. То, что марксисты продолжают применять определение классовых различий в сферах политики и культуры, говорит, якобы, о неполном учете специфики этих областей или, попросту говоря, марксисты сводят политику и культуру к экономике, различия между классами, группами, слоями в экономике распространяют на различия в других областях жизни общества. Марксизм обвиняется в редукционизме, т.е. сведении всех явлений общественной жизни к экономическим, поэтому и в сведении классовых различий только к различиям в экономическом положении, что затем трактуется еще *уже*, как различия в отношениях собственности либо в распределении дохода (по вкусу).

Это возражение является достаточно серьезным и требует обстоятельного ответа. Действительно, в приведенном выше опре-

делении указываются различия между классами по месту в системе складывающихся между людьми объективных производственных, экономических отношений, а различия по политическим, культурным, нравственным и другим признакам там отсутствуют в отличие от определений, данных Вебером, Барбером и многими другими. Для понимания сути дела надо снова обратиться к вопросу о соотношении всех этих (и других, неназванных) областей жизни общества, т.е. к тому типу социальной структуры, который в гл. 2 фигурировал в качестве второго типа социальной структуры. Напомним, что во взаимодействии всех областей, сторон общественной жизни марксизм отводит решающую роль экономике, что не означает отрицания *обратного их воздействия* на экономическое развитие и наличия известной *относительной самостоятельности*, а потому собственной логики развития каждой из них. Подобное предпочтение экономики объясняется тем, что экономические отношения в главном, в основном складываются *объективно*, независимо от воли людей. Иначе говоря, только в главном объективная *логика* экономического развития, его закономерности пробивают себе дорогу через массу случайностей разного рода.

Рассматриваемое определение классов считается достаточным для понимания классовых различий вообще потому, что оно указывает на основные, *объективные* различия между ними, складывающиеся в основном независимо от сознания людей. На основе экономических различий формируются различия в политике и культуре. Но это вовсе не означает, что марксизмом игнорируются различия политические, культурные, идеологические, социально-психологические. Все эти различия между классами (а также другими группами) должны рассматриваться как *продолжение* экономических различий, притом не как простое продолжение, а как различия, оказывающие на экономику обратное воздействие.

Так, в *политике* находят концентрированное отражение и выражение экономические интересы классов, социальных групп, входящих в них, находящихся на стыке или вне основного классового строения слоев. Противоречия в экономических интересах между социальными группами, особенно когда они назрели, требуют *разрешения* политическими средствами. Эти средства многообразны — от выборов депутатов в парламент в соответствии с программами, которые они выставляют от своего имени или имени партий, до за-

бастовок, демонстраций и массовых насильственных действий в периоды революционных преобразований. Имеющие длительную историю формы экономической борьбы рабочего класса, например за повышение оплаты труда, приобретают в настоящее время политический характер. В Германии и других странах Западной Европы разрешение важнейших экономических противоречий между предпринимателями и наемными работниками (о сокращении рабочей недели, увеличении длительности отпусков, минимальной оплаты труда и т.д.) достигается в политической форме как трехстороннее соглашение между правительством, предпринимательскими организациями и профсоюзами. В современной России экономические требования по-прежнему находятся на первом месте, так как работники наемного труда получают, в зависимости от отрасли, 10–30% дохода предприятия. Отсюда массовые требования по выплате задержанной (подчас до года) заработной платы, нередко переходящие в голодовки. Что же касается перерастания экономических требований в политические, то оно серьезно тормозится продажностью руководства основного профсоюзного объединения, ныне целиком входящего в правящую партию «Ääíäÿ Ðíññëÿ», и относительной слабостью левых партий, прежде всего КПРФ, составляющих в Государственной Думе меньшинство. И те, и другие не могут серьезно повлиять на принимаемые законы, например нового Кодекса законов о труде, который существенно урезает экономические и социальные права наемных работников. Еще хуже обстоит дело с оплатой труда интеллигенции, «ñññäæáíííé» на ставки ЕТС (единой тарифной сетки).

Наконец, экономические различия между социальными группами находят продолжение в духовной сфере. В *идеологии* политические установки партий и других политических движений получают прежде всего теоретическое обоснование. Однако идеология не сводится к теории, к обоснованию долговременной программы и выработке стратегической линии. Она также включает в себя работу по конкретизации программных установок вплоть до выдвижения лозунгов, призванных вдохновить массы на действия в данных условиях по созданию механизма распространения своих идей в массах, прежде всего в тех социальных группах и слоях, интересы которых эти партии и движения стремятся выразить, с тем, чтобы привлечь их на свою сторону, организовать их политически, ориентировать на практические действия. В современных

российских условиях, когда основные средства массовой информации (прежде всего телевидение и радио) принадлежат государству, возможности оппозиции критиковать существующий режим резко ограничены.

Наконец, под воздействием материальных, экономических условий существования у социальных групп складывается определенный образ жизни и, следовательно, *социокультурные* и *социально-психологические* особенности, находящие выражение в повседневном поведении. Только слепые или закрывающие на реальность глаза социологи могут не замечать, что субкультура, психологические черты, поведение «новых русских» связаны прочными нитями с их быстрым обогащением несправедливыми путями. На этой экономической основе получила развитие психология паразитического потребления, этакого пира во время чумы на глазах у бедствующих соотечественников и изумляющихся их повадками иностранцев. Точно так же нельзя не заметить связи хронических болезней, пьянства, глубокого пессимизма, роста числа самоубийств среди наемных рабочих и служащих, безработных, деклассированных слоев с их бедственным положением.

Таким образом, задача социологии состоит в том, чтобы, изучая экономику, политику, культуру, идеологию и психологию общества в целом, а также отдельных классов, социальных групп, слоев, раскрывать зависимость между этими сферами жизнедеятельности, как можно полнее отображать *диалектику их взаимосвязи*. Энгельс, уделявший в последние годы своей жизни особое внимание данному вопросу, писал: «Тут налицо взаимодействие всех этих моментов, в котором, в конце концов, экономическое движение, как необходимое, прокладывает себе дорогу через бесконечное множество случайностей...»¹.

Критики Маркса во второй половине XX в. и современные критики марксизма, в том числе среди советских социологов, «прозревших» в начале 1990-х гг., склонны игнорировать эти и иные, хорошо им известные высказывания Энгельса или Ленина. Эти социологи равно игнорируют книги и статьи, написанные в давнее и недавнее время, в том числе и ими лично. Сказанное в полной мере относится к трудам по социальной структуре общества. Так, заместитель директора Института социологии РАН З.Т. Голенкова в 1996 г. «забыла» о книгах и статьях по социальной

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 37. С. 394.

структуре общества, изданных ранее в том же институте не без ее участия. А в них были даны исчерпывающие разъяснения по поводу редукционизма в понимании классовых различий. Выше уже было сказано, что редукция есть сведение сложного к простому. В указанных трудах Института социологии РАН специально рассматривался вопрос о том, что признание зависимости политических и прочих различий от социально-экономических и одновременно их автономности не означает сведения одного к другому и тем более не означает редукции, т.е. сведения «сложного» (политика, культура) к «простому» (экономика), ибо неизвестно, какая из этих областей жизни «проще», а какая «сложнее» другой. Но Голенкова, участвовавшая в подготовке этих материалов на протяжении многих лет, сейчас пишет: «В марксистской традиции длительное время все различия “в конечном счете” сводились к различиям в богатстве, т.е. классовой принадлежности»¹. Насчет «традиции» было сказано выше. Но «сведение к богатству, т.е. классовой принадлежности» — это уже нечто новое, это какой-то «многоэтажный» редукционизм: классовые различия сводятся к экономическим, а экономические — к отношениям распределения, притом в форме, характерной для обыденного сознания, — обладанию «богатством». И такую многоэтажную чепуху профессор социологии «подбрасывает» марксистской традиции! Впрочем, далее на той же странице читаем, что социальное неравенство якобы сводится марксистами к «неодинаковому положению по отношению к собственности». Но данное обвинение в «редукции» повисает в воздухе, поскольку для марксизма все различия не сводятся к экономическим, а экономические не сводятся к различиям по формам собственности.

Подлинная проблема для социологии, и не только для нее, состоит в том, чтобы раскрыть эту диалектику в конкретных условиях, в том числе в условиях России, переживающей сложный период, в целом, но и при объяснении поведения отдельных классов, социальных групп, слоев общества. Поэтому в гл. 7 книги будет уделено большое внимание связи социально-экономической структуры общества со структурой социально-политической в современных российских условиях. А здесь в рамках постановки во-

¹ Трансформация социальной структуры и стратификация российского общества. М., 1996. С. 7.

проса напомним о традициях марксистского анализа в данной области.

Маркс разграничивал в применении к рабочему классу в капиталистических странах состояние: 1) «класса в себе», который еще не осознал своих коренных экономических интересов, не осознал себя классом, отличающимся от других классов общества по положению и интересам; 2) «класса для себя», который эти интересы осознает и вступает в политическую борьбу за их осуществление. Превращение первого во второе — длительный и сложный процесс, который подвержен влиянию многих внутренних и внешних факторов. Ленин разработал применительно к российским условиям начала XX в. пути и способы внесения социалистического сознания в стихийное рабочее движение и создания политической партии, выражающей глубинные интересы всего рабочего класса и возглавляющей политическую борьбу за их воплощение в жизнь, за власть. Но разрыв в *объективном* положении и обусловленных им различиями, с одной стороны, в экономических интересах, а с другой — в сознательном участии в политической борьбе, т.е. становлении класса как *субъекта* действия во имя этих интересов, может быть чрезвычайно длителен. В России 1990-х гг. и начала XXI в. люди наемного труда дезориентированы вследствие деградации промышленного производства, безработицы и угрозы потери работы, предательской роли профсоюзов, поэтому поднимаются только на экономическую борьбу на данном предприятии или в данной отрасли в определенном регионе. Забастовки шахтеров в угольных бассейнах страны, учителей и врачей в дотационных регионах, энергетиков в Приморье и т.д. обычно ограничиваются требованием выплаты задолженности по заработной плате. Так, предполагавшийся осенью 1997 г. подъем стачечной волны с предъявлением политических требований, как известно, не состоялся.

Вообще *объективное* и *субъективное* полностью не совпадают. Именно данный пункт является основным для критики Маркса Р. Дарендорфом в его известном труде по классовому конфликту, изданному в середине 1950-х гг. Дарендорф во многом соглашается с Марксом, но... для XIX в. Он полагает, что учение Маркса ныне надо поместить в «*αἰῶνα μετέωρον πᾶσι*» сообразно реалиям индустриального общества. На деле его критика бьет мимо цели. Дело в том, что он считает теорию классов и классовой борьбы Маркса только «инструментом объяснения изменений форм об-

щества», но не теорией о существующем обществе, не теорией его строения и жизни сейчас, в условиях постиндустриального общества. Иначе говоря, по мнению Дарендорфа, Маркс дает теорию исторического развития, но не теорию функционирования общества. Мы полагаем, что дело обстоит иначе: теория классов впервые связала противоречия функционирования и противоречия развития вообще и буржуазного общества в частности.

Дарендорф заимствует у Маркса противопоставление «класса в себе» и «класса для себя», оформляя этот тезис как различие «скрытых интересов» и «открытых интересов». Именно в данном пункте состоит принципиальное различие между ними. Для Маркса «скрытые» интересы, т.е. еще не осознанные, *объективно* существуют, поскольку объективно существует различие в экономическом положении, а следовательно, противоречие в интересах. Для Дарендорфа «скрытые интересы» — это лишь «теоретическая конструкция», их носители — классы, пока они не вступили в борьбу за свои общие интересы, суть «фиктивные единицы», а классами они становятся лишь тогда, когда появляются «организованные политические группы интересов». Но известно, что рабочие примыкают к различным политическим партиям, поэтому, согласно Дарендорфу, в современном постиндустриальном обществе «промышленные конфликты» уже якобы не выходят за ворота предприятия и «господствующие и угнетенные классы в промышленности более не являются частями соответствующих классов в области политики. В последней господствующий класс — это “бюрократия”, министры и парламентарии». В результате «конфликт организованных групп интересов превратился из классовой борьбы в квазидемократические споры»¹.

Таким образом, классовый конфликт в современном обществе, по Дарендорфу, превращается в разновидность «когнитивного» конфликта, в споры вокруг принятия политических решений, будто в политических решениях, например в установлении государством продолжительности рабочей недели, не проявляется классовая борьба и не фиксируется очередная уступка правящего класса наемным работникам, как это происходит постоянно в ФРГ (где для ряда категорий рабочих, например в металлургии, установлена 35-часовая рабочая неделя) или Франции.

¹ *Dahrendorf R. Soziale Klassen und Klassenkonflikt in Postindustrial Gesellschaft. Stuttgart, 1957. S. 17, 169–171, 240, 257.*

Для теоретической социологии проблема состоит в том, чтобы с помощью количественных методов связать воедино эмпирические исследования ситуационных, политических предпочтений (например, перед выборами и в промежутках между ними) с устойчивыми ценностными ориентациями и реальными объективно обусловленными экономическими интересами социальных групп. При решении этой задачи надо исходить из реального социально-классового строения общества и происходящих в нем изменений и сопоставлять с ними эмпирически получаемые данные о ценностных ориентациях и политическом поведении. Известные подходы к решению этой сложной задачи в специфических условиях современной России намечены В.К. Левашовым¹.

Второе возражение тоже имеет известные основания. При анализе элементов социально-классовой структуры речь должна идти не только о классах как больших социальных группах, но и других социальных группах и социальных слоях, т.е. всех элементах и субэлементах социальной структуры общества.

В трудах классиков марксизма был дан конкретный анализ экономического положения различных слоев буржуазии и рабочего класса в разных странах Европы (особенно в Англии, Франции, Германии), например торговой буржуазии в ее отличии от промышленной и банковской, что для капитализировавшейся России начала ХХI в. сохраняет свое значение, равно как рабочей аристократии и полупролетариата в оплате работников наемного труда (и это также для наших условий важно при растущих различиях среди работников наемного труда) и т.д. и т.п. В современных условиях столь же важно учесть детальный анализ промежуточных слоев, например положение горнозаводских рабочих на Урале в конце ХIХ в., одновременно ведущих традиционное крестьянское хозяйство (это отметил Ленин в «Развитии капитализма в России»).

Понятие «слой» в марксистской социологии употребляется очень широко, и не только при описании внутренней структуры больших социальных групп, но и при изучении *пограничных слоев*, образующихся *на стыке* основных социальных групп, соединяющих в себе (в большей или меньшей степени) признаки обеих групп.

Личные подсобные хозяйства сельских жителей пригородов и коренных горожан («*oãñòð ñîðîê*») в 2002 г. произвели 92,6% карто-

¹ Социс. 1977. № 11. С. 13–25.

феля, 79,9% овощей, 57% мяса и 50,9% молока¹. Сочетание наемного труда с ведением сельского хозяйства на собственной, колхозной, арендуемой земле — типичное явление не только для дореволюционной России, но и для Советской России (личные приусадебные хозяйства колхозников и других сельских жителей), и для Российской Федерации сегодня. Сочетание признаков наемного труда разного типа, рабочего и ИТР было характерно для части персонала наиболее наукоемких, высокотехнологичных отраслей промышленности в СССР. Это явление основательно исследовалось социологами в 1960–1980-х гг. Для современной России типично совмещение наемного труда в средней и крупной промышленности, НИИ и т.д. с занятием мелкой торговлей, «челночным» промыслом, оказанием услуг. В дальнейшем изложении все эти явления будут рассмотрены более конкретно при анализе социально-классовой структуры современного российского общества. В нынешних условиях также большая роль принадлежит пограничным слоям, совмещающим признаки основных социальных групп и поэтому занимающих особое место в социально-классовой структуре общества.

Термин «социально-классовая» представляется нам удачным, с одной стороны, потому что в нем указывается на необходимость изучения *всех* социальных групп и слоев, различающихся по положению в системе производственных отношений, т.е. подпадающих под рассмотренный выше критерий социальных различий. С другой стороны, в этом понятии подчеркивается принадлежность данного вида социальной структуры к более общему типу социальных структур (названному нами условно третьим по счету). Данный термин использовался Н.И. Бухариным еще в начале 1920-х гг., что вызвало критическое замечание В.И. Ленина². В данном случае Бухарин был прав. В 1960–1970-е гг. это понятие достаточно широко вошло в научный оборот и продолжает поныне использоваться в социологической литературе.

В настоящей главе мы сосредоточились на применении одного момента в определении предмета теоретической социологии, данного в разд. I, а именно: на выяснении взаимосвязи общественных явлений, на понимании общества как совокупности структур, представляющих собой, каждая по-своему, определен-

¹ См.: Россия в цифрах. М., 2002. С. 207.

² См.: Ленинский сборник—XI. С. 368.

ный срез общества как целостной системы. Если на структурах первого и второго типов мы остановились лишь в меру необходимого для понимания целей книги, то структуры третьего типа были рассмотрены в многообразии их видов с упором на главную из них, определяющую социальный характер всех остальных, — *социально-классовую структуру*. Деление социума на классы, группы, слои и более мелкие структурные единицы — необходимый момент социологического анализа, который может проводиться с разных методологических позиций. Мы постарались показать, что классовый, групповой, слоевой и т.д. подходы не противоречат друг другу, дело в выборе критериев и установлении связей между ними, а это требует точности, определенности употребляемых понятий и одновременно их гибкости, выяснения связей между ними.

Второй момент в определении предмета теоретической социологии — изучение процессов *развития* и его закономерностей — не менее важен. Мы не имеем возможности здесь подробно рассмотреть все проблемы развития общества в его исторической ретроспективе, это увело бы нас далеко от выполнения поставленной задачи. Поэтому проблемы развития будут предметом исследования в их особом, уникальном для мировой истории виде, как процесс эволюции советского общества в России и его трансформации в современное российское общество. Естественно, основное внимание будет уделено изменениям в социальной структуре, прежде всего превращению социально-классовой и социально-демографической структур советского общества в социально-классовую структуру современного российского общества начала XXI в. (гл. 7) и изменениям социально-демографической структуры (гл. 8), которые приобрели угрожающий для будущего нашей страны характер.

РАЗДЕЛ II ЭВОЛЮЦИЯ СОЦИАЛЬНО-КЛАССОВОЙ СТРУКТУРЫ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

Глава 4. Социально-классовая структура советского общества. Теоретические вопросы

В официальных документах второй половины 1930-х гг. при характеристике сложившейся в СССР после объявленного завершения переходного периода от капитализма к социализму для описания новой социально-классовой структуры общества использовалась весьма простая формула. «Для краткости» в научных кругах ее обычно называли: «2+1». Действительно, в самых общих чертах эта формула, провозглашенная И.В. Сталиным в докладе о новой Конституции СССР в 1936 г., давала общее более или менее правильное представление о новой расстановке социальных сил в стране. *Рабочий класс* стал (через государственный аппарат управления) собственником всех основных средств производства в промышленности, строительстве и других отраслях производства в городе, а также в так называемых советских хозяйствах (совхозах) в деревне. Кооперированное *крестьянство* в ходе коллективизации не без применения во многих районах страны мер принуждения, подчас весьма жестоких, объединилось в крупные сельскохозяйственные предприятия — коллективные хозяйства (колхозы) и считалось вторым основным классом общества. Важно отметить, что в отличие от кооперативов в других странах основное средство производства на селе — земля — была еще в годы Гражданской войны национализирована и считалась *всенародной* собственностью. Колхозы владели постройками, скотом, некоторыми орудиями производства и произведенным продуктом, который распределялся между его членами в зависимости от трудового вклада каждого работника в общее хозяйство, но после выполнения обязательств перед государством, прежде всего плановых поставок. Что касается *интеллигенции*, то в нее включали в прин-

ципе *всех* работников умственного труда как в городе, так и в деревне, поэтому она была чрезвычайно *неоднородной* по своему составу — от руководителей предприятий до учетчиков продукции на складах, от университетских профессоров до сельских фельдшеров.

В докладе Сталина о принятии Конституции СССР 1936 г. было провозглашено полное гражданское равенство, сняты любые ограничения гражданских прав с бывших дворян, буржуазных элементов в городах, бывших кулаков в деревне и прочих «лишенцев», провозглашено *единство всего советского народа* на основе союза трех упомянутых социально-классовых сил и намечены пути дальнейшего укрепления этого союза.

Вне сомнения, принятие Конституции 1936 г. было колоссальным шагом вперед в становлении социалистического общества в СССР, в демократизации общества и сплочении народа перед лицом нараставшей опасности внешней агрессии, поскольку гитлеровская Германия и милитаристская Япония не скрывали своих (сорванных при победном завершении Гражданской войны и разгрома интервентов разного рода) планов завоевания и расчленения Советского Союза. Они деятельно готовились к войне против СССР, что нашло, в частности, выражение в заключении в 1936 г. так называемого антикоминтерновского пакта трех держав; к Японии и Германии присоединилась фашистская Италия. Жесткие меры по раскулачиванию зажиточных крестьян и судебная расправа с политическими противниками в высших эшелонах власти не всегда и не во всем были оправданы, но они способствовали укреплению единства народа и руководящей роли Коммунистической партии. Одновременно через высылку и создание лагерей они способствовали мобилизации трудовых резервов при решении сложнейших задач строительства современных промышленных предприятий и транспортных артерий, особенно в малообжитых, но стратегически крайне важных для обороны страны регионах.

Сталин придавал важнейшее значение фактору времени. В 1931 г. в беседе с немецким писателем Э. Людвигом он заявил: мы отстаем от передовых стран на 50—100 лет, но должны пробежать эту дистанцию за 10 лет — иначе нас сомнут! И действительно, эти 10 лет необычайного напряжения всех сил страны, особенно в процессе индустриализации и создания по крайней мере первых серий со-

временных видов вооружения, а также идеологической и психологической подготовки народа к необходимости отражения нагвадшейся агрессии, в целом сделали свое дело. Следует заметить, что времени все же недоставало и страшные потери первого года Великой Отечественной войны во многом объяснялись нехваткой новых самолетов, танков и т.д. Самая грубая ошибка Сталина за весь период его деятельности во главе советского государства состояла в том, что он доверился противоречивым сообщениям разведки и проморгал начало войны 22 июня 1941 г. Видимо, ему столь хотелось оттянуть начало войны хотя бы на год, что он больше верил генералу Голикову, чем донесениям агентов внешней разведки. Эта ошибка стоила нашему народу миллионов жизней и колоссальных потерь территории. Я могу судить об этом с достаточным основанием, ибо начал войну в ночь на 22 июня 1941 г., находясь после окончания университета на кадровой службе на границе.

Но вернемся к рассматриваемой формуле социально-классовой структуры предвоенного советского общества. Если она годилась в качестве лозунга, то строгим научным критериям не соответствовала, в том числе тем, что содержались в ленинском определении классов, о котором речь шла выше. Следует сделать замечание *методологического характера*: советский общественный строй находился в непрерывном развитии, в то время как формула 1936 г. продолжала господствовать в научной литературе и пропаганде. Поэтому замечания по отношению к этой формуле, относящиеся ко второй половине 1930-х гг., будут далее конкретизироваться в соответствии с ходом развития советского общества и его социальной структуры, обусловленного действием внешних и внутренних факторов. Формула оставалась в пропаганде и даже в научных трудах, но жизнь изменялась. На первый взгляд читателю может показаться излишне скрупулезным такой подход, но без соотнесения новых явлений в социально-классовой структуре с указанной формулой нам далее не обойтись.

В современной отечественной и зарубежной литературе при оценке социальной природы советского общественного строя, как он сложился к середине 1930-х гг. и продолжал развиваться до середины 1980-х гг., наблюдается полный *разнобой* мнений. Они колеблются в чрезвычайно широком диапазоне: от вынужденного воспроизведения официальных оценок — как общества реального со-

циализма — до полного отрицания всех достижений этого периода отечественной истории, изображения 70-летнего существования России—СССР как некой «черной дыры», наподобие малоизученных космических образований, являющихся источниками мощного гравитационного притяжения. Основную причину этого разнобоя в оценках подчас усматривают в краткости исторического интервала, отделяющего нас от геополитической катастрофы — крушения одной из двух мировых сверхдержав. «Лицом к лицу лица не увидать, большое видится на расстояньи». — Эти знаменитые строчки Есенина многие приводят для собственного оправдания. Но Есенин писал, естественно, о другом. Конечно, фактор отдаленности во времени играет определенную роль: чтобы понять значение исторических событий в полном объеме, следует учитывать не только их ближайшие последствия, но и более отдаленные. Тем не менее главную причину упомянутого разнобоя мы усматриваем в давно известной особенности общественных наук. Позиции ученых при осмыслении, а нередко и при подборе фактов из поистине неисчерпаемого их резервуара так или иначе зависят от осознаваемой или неосознаваемой («подсознательной»), часто весьма тщательно маскируемой связи их общего мировосприятия, а поэтому выдвигаемых ими концептуальных объяснений исторического процесса, с интересами определенных социальных (иногда и национальных) групп внутри страны и за рубежом.

В рассматриваемом случае особо важная роль в оценке советского периода отечественной истории, в том числе присущего ему общественного строя, принадлежит тому кардинальному по своему значению обстоятельству, что в Российской Федерации, как и других постсоветских государствах, процесс трансформации советского раннего социалистического общественного строя в необуржуазный еще не полностью завершился. Ход и исход борьбы социальных групп и политических партий за разные варианты дальнейшего развития был неизвестен, поскольку зависел от реального соотношения сил, которое на глазах менялось на поворотах истории, а также поддержки, получаемой извне. Поэтому принимаемые в настоящее время политические и экономические решения стратегического характера определяют как место России в XXI в., так и дальнейшую эволюцию системы социально-экономических, социально-демографических и т.д. общественных отношений.

Из этого, конечно, не следует, что невозможно стремящееся к научной объективности исследование процессов трансформации российского общества, в том числе его социальной структуры. Мы далеко не во всем согласны с авторами, предпринявшими подобные попытки «по свежим следам событий», но должны отметить, что монографии и статьи посвящены либо общему ходу реформ, либо, что встречается чаще всего, политической стороне событий. Что же касается попыток анализа интересующего нас процесса эволюции социальной структуры советского общества и последующей ее трансформации в российском обществе, то их нельзя признать удачными по двум причинам.

Во-первых, в них много общих рассуждений, историко-социологического материала, описания концепций западной социологии и т.д., что уводит читателя от заявленной темы. Во-вторых, в этих трудах, как и в многочисленных статьях, посвященных структуре советского общества, последнее рассматривается как нечто застывшее. Между тем общественный строй на протяжении советского периода эволюционировал, притом весьма существенным образом, на всех этапах его развития. Конечно, направление этой эволюции было в самом главном задано Октябрьской революцией 1917 г., но задано отнюдь не однозначно.

Мы не будем рассматривать изменения в социальной структуре, происходившие на протяжении первых двух десятилетий советской власти, — это дело историков и увело бы нас далеко от темы. Советское общество при кажущейся внешней неподвижности весьма быстро эволюционировало, особенно в послевоенный период, и эту эволюцию с ее плюсами и минусами мы предполагаем здесь обсудить. Это тем более необходимо, что именно процесс его эволюции подвел нас вплотную к «перестройке», а с ней вместе к начавшейся трансформации одного типа общественных отношений в другие. Без рассмотрения полувековой эволюции советского строя последующие события не могут быть поняты. Эволюция советского общества, его социальной структуры должны быть полнее осмыслены наукой. На наш взгляд, ни попытка его радикального преобразования при провозглашении «перестройки», ни провал этих попыток, ни последующая организованная сверху ломка сложившихся общественных отношений вплоть до явной деградации российского общества к настоящему времени не могут получить мало-мальски убедительного объяснения

без тщательного изучения *исходного пункта* трансформации советского общества и его социальной структуры. Поэтому представляется абсолютно необходимым возврат к анализу «сталинской формулы» середины 1930-х гг. с научной точки зрения, т.е. в сопоставлении ее с *реальными* процессами, происходившими в обществе до, во время и после окончания Великой Отечественной войны. Формула долго служила основой всей идеологической работы, причем события развивались, а формула застыла. Впрочем, такое или подобное положение было весьма типичным в эпоху культа личности Сталина.

Формула «2+1» может казаться удобной и простой, но она более чем неточно отображала *реальную* социально-классовую структуру советского общества той поры и поэтому для научного анализа малопригодна.

Первый коренной недостаток этой формулы был связан с тем, что колхозный строй не мог существовать без столь существенного «придатка», каким было мелкое личное приусадебное хозяйство (ЛПХ) колхозников, а также работников совхозов, других жителей села и части городских пригородов. Без этого «придатка», только на базе обязательных поставок сельхозпродукции государству (хлеба, молока, мяса, яиц, шерсти и т.д.) колхозами и совхозами, горожанам нечего было бы есть. Разрешение иметь в личном пользовании принадлежащего государству и записанного за колхозом (совхозом) полугектара земли в личном пользовании (размеры участков определялись местными властями в зависимости от местных условий, а на Севере в тундре участок заменялся личным стадом оленей и т.д.), скота, ручных орудий труда и т.д. несомненно позволило стране в целом обеспечить себя продовольствием, особенно в голодные военные и первые послевоенные годы.

Личные приусадебные хозяйства населения производили в 1940 г. 3 358 тыс. т мяса (из общего производства 4 695 тыс. т), т.е. 72%, и 26 084 тыс. т молока (из общего количества 33 640 тыс. т), т.е. 77%. Короче говоря, ЛПХ не только кормили себя, но в значительной мере и страну в целом мясомолочными продуктами¹. До конца войны и в первые послевоенные годы их удельный вес в общем производстве указанных продуктов долгое время оставался неизменным: в 1950 г. 67% по мясу и 75% по молоку. Только в 1960-е гг., по мере восстановления и развития крупного обще-

¹ См., например: Жуков В.И. Реформы в России. 1985–1995. М., 1997.

ственного хозяйства колхозов и совхозов наметился известный сдвиг — до 40–45%, причем одной из причин уменьшения удельного веса ЛПХ были принятые Н.С. Хрушевым административные меры по сокращению личного поголовья скота. Они были вынужденными, поскольку на корм скоту было выгодно использовать значительную часть печеного хлеба, продаваемого в магазинах госторговли и потребкооперации по дешевой цене.

Еще более существенную роль в снабжении страны этими продуктами играли личное огородничество и садоводство. В 1940 г. государство закупило картофель и овощи почти целиком у населения из имевшихся в ЛПХ излишков: 68% картофеля и 91% овощей¹. Эти показатели также очень медленно изменялись за счет роста производства в колхозах и совхозах. Так, в 1970 г. государство закупило в частном секторе 86% картофеля и 64% овощей². При этом надо учитывать, что производство овощей и картофеля в общественном секторе сельского хозяйства во многом «держалось» на обязательном привлечении городского населения и военнослужащих на вспашку земли и особенно на сбор урожая. Под контролем местных органов власти осенью на сельхозработы не менее чем на месяц отправлялись студенты вузов и техникумов, что приводило к потере времени на обучение своей специальности, сокращению учебных программ, а у военнослужащих к сокращению времени на боевую подготовку. Кроме того, хранилища овощей и картофеля в городах были примитивными и требовали постоянной сортировки хранящихся запасов. В кинофильме Э. Рязанова «Гараж» зло высмеяна система постоянного привлечения горожан к малопродуктивному и во многом напрасному труду в овощехранилищах, значительная часть накопленных там запасов просто погибала. В результате официальные цены на картофель искусственно сдерживались на уровне 10 коп. за 1 кг плохого картофеля, в то время как отборный картофель частных продавцов в несколько раз дороже. Мне памятен специальный картофельный рынок в центре Ярославля в 1960-е гг., где картофель стоил 50–70 коп. и охотно раскупался, ибо это был совсем иной по качеству продукт, чем в ближайшей лавке по 10–12 коп. за 1 кг.

¹ См., например: Трансформация социальной структуры и стратификация российского общества. М.: Ин-т социологии РАН, 1996.

² Там же.

Изложенное выше позволяет сделать вывод, что на протяжении десятилетий колхозно-совхозное производство систематически отставало от потребностей страны в мясомолочной и картофелеовощной продукции. Вопреки декларациям об успехах общественного сельского хозяйства (в производстве зерна и ряда технических культур это было верно) сельское хозяйство развивалось как своеобразный гибрид общественного и личного хозяйства. Более того, поскольку значительная часть продукции ЛПХ предназначалась на продажу на свободном рынке, ее следует считать уже *не личной, а частной*. Это значит, что сельское хозяйство во многом оставалось еще мелкобуржуазным, а не социалистическим по характеру складывающихся в нем общественных отношений. В этой сфере социализм еще не был полностью господствующей социальной системой и соответственно социально-классовые отношения в нем еще полностью не сложились. Сельское хозяйство было сферой не просто «личного», но и «частного» хозяйства, поскольку излишки индивидуального труда в сельском хозяйстве шли на свободный рынок. Таким образом, в важнейшей части сельскохозяйственного производства *господствовали* рыночные отношения. Естественно, цены на эту продукцию отличались от «магазинных» — цены на мясо, молоко, картофель, овощи, фрукты и т.д. на рынке были выше, чем в госторговле, в среднем в 2 раза, а то и более. Социальные последствия этой ситуации находили выражение в недостатках госснабжения указанными продуктами, которые сказывались в разной мере в столицах (и «закрытых» городах) и на остальной территории страны. Первый социально опасный конфликт из-за недовольства населения снабжением продуктами возник в Новочеркаске в 1962 г. в связи с попыткой повысить цены на мясные изделия. Реакция властей была мгновенной; вспыхнувшие стихийно волнения населения были подавлены силой, а цены остались неизменными, хотя купить по этим ценам нужный продукт становилось все более затруднительным: очереди, в которые записывались с вечера, драки, снабжение «*її аёаёб*» и т.п.

В итоге в стране сложилось положение, при котором Москва, Ленинград, Киев, «закрытые» города снабжались продуктами по более низким ценам (подчас ниже себестоимости), что породило так называемые «колбасные электрички» из ближайших городов в Москву. В ходу был анекдот, рожденный, кажется, в Туле. На во-

прос: «Что надо сделать для нормализации торговли колбасой в городе?» ответ был прост: «Пустить дополнительно одну электричку в Москву». Отрегулировать «дефицит» обычным рыночным методом — поднятием цен — правительство *не решалось*, поскольку это потребовало бы общего повышения заработной платы и нарушения финансового равновесия в государстве.

В связи с этим приведу одно событие личного характера. Мне хорошо памятна суровая отповедь, которая прозвучала на совещании руководителей академических научных учреждений в Отделе науки и учебных заведений ЦК КПСС из уст заведующего этим отделом С.П. Трапезникова. Последний придрался к тому, что один из секторов Института социологии АН СССР отправил анкету председателям обл(край)исполкомов (не населению!), где среди многих других содержался вопрос: «Как сказываются недостатки в снабжении на социальном самочувствии населения области (края)?» Будучи директором указанного Института, я был обвинен чуть ли не в контрреволюционной пропаганде и вскоре был вынужден под давлением сверху уйти с этого поста.

Беспорядки в снабжении населения продуктами, а также рядом промтоваров возрастали и отравляли психологическую обстановку в стране до самого конца 1980-х гг., когда большинство населенных пунктов уже «пересело на талоны», т.е. на определенную систему карточного снабжения. Этот фактор, особенно когда он захватил столицы, сыграл далеко не последнюю роль в том, что в Москве «демократы» во главе с Б.Н. Ельциным и мэром столицы Г.Х. Поповым сумели поднять сотни тысяч людей на антиправительственные демонстрации, которые во многом способствовали подготовке «демократами» падения советского строя.

Если подойти к этому вопросу с более общих теоретических позиций, то речь шла о нежелании руководства КПСС, объявившего в 1961 г. о принятии программы построения основ коммунистического общества в СССР за 20 лет, дать *реальную* оценку состоянию экономики и социально-экономических отношений в обществе. Экономика (об этом писали многие экономисты начала 1960-х гг. — Либерман, Лисичкин и др.) настоятельно требовала внедрения элементов *товарно-денежных отношений*, а это означало, что было необходимо признать тот факт, что в СССР достигнута лишь ранняя ступень социализма, либо, того более, что страна еще не смогла выйти из *переходного от капитализма к социализму*

периода. Признать хотя бы одну из этих жестоких истин для высшего партийного руководства в лице Хрущева и его преемников означало признать полную *несостоятельность* провозглашенной на XXII съезде КПСС в 1961 г. программы ускоренного перехода (за 20 лет!) от социализма как первой стадии коммунизма, ко второй, когда на деле первая еще не была достроена, т.е. публично отказать от этой авантюрной программы. Высшее партийное руководство пойти на это не хотело и не могло по *идеологическим* соображениям.

Запаздывание с введением товарно-денежных отношений — одна из основных причин смены общественного строя в СССР. Россия не только в 1960-е, но и в 1980-е гг. во многом продолжала оставаться страной мелкого частного производства и низкой производительности труда: более половины рабочих в промышленности, строительстве, на транспорте, и более двух третей в сельском хозяйстве были заняты немеханизированным ручным трудом.

Второй коренной недостаток формулы Сталина «2+1» состоял в крайней расплывчатости понятия «интеллигенция» — третьего основного элемента провозглашенной им новой социально-классовой структуры общества. На деле то, что называли интеллигенцией в официальных партийных и государственных документах, представляло собой *конгломерат разнородных в социальном плане слоев общества*. Его основной частью была (и осталась) численно преобладающая, быстро растущая группа специалистов с высшим и средним специальным образованием, занятых наемным трудом на службе государства: инженеров, техников, учителей, научных работников, врачей и среднего медперсонала, работников библиотек, музеев, других учреждений культуры. Термин «интеллигенция» в основном соответствовал этому обширному социальному слою (группе). Впрочем, во избежание путаницы, в документах статистических органов их чаще всего именовали «специалистами», поскольку подразумевалось, что речь идет о квалифицированных специалистах, занятых преимущественно умственным трудом.

Но советская статистика не обходилась без двойного словоупотребления, вернее были такие слои общества, которые одновременно фигурировали с признаками «двойного» социального положения. В о - п е р в ы х, в состав «специалистов» входили специалисты сельского и лесного хозяйства, ветеринары, работники

сельхозтехники. Однако значительная их часть, трудившаяся в колхозах, вступала в члены сельхозкооперативов, поэтому статистика их одновременно учитывала как «колхозников», т.е. членов совсем другого класса советского общества, и как интеллигентов.

Во - в т о р ы х, на ряде работ в промышленности и на транспорте рабочий мог успешно выполнять свои функции, имея среднее специальное, а то и высшее образование, например горновые столь сложных агрегатов, как доменные печи, наладчики автоматических линий, летчики и техники гражданской авиации, машинисты локомотивов на железнодорожном транспорте и т.д. Эти специалисты одновременно входили в состав интеллигенции («специалистов») и в состав рабочего класса, поскольку непосредственно управляли сложными техническими устройствами. В отношении этого слоя была попытка ввести в научный оборот понятие «рабочие-интеллигенты». Таким образом, *пограничных слоев*, совмещавших признаки двух или трех официально признаваемых социальных групп, было более чем достаточно, поскольку *критерии* принадлежности к этим основным трем социальным группам были *различными*: в одних случаях формы собственности на средства производства, в других — роль в общественной организации труда. Кроме того, известная их часть находилась в привилегированном положении по третьему признаку — уровню дохода, поскольку кроме официального вознаграждения хозяин (председатель колхоза) мог иметь колоссальные дополнительные доходы при распоряжении натуральной частью продукции, заключении временных договоров с сельскими строителями и т.д. Иначе говоря, председатель колхоза был, с одной стороны, колхозником по отношению к формам собственности и организатором общественного труда, а с другой — работником с высокой оплатой труда (формальной и фактической) и фактически входит в «номенклатуру». Это создавало трудности при социологическом анализе социально-классовой структуры общества.

В - т р е т ь и х, в состав интеллигенции входили лица так называемых свободных профессий — журналисты в прессе, на радио и телевидении; деятели искусств, занятые концертной деятельностью или участвующие в постановках спектаклей в театрах, клубах, ресторанах; руководители экскурсий по памятным местам и обязательно присутствующие при этом фотографы; адвокаты и нотариусы и т.п. Свой доход лица свободных профессий получа-

ли, как правило, в результате заключения разовых или постоянных контрактов в виде гонорара.

В четвертых, требовалось провести разграничительную линию (Лениным она была отмечена еще в 1900 г.) между собственно интеллигенцией и массой мало- и среднеквалифицированных работников, выполнявших сравнительно несложные функции умственного труда, которых в социологической литературе было принято называть «просто служащими» (официально «служащими» обозначались все не-рабочие, занятые в государственных учреждениях). Это тоже создавало дополнительные трудности в процессе социологического исследования социально-классовой структуры общества. К данному слою обычно относили служащих (в широком смысле), не имеющих дипломов о высшем и среднем профессиональном образовании, т.е. входящих в группу «специалистов», например делопроизводителей, контролеров на пропускных пунктах предприятий, охранников, надзирателей в местах заключения, кассиров в магазинах, переписчиков машинописных текстов и др. Этот слой был (и остался поныне) наименее обеспеченным материально.

В состав интеллигенции включали работников умственного труда, занятых *управленческой* деятельностью и занимавших особое место в общественном разделении труда. Обычно они именовались «*дóбëîâüùèèè*» или «*îðââðððââîùùèèè*» работниками, которые утверждались на каждом уровне управления партийными комитетами, коллегиями министров, поскольку входили в списки «*îùâîè-èâððððù*». Это был слой народившейся советской бюрократии, которая вознаграждалась за управленческую деятельность не только (и не столько) более высокой оплатой труда, сколько созданной для ее обслуживания системой привилегий.

Таковы основные подразделения социальной группы, которая была объединена только одним признаком — выполнением функций преимущественно умственного по своему характеру труда, что породило массу проблем (о чем далее) и даже путаницу в конкретных социологических исследованиях, возобновившихся во второй половине 1950-х гг., в том числе по изучению социально-классовой структуры населения страны. Великая Отечественная война внесла немалые коррективы в представления о составе интеллигенции как весьма *разнородном* слое общества, а после войны они еще более усложнились вместе с проникновением то-

варно-денежных отношений в деятельность всех указанных составных частей «интеллигенции», а также численным ростом «номенклатурщиков», расширением их привилегий и развитием коррупции.

Остановимся на анализе периода сравнительно стабильного состояния советского общества (1960–1985), *социально-классовой структуры*.

Выбор этого периода объясняется двумя обстоятельствами. В о - п е р в ы х, к концу 1950-х гг. в основном завершился послевоенный период. Речь идет не только о восстановлении уровня производства и о залечивании глубоких ран, нанесенных войной каждой семье, но прежде всего о сдвигах в общественных настроениях, вызванных сменой руководства партией и страной после смерти Сталина, массовой реабилитацией узников лагерей и бывших военнопленных, возвращением репрессированных народов на исконные территории обитания, т.е. стабилизацией общества после потрясений войны и первых послевоенных лет. В о - в т о - р ы х, и данное обстоятельство, казалось бы, технического порядка играет далеко не последнюю роль, в 1959 г. была проведена первая после войны всесоюзная перепись населения, результаты которой были весьма подробно опубликованы (в последующем переписи производились регулярно каждые 10 лет). Тогда же начали выходить в свет ежегодные справочники ЦСУ СССР по итогам развития народного хозяйства страны. Наконец, именно с середины 1950-х гг. началось возрождение отечественной эмпирической социологии, стали появляться публикации о результатах исследований, в том числе об изменении состава рабочего класса и его культурно-техническом подъеме (в том числе на уральских материалах)¹, о структуре сельского населения, т.е. о *реальном* разделении общества на социальные группы и слои.

Особо следует сказать о *социальных противоречиях* в узком, непосредственном смысле этого понятия, как вытекающих из различий в интересах между социальными группами и слоями. В ленинском определении классов, согласно диалектике, само собой подразумевалось, что *различие* в интересах всегда содержит в себе зачаток *противоречия*. В упоминавшемся выше докладе 1936 г. Сталин сказал о социальных противоречиях в самой общей фор-

¹ См., например: Подъем культурно-технического уровня рабочего класса СССР. М.: Соцэкгиз, 1960.

ме, что они, мол, сохраняются в «стирающемся» виде. В докладе на XVIII съезде партии в 1939 г. он несколько дополнил эту тему. Было признано, что советское общество свободно от «непримиримых противоречий» и «классовых столкновений» и поэтому «представляет картину дружественного сотрудничества рабочих, крестьян и интеллигенции». Наряду с «дружественным сотрудничеством» отношения между тремя составными частями новой социально-классовой структуры характеризовались как «морально-политическое единство советского общества»¹.

Великая Отечественная война, будучи самым убедительным доказательством единства народа и прочности советского строя, показала одновременно и справедливость (в основном) приведенных формул Сталина, их недостатки и ошибки, а тем самым необходимость внесения в них поправок на основе жизненной практики и подлинно научного их исследования. К сожалению, формулы Сталина конца 1930-х гг. долгие годы употреблялись в неизменном виде в качестве непререкаемых истин.

Вопрос о единстве советского народа и «остатках» классовых противоречий в нем, которые постепенно «сходят на нет», в свете итогов Великой Отечественной войны и послевоенного периода требует самого пристального внимания. Дело обстоит совсем не так гладко и просто, как было изображено в докладах 1936 и 1939 гг.

Начнем с примеров эпохи Великой Отечественной войны, частью которой было мощное партизанское движение в тылу врага. Как известно, Белоруссия первой попала под кованый сапог немецких захватчиков, здесь же сформировались первые партизанские отряды. Ближайшими помощниками немецких оккупантов оказались полицаи из числа жителей оккупированных районов. Это были и бывшие кулаки вроде Гужона из повести «Знак беды» В. Быкова, выселенные в места «не столь отдаленные» и вернувшиеся с жадной мстительностью за понесенные страдания; и откровенные шкурники, желавшие просто «хорошо пожить» за счет грабежа местного населения, вроде Антона из повести «Пойти и не вернуться». Наконец, в полицаи после колебаний попали многие слабые духом люди, уступившие требованиям немцев и их холуев вступить в ряды карателей, вроде Рыбака из повести «Сотников».

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 14. М., 1947. С. 122.

Классик белорусской (и русской) литературы Быков дал в своих произведениях убедительное описание оккупации и борьбы партизан против захватчиков. Вместе с тем именно Быков убедительно, в художественной форме показал, что изменники Родины по жестокости творимых ими зверств не уступали своим немецким хозяевам. Конечно, так обстояло дело не только в Белоруссии. Переход отдельных лиц и групп населения на сторону врага стал существенным моментом всей истории Великой Отечественной войны. Во главе шеренги предателей следует поставить попавшего в плен к немцам генерала А.А. Власова. С его помощью гитлеровцы к концу войны создали две дивизии РОА (Российской освободительной армии), которые принимали участие в боях с Советской Армией. Особенно широкие масштабы предательство приняло в ряде республик и регионов страны, незадолго до войны вошедших в состав СССР, где немцам удалось создать национальные дивизии СС («Галичина», «Остланд» и др.), остатки которых были ликвидированы органами правопорядка только к началу 1950-х гг. На совести националистических банд на Украине (УНА) лежит убийство генерала М.Ф. Ватутина. Они и после войны долгие годы разбойничали на Западной Украине.

Не будем далее приводить общеизвестные аналогичные факты. Следует задаться теоретическим вопросом: почему их борьба длилась так долго и нанесла столь большие потери нашему народу? На наш взгляд, Сталин недооценил «остатки» классовых противоречий, которые существовали в СССР перед войной и во время войны. Именно здесь следует искать причины продолжения практики массовых репрессий, пик которых пришелся на предвоенные годы. Отечественная война, безусловно, способствовала сплочению советского народа, укреплению его морально-политического единства. Одновременно она наглядно показала, что классовые противоречия, сложившиеся в годы индустриализации и коллективизации страны, в годы открытой борьбы с классовыми противниками, оставили в сознании части населения след, гораздо более значительный, чем он оценивался в документах 1930-х гг.

В своих формулах Сталин сознательно обходил вопрос, который волновал всю страну. Уже в 1936 г. численность заключенных в тюрьмах и лагерях, специально созданных в отдаленных местностях, составляла сотни тысяч человек. Среди них было достаточное количество уголовников, но не в них состояла суть проблемы.

Речь идет о политических заключенных. Начиная со знаменитого СЛОНа (лагерь на Соловецких островах, где, кстати сказать, «побывал» и академик Д.С. Лихачев, героически перенесший впоследствии блокаду Ленинграда), тюрьмы и концлагеря, несмотря на высокую смертность среди заключенных, уже в 1936 г. поглотили сотни тысяч людей, получивших «срок» по *политическим* обвинениям, причем в большинстве своем они были *невиновны*. В 1937–1938 гг. в лагерях на Колыме, на строительстве железной дороги вдоль побережья Северного Ледовитого океана, в казахстанских и мордовских лагерях и т.д. насчитывались уже миллионы граждан. Практика массовых репрессий, исходным пунктом которой была борьба Сталина за власть с троцкистами и бухаринцами, деформировала общество. В теоретическом плане ее требовалось как-то согласовать с формулой «2+1», и для этого был избран простой метод. До ареста эти люди входили в соответствующие слои общества. Арест и длительная изоляция от общества (10, 15 и более лет) ставили этих людей *как бы вне социальной структуры общества*. Для официального решения этого вопроса был введен в употребление термин «враг народа». Эти люди, т.е. миллионы заключенных (потом сотни тысяч), оказывались как бы *вне* официально признаваемой структуры общества. Во многих случаях репрессии касались и родственников, в том числе детей, осужденных «тройками» на отторжение от общества и часто гибель. Благозвучность и приемлемость официальной формулы имели своим невидимым дополнением превращение в париев («врагов народа») миллионов граждан, которые выпадали из официальной классификации.

Особого рассмотрения требует ситуация в отношении ряда народностей Кавказа. В предвоенные годы последовательно проводилась политика, направленная на ускоренное хозяйственное и культурное развитие национальных «окраин» бывшей царской России, которые приобрели статус союзных республик, а также автономий разного ранга. Соединение принципа федерации с принципом автономии при сохранении централизма в управлении страной способствовали укреплению имевшего вековые корни сотрудничества народов России и его перерастанию в дружбу народов на новой общественной и государственной основе. В этом направлении существенную роль сыграла идеологическая работа партийных и государственных органов всех ступеней по воспита-

нию «чувства семьи единой» (П. Тычина), формированию новой наднациональной общности людей, которую стали именовать «советским народом». Подавляющее большинство граждан страны действительно ощущало свою принадлежность к этой новой исторической общности, которая как бы «надстраивалась» над национальной, социальной и профессиональной самоидентификацией.

Однако во время Великой Отечественной войны немцы, опираясь на мусульманское духовенство, сумели превратить некоторые народности Кавказа и Крыма в союзников в борьбе против Советской Армии. Наибольшую активность проявили чеченцы, имевшие многолетние традиции борьбы против России. И в данном случае я имею возможность сослаться на личный опыт. Когда войска Южного фронта отступили на Кавказ, они оказались разрезанными на две части немецким клином, достигшим вершин Эльбруса. Соответственно влившиеся в состав Закавказского фронта отступившие части были реорганизованы в две группы войск — Черноморскую, оборонявшую Новороссийск и Черноморское побережье, и Северную, оборонявшую Осетию, Чечню, Дагестан и, что главное, перевалы, ведущие от восточной части Кавказского хребта к бакинской нефти, захват которой был одной из главных целей немецкого наступления в 1942 г. Фронт Северной группы войск проходил по северной части Чечено-Ингушской АССР и в ближайших окрестностях Владикавказа. И в этот напряженнейший момент войны в ближайшем тылу Советской Армии, в горных и предгорных районах Чечни, а также среди карачаевцев, балкар и некоторых других народностей Северного Кавказа началось хорошо организованное, руководимое и снабжаемое немецким командованием восстание сепаратистов. В результате линия фронта проходила как к северу от железной дороги, связывавшей центр с Закавказьем, так и за железной дорогой. Первую держали обескровленные армейские части, получавшие пополнение из местных жителей, вторую — войска МВД. Проезд по фронтовым дорогам ночью был крайне опасен из-за нападений чеченцев. В то же время немецкая авиация 10 октября 1942 г. сумела уничтожить нефтехранилища в районе Грозного. Черный дым от сгоревшей нефти на несколько дней заволок небо и медленно сносился ветром в направлении Владикавказа. Последовавшее в январе 1943 г. наступление войск Северной группы стало возмож-

ным в результате победы под Сталинградом и отодвинуло на второй план борьбу с чеченцами в тылу фронта.

Такова предыстория выселения чеченского (и иного коренного) населения в Среднюю Азию весной 1944 г. и тем самым всех последующих событий: возвращения чеченцев по приказу Хрущева в 1955 г., «прирезки» к Чечне районов Ставрополья, населенных терскими казаками, террора против русского населения, которое составляло большинство в Грозном и на нефтепромыслах. Начавшиеся в 1991 г. события в Чечне, которым пока не видно конца, не могут быть поняты без кратко изложенной выше предыстории военных лет. В связи с этим нам представляется уместной постановка теоретико-политического вопроса относительно политической обоснованности действий Хрущева по восстановлению Чечено-Ингушской АССР и возвращению чеченцев и других названных народностей из Казахстана. Тем более, что на новом месте они прекрасно прижились, а их дети могли получать образование во всех регионах Союза. Как известно, чеченец Р. Хасбулатов не только стал профессором московского вуза, но и Председателем Верховного Совета РФ до расстрела этого государственного органа из армейских орудий по приказу Б. Ельцина в октябре 1993 г.

По данному вопросу мы в корне расходимся с позицией известного писателя А. Приставкина, живописавшего трагедию выселения чеченцев, но упорно умалчивающего о всех их предшествующих деяниях, равно как о последствиях их возвращения на Кавказ. Мы полагаем, что поспешные действия Хрущева, внешне эффектные и на первый взгляд более чем гуманные, были продиктованы прежде всего желанием скомпрометировать Сталина, в том числе его национальную политику. Ни о какой взвешенности принимавшихся Хрущевым решений, ни о каком учете последствий сделанных шагов в перспективе говорить не приходится. Его закрытый (и немедленно растражированный за границей), направленный на всемерную дискредитацию Сталина доклад на XX съезде КПСС в 1956 г., равно как и преподнесение в «подарок» Украине русского Крыма в том же году, авантюра с размещением советских ракет на Кубе, наконец, принятие не имевшей научного обоснования программы построения основ коммунистического общества в СССР за 20 лет (и очень многое другое во внутренней и

внешней политике) нанесли России колоссальный вред, а его снятие с должности генсека в 1964 г. запоздало на десять лет¹.

В частности, возвращаясь к теме, заметим, что была преждевременной, на наш взгляд, отмена наказаний за военные преступления, совершенные в годы Великой Отечественной войны, в отношении лиц, слоев, групп населения, в том числе этнических групп, сотрудничавших с гитлеровцами, особенно тех, кто принимал участие в вооруженной борьбе против советской армии. Во многих странах мира военные преступления рассматриваются как тягчайшие преступления против своего отечества и виновные несут наказание по суду по сей день. Выражение Президентом В. Путиным сочувствия американскому народу по поводу терактов в Нью-Йорке и Вашингтоне 11 сентября 2001 г. нисколько не изменило тактику западных (и ряда восточных) государств по поддержке банд чеченских террористов, снабжению их современными видами оружия, финансированию их деятельности, оказанию им дипломатической и юридической поддержки. Но в отношении «собственных» террористов они придерживаются крайне жесткой линии и наказывают их за военные преступления жесточайшим образом.

Теперь коснемся некоторых спорных вопросов, обсуждавшихся на первом этапе развития советской социологии, после длительного перерыва в сталинский период.

В о - п е р в ы х, важный теоретический вопрос, который стал предметом оживленной дискуссии в научной литературе, был связан с взаимоотношениями между рабочим классом и производственной интеллигенцией («специалистами»), входящими в единый трудовой коллектив. Проблема возникла не случайно, а была инициирована и начата учеными разных специальностей (среди которых ведущая роль принадлежала социологам) с составления *планов социального развития трудовых коллективов, и прежде всего производственных*. Эта поистине колоссальная работа, давшая мощный толчок развитию эмпирических социологических исследований, была обусловлена ситуацией, которая сложилась еще до войны, но резко обострилась в восточных районах страны, куда были передислоцированы важнейшие предприятия «оборонки» и ряда других отраслей. Станки нередко ставили прямо под навесом

¹ См.: Изменение социальной структуры советского общества. Свердловск, 1965.

в январские морозы, а вопросы жилья, медицинского обслуживания и т.д. откладывались либо решались самым примитивным способом. Лозунг «Все для фронта, все для победы» требовал самопожертвования от рабочих, служащих, ИТР: был установлен 11-часовой рабочий день, были отменены выходные дни, самые необходимые продукты выдавались по крайне скудным нормам и т.д. Особые условия жизнедеятельности способствовали сближению рабочих и инженеров, техников, младшего обслуживающего персонала, росту осознания общности интересов, сплочению трудовых коллективов, подчинению интересов отдельных групп общим интересам предприятия. Отдельными теоретиками (О.И. Шкаратан и др.) было выдвинуто предложение зачислить производственную интеллигенцию в состав рабочего класса, более того, провозгласить ИТР («специалистов») в сфере производства *передовым отрядом* такового. Фактически это означало *отказ от ведущей роли рабочего класса в обществе и передачу этой его функции производственной интеллигенции*. Для обоснования данной позиции Шкаратан использовал употребляемое Марксом понятие «совокупного рабочего». Но уточнение перевода 1-го тома «Капитала» показало, что Маркс говорил о «совокупном *работнике*», составные части которого выполняют те или иные функции согласно разделению труда, необходимому для деятельности производственного коллектива как слаженного целого. Данная расширительная трактовка состава рабочего класса не была принята научной общественностью, в частности потому, что она означала искусственное разделение интеллигенции на две части — входящую в состав рабочего класса и не входящую в него. Более разумным представлялось признание общего для рабочего класса и подавляющего большинства интеллигенции (кроме членов кооперативов и лиц свободных профессий) отношения к средствам производства и одновременно известных различий между ее отрядами, занятыми в материальном производстве и в других областях — культуре, здравоохранении, сфере услуг и т.д., поскольку эти различия носили социальный характер, например в оплате труда.

В о - в т о р ы х, в научной литературе активно обсуждались вопросы, касающиеся интеллигенции. Мы уже кратко высказали свое мнение при анализе состава интеллигенции как конгломерата весьма различных по социальному положению слоев общества. Ясно, что это часть более общего вопроса — о различиях внутри

интеллигенции по *квалификации труда*. В западной социологии давно проводится различие по характеру умственного труда между специалистами с высоким уровнем профессиональной подготовки и обычными служащими, т.е. клерками, выполняющими стереотипную умственную работу и поэтому оплачиваемыми, как правило, не выше квалифицированного рабочего. Это различие имело место и в России до революции 1917 г., наличествовало и в СССР, но затемнялось путаницей в терминологии. Так, при заполнении анкет и прочих официальных документов «служащими» записывали всех не-рабочих, занятых на государственной службе. Для распутывания этого терминологического недоразумения нами еще в середине 1960-х гг. было предложено четко разграничить два смысла понятия «служащий» и поэтому признать, что интеллигенция, упоминаемая в официальных источниках, состоит кроме членов кооперативов по крайней мере из двух социальных групп: 1) лиц высококвалифицированного умственного труда (инженеры, врачи, учителя, работники науки и т.д.), обычно называемых «специалистами»; 2) «просто служащих» учреждений разного рода (секретари, счетоводы и т.д.). За первой оставить наименование интеллигенции (в социологическом понимании этого термина; об этом подробнее будет сказано далее), а за второй наименование «служащих» или, точнее, «служащих-неспециалистов», опять же в несколько условном, но прижившемся в социологической литературе смысле.

В - т р е т ь е х, особое внимание привлекал вопрос о связи теорий стратификации с марксистской теорией классов и классовой борьбы. Развиваемые в западной социологии многочисленные теории социальной стратификации, т.е. деления общества на страты (слои) по самым различным признакам, либо обходили вопрос об отношениях между слоями, либо склонялись к мысли о преобладании *сотрудничества* между ними как частями единого социума. Последнее послужило причиной отрицательного отношения в советской обществоведческой литературе к указанным теориям, как якобы в корне враждебным марксистской теории классов. Теории социальной стратификации подвергались ритуальным заклинаниям вместо конкретного научного анализа их содержания (см. об этом в гл. 3). На деле эти два подхода вовсе не находятся в полной оппозиции. Более того, марксова теория социально-классовой структуры общества предполагает учет «слоевого» строения клас-

сов, в том числе наличия пограничных слоев между ними, а также возможности существования слоев, являющихся рудиментами, остатками исчезающих укладов хозяйства либо вообще «внесистемных», например слоя лиц, опустившихся на «дно» общества и не пытающихся выйти из этого положения.

В конкретном применении к анализу структуры советского общества эти идеи, во многом почерпнутые из западных источников, стали воплощаться в жизнь при исследовании слоев внутри рабочего класса, а также различий между его отрядами, занятыми в разных отраслях хозяйства, например в промышленности, сельском и лесном хозяйстве, торговле, сфере обслуживания и т.д. Изучались различия по слоям и в зависимости от степени механизации труда, по уровню квалификации и т.д. Особое внимание привлек слой рабочих, управляющих сложными машинами и агрегатами, что требовало научной подготовки, выражавшейся в наличии диплома о высшем либо среднем специальном образовании, т.е. по существу слой, пограничный между рабочими и инженерно-технической интеллигенцией. Аналогичные исследования слоевого состава были проведены при изучении структуры колхозного крестьянства и всего сельского населения, а также при изучении интеллигенции, например слоя лиц свободных профессий: адвокатов, артистов, педагогов и т.д., которые, как правило, совмещали «рыночную» деятельность по предоставлению платных услуг населению со службой в государственных учреждениях. Развертывание социологических исследований вступало в противоречие с догматическими представлениями о монолитности рабочего класса, которые развивали некоторые представители теории научного коммунизма (Ц.А. Степанян и др.).

В - ч е т в е р т ы х, вульгаризация марксизма, определявшаяся главным образом идеологическими соображениями, особенно проявлялась при трактовке заключительной части ленинского определения классов, данного, кстати сказать, в 1919 г., т.е. уже в советское время. Как мы отмечали ранее, анализ различий между социальными группами по положению в системе социально-экономических отношений для Ленина служил основанием для перехода к выяснению *отношений* между ними и вывода о возможности присвоения труда одних социальных групп другими, т.е. о *противоречии в интересах*, притом столь значительном, что оно может при известных условиях превратиться в *антагони-*

стическое. В советском обществе с признанием противоречий дело обстояло весьма сложно, если не считать противоречия с врагами нового строя, которое рассматривалось как прямое продолжение и проявление антагонистического противоречия с империалистическим окружением. Коренное положение диалектики о противоречиях как движущей силе развития признавалось всеобщим законом и поэтому верным и для данного случая. Но любые попытки его конкретизировать как *социальное* противоречие в советском обществе наталкивались на идеологические препоны и чаще всего просто замалчивались. Во многом это объясняется спецификой социальной ситуации в стране перед войной, во время войны и после нее, когда сразу же началась холодная война. Это требовало сплоченности и единства общества перед лицом внешней опасности и оказывало значительное влияние на умы. Следует принять во внимание еще одно обстоятельство общего порядка. Отмеченное требование диалектики не учитывалось отчасти и потому, что на заре нового строя внутренние противоречия, заложенные в советском обществе с самого начала, еще не могли проявиться в достаточной мере, они во многом существовали в зачаточной форме. Но все же главная причина, на наш взгляд, состояла в том, что в условиях приближающейся войны и угрозы уничтожения нового общественного строя, более того, утраты страной многовековой российской государственности теоретические формулы, выдаваемые «сверху», должны были служить укреплению государства, приведению народа в состояние мобилизационной готовности к справедливой войне против вражеского нашествия.

Известное упрощение сущности материалистической диалектики отличало очерк Сталина «О диалектическом и историческом материализме», вошедший в «Краткий курс истории ВКП(б)», который почитался как свод идеологием советского общества. Сталин не делал исключения для социализма в коренном вопросе о развитии общества как поле разворачивания противоречия между потребностями развития производительных сил и наличным состоянием производственных отношений. Им был выдвинут тезис о «полном соответствии» производственных отношений социализма задачам всемерного развития производительных сил¹. Впо-

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 14. С. 272.

следствии «полное соответствие» было заменено «*обязательным соответствием*», но данный тезис от этого не стал ближе к истине. «Обязательность» соответствия могла быть понята **и** как обязательное соответствие в каждый данный момент (а это и есть «полное» соответствие), **и** как обязательное подтягивание общественных отношений к требованиям роста производства. Только в конце 1950-х гг. стала преобладать вторая трактовка, поскольку к этому времени начала осознаваться необходимость реформирования хозяйственных отношений. В дискуссиях того времени, продолжавшихся несколько лет и закончившихся внесением весьма ограниченных поправок в правила, нормы функционирования хозяйственного механизма («косыгинская» реформа 1965 г.), экономисты, ратовавшие за сочетание плана и рынка, в целом потерпели поражение. Это означало, что теория не перешла вполне определенную *идеологическую* черту в раскрытии социально-экономических противоречий советского общества.

Для Маркса, вне всякого сомнения, противоречие между двумя сторонами способа производства имеет неизбежное *социальное* продолжение — как противоречие *внутри* производственных отношений между *большими группами* людей. Так, для капиталистического способа производства оно оказывается противоречием в интересах между двумя основными классами этого общества — буржуазией, выступающей за развитие производства лишь постольку, поскольку оно продолжает удовлетворять ее эгоистические интересы, и рабочим классом, т.е. массой людей наемного труда, в чьих интересах подчинить развитие производства целям роста благосостояния трудящихся масс, т.е. в конечном счете интересам всего общества. Перейти от признания противоречия между двумя сторонами способа производства к социальным противоречиям пытались некоторые социологи, в частности автор настоящей книги. По условиям того времени этот вывод, однако, прозвучал в печати далеко не в полную силу. Но в научных дискуссиях, в том числе на второй конференции по социальной структуре (Свердловск, 1972), нами говорилось о том, что интересы слоя управляющих расходятся с интересами общества в целом; интересы рабочих вступают в противоречие с интересами крестьян при определении контрольных цифр плановых поставок сельскохозяйственной продукции и назначении заготовительных цен на

нее; интересы ИТР во многом расходятся с интересами рабочих при определении ставок оплаты труда и т.д.¹.

Позиция автора по рассматриваемому вопросу изложена выше. Обратимся к трактовкам, предлагаемым авторами иной идеологической ориентации, которые придерживаются различных точек зрения на социальную структуру советского общества в рассматриваемый период.

Наиболее распространен прием, который можно было бы назвать *подменой объекта изучения*. Сторонники либеральной идеологии обычно трактуют происшедшие в стране перемены как *переход от тоталитаризма к демократии*. Так, в статье, претендующей на программное выступление накануне Конгресса политологов «Политическая наука в России», Ф. Бурлацкий пишет, что он, будучи консультантом ЦК КПСС, еще в 1960-е гг. якобы «хорошо понимал» «проблемы переходного общества от тоталитаризма к современной демократии». В этом и подобных рассуждениях упускается из виду, что тоталитаризм, по определению, является характеристикой политического, а не социально-экономического строя. Обратимся к справочной литературе. Например, в Словаре иностранных слов читаем: «Тоталитарный режим — политический строй, при котором государственная власть в обществе сосредоточена в руках какой-либо группы (обычно политической партии), уничтожившей в стране политические свободы и возможность возникновения политической оппозиции...»².

Тоталитарный строй может возникнуть на основе весьма разных по своей сущности социально-экономических отношений, стало быть, в обществах с совершенно различной социально-классовой структурой. Это не исключает моментов известного сходства, например, в наличии привилегий правящего слоя в его отношениях с другими классами и слоями общества. Мы не входим здесь в обсуждение вопроса о том, был ли советский строй тоталитарным в те или иные периоды своего существования или демократическим, равно как и вопроса о том, насколько правомерно называть демократическим нынешний политический строй в России. Это нас увело бы далеко от темы. Дело в том, что для анализа и оценки социальной структуры первостепенное значение

¹ См.: Материалы ко Второй Всесоюзной конференции по социальной структуре социалистического общества. Свердловск, 1971.

² Словарь иностранных слов. М., 1988. С. 501.

имеет социально-экономический строй, хотя в определенной мере политический строй тоже должен учитываться при анализе отношений собственности, а также общественной организации труда и способа распределения материальных благ.

Своеобразным вариантом рассматриваемого воззрения может служить определение сущности советского строя и его структуры, отстаиваемое А.П. Бутенко: «тоталитарный казарменный псевдосоциализм», «общество-монстр» и т.д. В отличие от сторонников либерализма Бутенко предложил эту оценку, чтобы доказать, что, хотя Сталин, мол, полностью извратил идеи марксизма, поражение социализма в СССР не означает поражения марксизма как революционной теории. Рассуждения автора не позволяют уяснить, какой же все-таки социально-экономический строй существовал в нашей стране и почему «общество-монстр» смогло добиться столь мощного развития производительных сил, постоянного роста благосостояния и культуры народа, победить в Великой Отечественной войне? Что касается социальной структуры этого «монстра», то единственное противоречие, которое замечает и о котором пишет Бутенко, это отмеченное Л.Д. Троцким еще до войны, а после войны пропагандируемое на Западе с подачи М. Джиласа противоречие между слоем правящей бюрократии и остальным населением. Выше было показано, что данное противоречие постепенно складывалось и было существенным, но далеко не единственным. Для понимания социальной структуры советского общества в его развитии нельзя ограничиваться упоминанием *только* этого противоречия, иллюстрируя его преимущественно или исключительно имевшими место деформациями в экономике (вследствие мобилизационного ее характера) и в политике, особенно фактами массовых репрессий, порожденных борьбой за власть в верхних эшелонах правящей бюрократии. Вариант рассматриваемого упрощенного воззрения на социальную структуру советского общества 1930-х гг. предложил В.В. Жириновский, писавший, что «в результате сталинской “революции сверху” общество окончательно превратилось в бесструктурную массу»¹. Можно предположить, что этот автор всерьез данной проблемой не занимался, поскольку бесструктурное общества никогда и нигде не

¹ Жириновский В.В. Прошлое, настоящее и будущее русской нации: Науч. доклад на соискание уч. степени доктора филос. наук. М., 1998. С. 36.

существовало. Впрочем, это не помешало ученому совету социологического факультета МГУ присвоить Жириновскому степень доктора философских наук, а ВАКУ утвердить это решение.

Следует особо остановиться на получившей весьма широкое распространение уже упоминавшейся выше концепции, выдвинутой бывшим мэром Москвы, известным экономистом Г.Х. Поповым, назвавшим советский общественный строй *административно-командной системой*. Выше мы уже фактически упоминали эту систему, поскольку она есть иное название бюрократической системы управления государством. Теперь надо выяснить, насколько пригодно это воззрение для характеристики социально-экономического строя и социальной структуры общества. Понятие административно-командной системы является по сути характеристикой *системы управления*, но не *самого объекта управления*, т.е. общества. Следовательно, оно непригодно для описания этого объекта и его структуры, в определенной мере оно характеризует лишь такой «разрез» этой структуры, как отношения управления, а тем самым организацию общественного труда.

Многие нынешние сторонники идеологии либерализма, обращаясь к анализу реальной структуры советского общества, отождествляют его с какой-либо докапиталистической формацией, чтобы нынешнее движение по пути капитализации выглядело прямым продолжением пути развития России до 1917 г. В схемах такого рода советский период истории изображается таким провалом в нормальном ходе исторического процесса, возвращением к феодализму в несколько модернизированном виде. Это воззрение спекулирует на том, что существенные остатки феодально-крепостнических отношений в царской России сохранялись и в начале XX в. С этой точки зрения известные ограничения в перемене места жительства колхозников и сельского населения вообще, обязательность прописки в городах, цензура в отношении печатной продукции и репертуара зрелищных мероприятий, идеологический контроль в гуманитарных науках — все это сравнивалось с разными периодами в истории России в прошлые столетия, чтобы на основе аналогии «обосновать» признание советского общественного строя... *феодализмом*. Приведем одно сравнительно недавнее, но весьма типичное рассуждение подобного рода. Некто Б. Мирошин, «действительный государственный советник Российской Федерации 3-го класса», как его рекомендует читателю

«Независимая газета», на страницах данного печатного органа утверждал, что современное российское общество «только начинает выходить из феодализма как общественно-экономической формации, предшествующей капитализму. Его главный признак – собственность феодалов на землю с прикрепленными к ней крестьянами...» Автор не желает видеть различия между председателем колхоза, назначаемым райкомом партии и формально утверждаемым голосованием на общем собрании колхозников, и боярином эпохи Ивана Грозного или помещиком времен Екатерины II. Он заверяет читателя, что как в прошлые столетия, так и «при советском колхозно-совхозном строе» происходило «почти полное слияние класса феодалов с государством». Нет нужды доказывать советнику 3-го класса, хотя он и ссылается на марксистскую теорию, что способ присвоения результатов труда и организация труда тогда были совсем иными, что национализация земли и право распоряжения ею председателем колхоза или директором совхоза в корне отличаются от феодального владения, наконец, что кроме деревни в СССР был еще город, причем горожане составляли в РСФСР в середине 1980-х гг. более 70% населения, да и среди сельского населения колхозники были меньшинством. Впрочем, в наши дни все это знать необязательно для выступления в видном органе либеральной печати со статьей с броским названием «Марксизм без восстания», явно пародирующем известную статью Ленина «Марксизм и восстание».

Особо следует остановиться на попытках оценки советского общественного строя и перспектив его развития с позиций *теории конвергенции*, которая была высказана Дж. Гэлбрейтом, П.А. Сорокиным и другими видными экономистами и социологами, а затем воспроизведена акад. А.Д. Сахаровым в получившей большой общественный резонанс брошюре «Размышления о прогрессе, мирном существовании и интеллектуальной свободе» (1968). Если создатель теории «нового индустриального общества» Гэлбрейт признавал существование реального социализма в СССР и ряд его несомненных преимуществ, то и Сахаров вслед за ним рассматривал *тогда* социализм «как более высокую ступень общественного, экономического и социального прогресса». Одновременно Гэлбрейт признавал, что капитализм в США (и странах Западной Европы) имеет ряд не менее очевидных (для автора) преимуществ по

сравнению с реально существующим в СССР социализмом. Теоретики и политические деятели этого направления пытались обосновать идею постепенного сближения двух систем по характеру экономического и политического строя с перспективой их *конвергенции*, т.е. слияния в обозримом будущем в едином постиндустриальном обществе. Например, П. Сорокин еще в начале 1960-х гг. утверждал, что в условиях мирного развития «смешанный тип», уже существующий, «в конечном счете превратится в обеих странах, как и во всем мире, в единый тип великолепного интегрального строя», что «конвергенция является обнадеживающим симптомом и жизнеспособным процессом»¹.

Резкое идеологическое осуждение, которым была встречена теория конвергенции в официальной советской печати того времени, объясняется жестким противостоянием двух лагерей, а идеи конвергенции использовались сторонниками «социализма с человеческим лицом» в Чехословакии, а также Сахаровым, а затем советскими диссидентами. На деле эта теория содержит в себе немалый заряд утопизма, а в методологическом отношении близка к псевдодialeктике П. Прудона. Всякое экономическое отношение имеет свою хорошую и свою дурную сторону — такова основная посылка рассуждений Прудона, который предлагал брать хорошее у одной системы, отсекая в ней дурное, и аналогичным образом брать хорошее и отсекал дурное у другой системы, с тем чтобы в синтезе получить желаемое. Критика метода Прудона как типичной софистики, игнорирующей реальные законы общественного развития, была исчерпывающе дана Марксом в середине XIX в. и с тех пор не устарела.

По сути дела, в методологическом отношении совершенно аналогичным образом рассуждали сторонники теории конвергенции. С диалектикой, которая рассматривает процесс развития в его внутренних противоречиях, этот метод не имеет ничего общего. Но нельзя отрицать, что идея конвергенции выражала веру авторов в прогресс общества на основе использования достижений науки во благо человечества, веру в возможность мирного разрешения противоречий современного мира. Теория конвергенции сошла со сцены вместе с ослаблением, а затем исчезновением Советского Союза. Ныне ее пытаются оживить некоторые теоретики либерального толка в нашей стране под «новым» углом зрения.

¹ Сорокин П.А. Главные тенденции нашего времени. М., 1997. С. 196–197.

«Новизна» заключается в принципиально иной оценке советского общества. Так, Ю. Буртин в своих выступлениях расценивает советский период как провал в истории поскольку идеи социализма пытались осуществить революционным, а не эволюционным путем. «Революционно-социалистическая идея по природе своей могла быть осуществлена лишь в патологическом, резко неадекватном виде ценой отказа от ряда социалистических ценностей (свобода, равенство, народовластие) и замены их на нечто противоположное». Современное российское общество Буртин рассматривает как «посттоталитарное», которое «может перерасти в конвергентное общество, лишь повторив тот путь, который уже прошла европейская цивилизация». По сути автор рекомендует вернуться в 1913 г., чтобы российское общество смогло «развить в себе порознь либерально-консервативную и социалистическую тенденции, довести их противоборство до крайней остроты и только на этой основе искать между ними компромиссы»¹.

Подводя итог этому краткому критическому обзору, можно сделать вывод, что приведенные выше возражения против понимания социальной сущности советского общества и его социально-классовой структуры как общества, социалистического по своему типу, не являются научно доказательными, теоретически обоснованными. Нашу позицию можно резюмировать следующим образом. Мы рассматриваем советское общество как общество в основном социалистическое, не завершившее до конца к середине 1980-х гг. переход от капитализма к социализму и поэтому представляющее собой один из вариантов *раннего социалистического общества*, притом со значительными *особенностями*, вытекающими из исторического прошлого и наличия капиталистического окружения, а также с существенными *деформациями*, обусловленными действием субъективного фактора. Однако, сохраняя эти основные особенности на протяжении более полувека, социализм в СССР, в том числе социально-классовая структура советского общества, не оставался неизменным и вопрос о его дальнейшей эволюции заслуживает внимательного рассмотрения, тем более что он тоже является дискуссионным по ряду важнейших пунктов.

¹ Буртин Ю. Конвергенция // Независимая газета. 1998. 3 апр. С. 5; см. также: Октябрь. 1998. № 1. С. 145–166.

Глава 5. Эволюция социально-классовой структуры советского общества в послевоенный период

После Великой Отечественной войны, доказавшей прочность нового строя, в официальных документах и общественно-ведческой литературе при характеристике социализма постепенно исчезало добавление «в основном». Между тем в результате войны, согласно решениям Потсдамской конференции 1945 г., получили международное признание весьма значительные территориальные приобретения Советского Союза, что не могло не отразиться на социальной структуре общества в целом. Как известно, в состав СССР на западе вошли Западная Украина, Западная Белоруссия, Закарпатье, Бессарабия, Литва, Латвия, Эстония, большая часть Восточной Пруссии (Калининградская область). Население последней после выселения немцев комплектовалось за счет переселенцев из России, область вошла в состав РСФСР. На Востоке были возвращены отторгнутые ранее Японией Южный Сахалин и часть Курильской гряды, которые также в основном (часть корейцев осталась) были заселены русскими и вошли в состав Сахалинской области. Если переселенцы пережили вместе со всем народом процессы общественных преобразований и на осваиваемых ими территориях сразу же установились общие для страны порядки, то в западных областях Украины и Белоруссии, в Литве, Латвии и Эстонии, в Бессарабии, т.е. на основной части территории Молдавской ССР, социальные преобразования были начаты только в 1939—1941 гг., а затем прерваны на три-четыре года вследствие оккупации этих территорий немецкими и румынскими войсками. После освобождения они были возобновлены в очень сложных условиях классовой борьбы; в ряде регионов эта борьба оказалась сплетена с националистическим движением и приняла форму организованного вооруженного сопротивления: в Литве «лесных братьев», в западных областях Украины бандеровских частей, ядро которых состояло из остатков дивизий СС, укомплектованных гитлеровцами из местного населения. Борьба с ними оказалась продолжением сражений Второй мировой войны и, естественно, повлекла за собой репрессии по отношению к той части населения, которая поддерживала бандитские формирования.

Реставрация капиталистических порядков в их колониальной форме происходила и на временно оккупированной немецкими войсками территории России, а также основной части Украины и Белоруссии, что тоже повлияло на классовый состав населения. Наконец, огромные по масштабам разрушения, гибель десятков миллионов людей на фронтах и в тылу, эвакуация промышленности и миллионов людей на восток страны и последовавшая затем их реэвакуация, возвращение с фронтов и из плена к мирной жизни солдат и офицеров Советской Армии не могли не сказаться на системе управления страной. Все это способствовало *сохранению мобилизационной экономики* и строгих административных ограничений на передвижение населения, командных методов управления, карточной системы распределения основных продуктов питания.

Мы уже отмечали ранее, что в годы войны и после нее существенно возросло значение мелкого производства в сельском хозяйстве — как личного приусадебного хозяйства колхозников, работников совхозов, всех сельских жителей, так и части горожан, которые получили право возделывания небольших участков земли, что позволило снабжать картофелем и овощами и в значительной мере молоком и мясом население и сыграло спасительную роль в его выживании. Но вместе с ЛПХ возросло и значение «колхозного» рынка, на котором в качестве продавцов выступали в основном не колхозы и совхозы, а «частник». Это означало возрастание мелкотоварного сектора экономики, рыночных отношений и слоя мелких производителей в структуре населения.

Таким образом, переходный период от капитализма к социализму, официально объявленный законченным к середине 1930-х гг. в масштабах страны, в ее новых границах не был еще полностью завершен. Тенденция к возвеличиванию успехов социализма была психологически оправдана как у руководителей страны, так и в массовом сознании, и вполне объяснима в условиях выигранной ценой невероятных жертв войны, возросшей роли СССР в мире, быстрого восстановления народного хозяйства в течение первой послевоенной пятилетки, достижения в кратчайшие сроки решающих успехов в установлении ядерного паритета с США, а тем самым предотвращения ядерно-ракетного нападения вчерашнего союзника. Однако с точки зрения теории, требующей взвешенного научного подхода при оценке достигнутого этапа общественного развития, эта своеоб-

разная эйфория имела и определенные отрицательные последствия, которые со временем дали о себе знать на практике. Еще до войны она нашла выражение в объявлении «ііііі іііііі» социализма в СССР, что указывало на явную недооценку степени сохранения до-социалистических отношений. Затем эта победа была объявлена «окончательной» ввиду достижения равновесия в ядерных и ракетных вооружениях с вероятным противником. Между тем, согласно засекреченным планам США, руководящие круги Америки намеревались разрешить глобальное противостояние уничтожением СССР как государства. В СССР «окончательная победа» понималась как не допускающая в принципе возможности реставрации капитализма. Наконец, по инициативе Н.С. Хрущева на XXII съезде КПСС в 1961 г. была принята новая программа КПСС, в которой на основе простейших арифметических выкладок (исходящих из ежегодного роста на 10%) было заявлено, что к 1980 г. промышленное производство в стране возрастет ровно в шесть с четвертью раза (!) и поэтому по степени обеспечения материальными благами населения Советский Союз догонит Америку. Программа ставила в качестве основной цели за 20 лет создать в одной стране основы коммунистического общества. В программных документах съезда игнорировалось марксистское представление о долговременности перерастания первой фазы коммунизма во вторую и об интернациональном характере этого процесса.

Робкий по форме отказ от утопических целей, необходимость которого вытекала не только из реального состояния страны, но и из реакции на хрущевскую программу даже дружественных сил за рубежом, был сделан только во времена Л.И. Брежнева. Но в такой форме, которая в свою очередь искажала реальное состояние общества, продолжала политику «завышения ставок». Социалистическое общество в СССР в 1970-е гг. было названо *развитым, зрелым*¹. Но официально изменения в программу КПСС были внесены только в период «перестройки». Новые формулировки, более реалистично оценивавшие ситуацию в стране, были тогда восприняты с известным облегчением подавляющим большинством советских обществоведов, поскольку они освобождались от участия в прославлении явной утопии. Но и эти поправки требуют внимательного рассмотрения и анализа употребляемых понятий.

¹ См., например: *Брежнев Л.И.* Ленинским курсом. М., 1975. Т. 6. С. 627 и далее.

Введение понятия «развитости» при сравнении реального положения с 1960 г. имело определенные основания. По официальным данным, рост всех основных показателей народного хозяйства был к середине 1970-х гг. вполне внушительным. В табл. 1 приводятся данные за весь рассматриваемый период. Здесь мы не даем сопоставления с другими странами, но следует учитывать, что по темпам экономического роста СССР опережал все главные капиталистические страны, включая наиболее быстро развивавшуюся тогда Японию.

Т а б л и ц а 1. Прирост основных показателей экономического и социального развития СССР за период 1960–1980 гг. (1960 = 100%)¹

Показатель	1970	1975	1980
Валовой внутренний продукт	265	325	387
Продукция промышленности	325	404	485
Продукция сельского хозяйства	142	153	170
Производительность труда	232	273	317

Рост ВВП за 20 лет почти в 4 раза при затратах примерно 20–25% на военно-политические цели, связанные с противоборством в глобальном масштабе, включая щедрую помощь ряду режимов «третьего мира» и расходы на войну в Афганистане, следует признать выдающимся мировым достижением. Это касается и роста реальных доходов на душу населения в 2,5 раза.

Особенность советского варианта социализма состояла в том, что значительная часть прироста реальных доходов населения приходилась на увеличение выдач и льгот за счет общественных фондов потребления (ОФП). Они включали в себя: бесплатное образование, которое за этот период существенно расширилось, так что к концу 1980-х гг. до 90% молодежи стало получать (в разных формах и разное по качеству) полное среднее образование; бесплатное здравоохранение, расширение масштабов туризма и санаторно-курортного обслуживания; строительство и оснаще-

¹ Народное хозяйство СССР в 1985 году. М., 1986. С. 34–35.

ние новых учреждений культуры, пользование которыми в основном также было бесплатным; массовое строительство нового – жилья, которое предоставлялось преимущественно бесплатно, причем пользование им и коммунальные услуги оплачивались по малой доле их реальной стоимости; дешевизна всех видов общественного транспорта – от трамвая до авиабилетов и т.д.

Доля поступлений от ОФП в доходах разных групп населения была неодинакова. В наиболее выигрышном положении находилась номенклатура, поскольку получение бесплатных квартир улучшенного типа, пользование дачами и личным транспортом, санаториями и домами отдыха, медицинской помощью 4-го Главного управления Минздрава и т.д. происходило за счет «общего котла» ОФП. В относительном выигрыше также оказывались рабочие, служащие, специалисты привилегированных ведомств, например МВД, а также «закрытых» городов, ВПК и многих крупных промышленных предприятий. В целом в 1985 г. работники промышленности из ОФП получали 25% совокупного дохода семьи, колхозники – 19,1%¹, но отставание сельского населения по сравнению с занятыми в промышленности постепенно сокращалось.

По потреблению продуктов питания СССР находился на уровне наиболее развитых стран. Зерновой продукции производилось вполне достаточно, хотя преобладало фуражное зерно, шедшее на корм скоту. Импорт продуктов питания за счет экспорта нефти и газа играл вспомогательную роль. Кроме кофе, чая, бананов, тростникового сахара и других продуктов, которые производятся в иных климатических зонах, импорт обеспечивал страну зерном высокого качества для выпечки хлеба, а также дополнительным количеством кормов для животноводства. В результате был обеспечен рост потребления мяса и мясoproductов с 39,5 кг в 1960 г. до 61,4 кг в 1985 г., яиц более чем в 2 раза, сахара в 1,5 раза – до 42 кг и т.д.²

Подсчеты, произведенные в 1990-е гг. независимым исследователем по оригинальной методике, позволяют глубже оценить достигнутый за этот период прогресс в благосостоянии населения. В.М. Уралов оценивает изменение нижней границы уровня жизни

¹ Народное хозяйство СССР в 1985 году. М., 1986. С. 417.

² Там же. С. 445.

за 25 лет с 2,06 до 5,30, а верхней границы — с 3,79 до 9,71. Нижнюю границу Уралов определяет как обеспеченную *личными* доходами, в то время как верхнюю границу — по среднедушевому *национальному* доходу. Не входя в подробности методики, отметим, что нижняя граница в 1913 г. принята им за 1,13, следовательно, в 1960 г. она была выше, чем в 1913 г., в 2 раза, а в 1985 г. — более чем в 5 раз¹. Среднегодовой темп роста уровня жизни Уралов на протяжении всего указанного периода оценивает в 3,8%. Если провести сравнение с данными официальной статистики, то различие оказывается незначительным. Так, у Уралова нижняя граница возросла на 158%, верхняя на 156%, а по данным ЦСУ СССР — на 158%. Отметим, что, по подсчетам этого автора, выполненным достаточно скрупулезно, децильный коэффициент по заработной плате (т.е. без учета доходов наиболее богатых слоев населения царской России, которые в основном проходили по другим статьям) в 1913 г. равнялся 8,4, в то время как в 1980-е гг. колебался от 4,5 до 4,8².

Известное замедление темпов роста экономики с середины 1970-х гг. находило наглядное, осязаемое для широких масс выражение в трудностях со снабжением, которые стали появляться в ряде регионов. Это породило массовые поездки за продуктами в Москву и другие крупные промышленные центры, а также в «закрытые города», т.е. центры ВПК, которые обеспечивались всем необходимым в первую очередь. Более заметным становилось отставание от западных стран по ассортименту и качеству товаров широкого потребления, связанных с применением электроники, в эстетическом оформлении одежды в соответствии с модой, в доступности покупки автомобилей и т.д. Эти явления служили основанием для беспокойства всех органов управления и для недовольства населения, которое непосредственно выражалось в неудовлетворенности системой снабжения, особенно из-за нарастания в государственной торговле дефицита ряда продуктов питания, прежде всего мяса и мясных изделий, а также качеством товаров ширпотреба.

«Неудовлетворенность», равно как «удовлетворенность» — понятия социальной психологии, которые находят широкое применение в эмпирической социологии при опросах населения. «Замеры» удов-

¹ Уровень нашей жизни. 1913–1993. Аналитический справочник. М., 1993. С. 4, 42.

² Там же. С. 10–11.

летворенности состоянием снабжения в СССР в 1960–1970-е гг. не проводились. Поэтому здесь придется оперировать данными статистики и «живого» наблюдения за состоянием массового сознания. О масштабах растущей неудовлетворенности населения системой снабжения продовольствием и промышленными товарами «ширпотреба» можно косвенно судить по соотношению цен в госторговле и на свободном («колхозном») рынке на наиболее дефицитные продукты животноводства, а также на картофель и овощи. Эти же данные позволяют судить о значении фактора неудовлетворенности для нарастания местнических (а в Прибалтике и сепаратистских) настроений, о направлениях миграционных потоков и т.д. Приходится использовать зафиксированные статистикой средние цифры, хотя суть проблемы концентрировалась в «территориальном» распределении ролей между этими двумя видами торговли. В 1959 г. (по СССР, так как по РСФСР у нас данных нет) соотношение выглядело так: по говядине 143:100, по яйцу 157:100, по картофелю 163:100 в пользу рынка¹. Превышение цен на свободном рынке примерно в 1,5 раза отчасти объясняется лучшим качеством, свежестью продуктов и т.д. В дальнейшем рассматриваемое соотношение неуклонно изменялось в пользу «колхозного» рынка по мере нарастания трудностей в снабжении населения, особенно белковой продукцией животного происхождения. Самая примечательная, парадоксальная особенность этого процесса состояла в том, что он развивался на фоне непрерывного роста производства и душевого потребления этих продуктов (табл. 2).

Т а б л и ц а 2. Производство основных продуктов животноводства и их потребление на душу населения в РСФСР²

Продукт	1960	1970	1980	1985
Мясо (в убойном весе)				
производство, млн т	5,0	6,2	7,4	8,5
потребление, кг	41	50	62	67
Молоко и молочные продукты в переводе на молоко				
производство, млн т	34,5	45,4	46,8	50,2
потребление, кг	255	331	328	343
Яйцо				
производство, млрд шт.	15,7	23,6	39,5	44,3
потребление, шт.	128	182	279	298

¹ Народное хозяйство СССР в 1959 году. М., 1960. С. 680–681.

² Народное хозяйство РСФСР за 70 лет. М., 1987. С. 320–321.

По уровню потребления мяса Советский Союз, в том числе РСФСР, вплотную приблизился к высокоразвитым странам Запада, превзошел их по молоку и молочным продуктам, а после массового строительства птицефабрик и по яйцу. Эти цифры, с одной стороны, свидетельствовали о несомненных успехах в решении продовольственной проблемы несмотря на систематическое отставание сельского хозяйства, а с другой — о коренных просчетах в социальной политике. «Нормальный» выход — регулирование рынка на основе учета спроса и предложения — был неприемлем для властей как из идеологических соображений, так и из боязни политических протестных выступлений масс. Заработная плата и доходы населения постепенно росли, статистика показывала рост благосостояния, и это соответствовало истине. Но естественное стремление населения обратить дополнительные доходы на покупку качественных продуктов питания и промтоваров наталкивалось на систему централизованного снабжения, когда при наличных ресурсах и стабильных ценах госторговля могла обеспечить в достатке лишь ограниченный круг городов, жители которых покупали мясо, колбасу, сливочное масло по «казенным» ценам. Даже многие крупные индустриальные центры уже знали перебои со снабжением, а следовательно, и очереди, их населению приходилось восполнять дефицит на свободном рынке. Малые города, рабочие поселки были вынуждены в основном ориентироваться на рынок. О соотношении цен в госторговле и на «колхозном» рынке за последние пять лет стабильного положения до начала перестройки дает некоторое представление табл. 3.

Т а б л и ц а 3. Средние розничные цены в госторговле и на колхозном рынке, руб./кг¹

Продукт	1980			1985		
	Госторговля	Рынок	Соотношение	Госторговля	Рынок	Соотношение
Мясо	1,75	9,64	3,97	1,81	6,74	3,72
Животное масло	3,44	6,88	2,0	3,42	8,17	2,39
Сыр и брынза	2,41	5,42	2,25	2,49	5,59	2,24
Картофель	0,13	0,48	3,69	0,14	0,57	4,07
Овощи	0,39	1,46	3,74	0,40	1,75	4,97

¹ Народное хозяйство РСФСР в 1985 году. М., 1986. С. 137.

Отмеченное превышение «колхозных» цен (мы ставим кавычки, ибо на деле роль колхозов на свободном рынке была незначительна) отчасти объяснялось более высоким качеством продуктов. Мы уже отмечали ранее, что низкие цены на овощи и картофель в госторговле поддерживались разными способами: низкими заготовительными ценами, привлечением в приказном порядке рабочих, служащих, студентов, даже старшекласников на уборку урожая осенью и на овощные базы зимой и весной, что позволяло занижать цены в госторговле. Пренебрежение рыночными отношениями с гибким регулированием цен в стремлении избежать недовольства населения оборачивалось своей противоположностью — ростом социального напряжения в обществе (см. гл. 6), прежде всего в регионах, оказавшихся в относительно худшем положении по уровню централизованного снабжения.

Аналогичная картина наблюдалась и в обеспечении населения *качественными* промышленными товарами. Например, при сравнительно невысокой цене на отечественные автомобили (а других тогда в продаже не было) очередь за талоном на право его приобретения тянулась годами. Однако в правительственных учреждениях, на оборонных заводах, шахтах и т.д. талоны на эти товары выдавались чаще; что же касается «начальства», то оно могло купить дефицитные товары в так называемых спецмагазинах. Эта система распределения порождала массовые злоупотребления в торговле, а также появление и рост численности слоя «фарцовщиков» (спекулянтов). Стремление перебраться на постоянное жительство в Москву, крупные промышленные города, столицы союзных республик ограничивалось строгим режимом прописки и приемом на работу на заводы и стройки ограниченного контингента («оргнабор») с правом временной прописки («лимитчики») и надеждой получения через несколько лет постоянной прописки.

Рост социальной напряженности вследствие пренебрежения законами товарного производства, отсутствия гибкости в политике цен и доходов мало исследовался специалистами общественных наук, в том числе социологами и экономистами, из-за идеологических запретов. Для разрядки официально разрешались сатирические выпады на эстраде. Известные миниатюры А. Райкина популярно высмеивали всевластие дефицита и лиц, стоящих у истоков распределения («завсклад», «директор магазина», «товаровед» и т.д.).

Недооценка *социального напряжения*, вызываемого распределительной системой снабжения и обусловленным ею фактическим неравенством «начальства» и массы, избранных городов и регионов и глубинки, свидетельствовала о растущем разрыве между официальной идеологией и массовым сознанием. Использование этого фактора западной пропагандой с помощью «диссидентского» движения и «*дәәәіәіәііііә*», а в 1980-е гг. социальными силами, ставшими в оппозицию советской системе, сыграло очень существенную роль на втором этапе «перестройки», когда М.С. Горбачев пошел на внедрение спекулятивных отношений в промышленности под флагом кооперации. Тем не менее при всех обрисованных выше постепенно нараставших факторах социальной напряженности обеспечение экономического прогресса и роста благосостояния перекрывали проявления недовольства в период, получивший название развитого, «*сәәәіәі*» социализма. И в этом же причина того, что данные хвалебные эпитеты не встречали существенных возражений в научной литературе того времени.

Другой вопрос, насколько явления замедления темпов роста экономики заслуживают наименования «застоя», которое стало доминировать при оценке второй половины 1970-х — первой половины 1980-х гг., а подчас всего «брежневского» периода советского общества. На наш взгляд, указанные явления отрицательного характера вряд ли дают основания для оценки всего рассматриваемого периода как «эпохи застоя». Что такое застой на деле, а затем деградация производства и резкое снижение уровня жизни, Россия и другие постсоветские государства смогли узнать позднее, начиная с последних лет правления Горбачева, а полностью — при правлении Ельцина, о чем речь впереди.

Сложнее обстоит дело с формулой «зрелый социализм». Если оценивать в целом состояние советского общества к середине 1980-х гг., то, на наш взгляд, неправомерно называть общественные отношения социализма тех лет в СССР достигшими полного развития, а стало быть, «зрелости». Сомнения в применимости столь ко многому обязывающих определений данного этапа в развитии страны высказывались и в те времена, но в полную силу они зазвучали после 1985 г. Время показало, что эти сомнения имели основания.

Чтобы разобраться в этом вопросе подробнее, необходимо обратиться к противоречивым тенденциям в развитии системы об-

щественных отношений советского общества, а тем самым его социально-классовой структуры. На наш взгляд, в ее развитии на протяжении послевоенного периода сформировались две противоположные тенденции. В о - п е р в ы х, это, безусловно, тенденция дальнейшего развития социалистического характера всей системы социально-экономических отношений, поскольку происходило укрепление общенародной собственности и на этой основе *сближение основных социальных групп* по отношению к собственности и другим классообразующим признакам. Это означало, что происходит усиление *тенденции социальной интеграции*, т.е. сближения всех социальных групп общества по уровню жизни, по уровню образования молодежи и т.д. Эта тенденция была детально исследована во всех ее проявлениях социологами. Мы отмечали ее и в своих трудах по социальной структуре, выходявших регулярно в разных научных изданиях. В о - в т о р ы х, одновременно усиливалась *тенденция социальной дифференциации*, на что обращалось в целом меньше внимания. Но в трудах автора, публиковавшихся в 1980-е гг., постоянно отмечались и эти явления, прежде всего как возрастание разрыва между городом и селом, растущее неравенство в подготовке учащихся в школах разного типа, возрастание привилегий номенклатуры и т.д.

Для того чтобы выяснить, как взаимодействовали эти противоположные тенденции развития социальной структуры *конкретно* в условиях советского общества, необходимо обратиться прежде всего к данным статистики об изменении социально-классового состава населения СССР. Официальные данные, которые затем будут нами несколько уточнены, представлены в табл. 4.

Т а б л и ц а 4. Изменение количественного соотношения основных социальных групп (среднегодовая численность работников, млн человек / %) ¹

Социальная группа	1940	1960	1985
Рабочие (включая МОП и охрану)	23,9/38,0	46,2/55,1	81,7/62,7
Служащие	10,0/15	15,8/18,8	36,1/27,7
Колхозники	29,0/40	21,8/25,0	12,5/9,6

Из табл. 4 явствует, в о - п е р в ы х, что на основе индустриализации страны, которая продолжалась все эти годы, а также уско-

¹ Народное хозяйство СССР в 1985 году. С. 390.

ренного развития науки, образования, здравоохранения быстро возрастала относительно и абсолютно численность «служащих», т.е. работников всех видов умственного труда. Во-вторых, столь же быстро росла численность рабочего класса, хотя частично она была вызвана превращением многих колхозов, не сумевших подняться после войны, в совхозы, а также иные государственные сельхозпредприятия. В-третьих, абсолютно и относительно уменьшалась численность колхозного крестьянства вследствие прежде всего модернизации производства в колхозах и совхозах, в результате чего уменьшалась вообще доля занятых в сельском хозяйстве, а также отмеченного выше процесса изменения форм собственности в деревне. В наибольшей степени последнее сказалось именно в Российской Федерации. В 1985 г. в РСФСР в совхозах работали (в среднегодовом исчислении) 5,9 млн человек, а в колхозах — 4,4 млн¹. Это было вызвано не исчерпанием возможностей, заложенных в кооперативной форме собственности, а объективными трудностями ведения сельхозпроизводства, особенно в северной части России, истощением людских ресурсов деревни, хроническим недостатком капиталовложений в сельское хозяйство и грубейшими ошибками политического руководства страны в принятии важных решений, вырабатывавшихся, заметим, при участии и по рекомендациям некоторых ученых. Попытки Хрущева насаждать кукурузу на Севере, да и вообще командовать колхозами, давать сверху указания, что, где и когда сеять, а также ограничения, принятые по его указанию относительно ведения ЛПХ, которое обеспечивало значительную часть доходов крестьян и давало продукцию на рынок, серьезно подорвали сельское хозяйство в целом и более всего колхозы.

В последующем, уже при Брежневле, по рекомендации ученых, считавших себя специалистами по деревне, вроде акад. Т.И. Заславской, была начата кампания по ликвидации мелких сельских населенных пунктов и укрупнению хозяйств в областях Нечерноземья РСФСР. Эта кампания нанесла непоправимый урон северной деревне. Многие населенные пункты просто исчезли, оказались заброшенными, а их жители разъехались кто куда, поскольку на центральных усадьбах колхозов и совхозов не было возможности обеспечить большинство переселенцев жильем и работой в об-

¹ Народное хозяйство СССР в 1985 году. С. 283, 286.

щественном хозяйстве. Кроме того, многим семьям, состоящим из лиц преклонного возраста, было не по силам создавать на новом месте подсобное и домашнее хозяйство, и они оставались доживать и вымирать в своих заброшенных деревнях без электричества, магазина, медпункта и т.д. По данным писателя В.И. Белова, только в Вологодской области исчезло 100 тыс. мелких сельских поселений.

Достаточно развернутое представление об изменениях в социальной структуре советского общества было дано в трудах социологов и экономистов, в том числе и автора данной книги. Здесь было раскрыто действие тенденции социальной дифференциации, в частности показано, что основные социальные группы неоднородны по своему составу, и эта неоднородность *возрастает*. Основные различия *между отрядами и слоями рабочего класса* выяснялись нами по нескольким линиям. В о - п е р в ы х, по отраслям народного хозяйства, в которых они заняты (промышленность, сельское хозяйство, торговля, сфера услуг, наука, культура и т.д.). Эти различия имели (и имеют) отчасти социальный характер. Так, рабочие совхозов и других государственных сельхозпредприятий по уровню и образу жизни были ближе к кохозникам-крестьянам, чем к промышленным рабочим крупных предприятий в городах. Рабочие в торговле и сфере услуг, а в их число статистика включала и продавцов, в условиях дефицита использовали свое положение у прилавка или на складе для получения дополнительных доходов, часто незаконных. В о - в т о р ы х, по степени механизации труда. Даже в промышленности в 1960–1970-е гг. при росте механизации и автоматизации производства до половины рабочих были заняты трудом без применения машин и механизмов; в деревне слой механизаторов и шоферов рос, но ручной труд преобладал. В - т р е т ь и х, по квалификации, что не совпадало с делением по оснащенности труда машинами и механизмами, так как продолжал сохраняться слой рабочих квалифицированного ручного труда.

Мы уже отмечали, что наиболее разнородной в социальном отношении была растущая масса работников преимущественно умственного труда, условно называемая *интеллигенцией*. Ввиду важности этого вопроса остановимся на нем, обратившись к данным государственной статистики о структуре работающего насе-

ления по видам занятий. Чтобы провести анализ динамики численности различных по характеру труда слоев внутри «интеллигенции», некоторые цифры в табл. 5 даны как оценочные, приблизительные, поскольку прямых сведений о численности специалистов с дипломом на рабочих местах, а также о численности служащих, выполняющих в колхозах канцелярскую работу, мы не смогли извлечь из сборников ЦСУ СССР.

Т а б л и ц а 5. Изменение численности социальных групп советского общества, млн человек / %

Социальная группа	1960	1970	1985
Рабочие (в том числе МОП, охрана)	45,9/54,8	64,3/60,2	81,2/62,3
в том числе с дипломом специалиста	0,3	1,2	5,0
Колхозники (только физический труд)	21,4/25,5	15,9/14,9	11,1/8,5
Специалисты (кроме рабочих)	8,1/9,7	15,2/14,2	27,7/21,8
в том числе в колхозах	0,2	0,4	0,9
Служащие-неспециалисты	8,4/10,0	11,4/10,7	10,3/7,9
в том числе в колхозах	0,2	0,3	0,5
ИТОГО	83,8/100	106,8/100	130,3/100

Данные табл. 5 требуют некоторых пояснений. Основные цифры взяты из справочников ЦСУ СССР за соответствующие годы. Численность специалистов, занятых в народном хозяйстве на соответствующих образованиям должностях, исчислена нами следующим образом: из общей численности работающих в госсекторе специалистов вычиталась численность занятых на рабочих местах, но зато прибавлялась численность специалистов, занятых в колхозах, которые в табл. 4 включены в состав колхозников, поскольку они в абсолютном большинстве являлись членами колхозов. Аналогичным образом при определении численности служащих-неспециалистов к работающим в госсекторе прибавлялась численность служащих-неспециалистов, являющихся членами колхозов. Подобно агрономам, зоотехникам и т.д., они в сведениях о классовом составе населения также проходили как колхозники (см. табл. 4). В графе «колхозники» в табл. 5 оставлены только лица преимущественно физического труда, состоящие членами колхозов. Вместе численность рабочих и колхозников

(занятых преимущественно физическим трудом), т.е. общая совокупность людей физического труда, в 1960 г. превышала 80% всех занятых, а в 1985 г. немногим более 70%, т.е. уменьшалась сравнительно невысокими темпами. Можно сказать, что в СССР преобладал физический труд.

Среди лиц преимущественно умственного труда существенно изменилось численное соотношение между собственно интеллигенцией (в социологическом смысле, а не культурологическом и тем более этическом; мы оставляем эти трактовки понятия «интеллигенция» в стороне, хотя они были широко распространены до революции 1917 г., да и в настоящее время нередко употребляются рядом авторов научных трудов, не говоря уже о журналистах, которые понятие «интеллигенция» трактуют в самых различных смыслах по своим воле и желанию), т.е. специалистами с дипломом, работающими в соответствии с полученным образованием, и служащими-неспециалистами (иначе говоря, «просто служащими»). Конечно, мы не считаем, что наличие диплома о высшем или среднем специальном образовании является классообразующим признаком. Но именно этот признак при внесении ряда поправок может дать представление о различии по степени квалификации работников умственного труда, а тем самым о *слоях внутри интеллигенции* в широком смысле этого понятия, употребленным в формуле Сталина «2+1». Это дает возможность вычленения наиболее квалифицированного слоя работников умственного труда из их общей массы, а тем самым оценки интеллектуального потенциала нации, что является задачей самостоятельного, весьма сложного по методике исследования. Попытка провести таковое была предпринята автором совместно с В.К. Левашовым¹.

Для понимания путей роста интеллектуального потенциала страны надо не только разграничить упоминаемые две группы работников умственного труда, но также определить, какая часть специалистов с дипломом занята работой в соответствии с полученным образованием, какова техническая вооруженность их труда, наконец, его результативность. При изучении социальной структуры важно отметить, что численное соотношение упомянутых двух групп работников умственного труда в СССР быстро изменялось *в пользу дипломированных специалистов*. Если в 1960 г.

¹ См.: Руткевич М.Н., Левашов В.К. О понятии интеллектуального потенциала и способах его измерения // Науковедение. 2000. № 1.

эти две группы были примерно равны по численности и по доле в составе занятых, то в 1985 г. служащих-неспециалистов оказалось втрое меньше, чем специалистов с дипломом. Заметим, что при составлении табл. 5 мы исключили из числа специалистов тех, кто, имея на руках диплом вуза или техникума, занимали на предприятиях по штатному расписанию места рабочих. Эта группа в 1960-е гг. была сравнительно малочисленна, но уже тогда заинтересовала социологов, в том числе на Урале, мы ее условно называли «рабочие-интеллигенты», поскольку они совмещали в себе признаки обеих социальных групп. В росте данного и многих других *пограничных* слоев, например работников межколхозных предприятий, проявлялась тенденция к сближению социальных групп, т.е. интеграции общества. За четверть века численность пограничной группы между рабочими и ИТР быстро возрастала по двум причинам. Во-первых, по мере внедрения достижений научно-технического прогресса в наукоемких отраслях многие специальности требовали наличия у рабочего не только эмпирических навыков, но и серьезной научной подготовки. Такова общая тенденция развития индустрии высоких технологий. В последние годы существования СССР именно в этих областях обозначилось растущее отставание от наиболее передовых стран. Но на многих предприятиях военной промышленности, электроники, химии, металлургии, машиностроения и т.д. численность и квалификация данного слоя рабочих быстро возрастали. Только за одно неполное десятилетие между двумя переписями (1970–1979) удельный вес рабочих, имеющих высшее, незаконченное высшее и среднее специальное образование, возрос среди электромонтеров с 9 до 19%, среди наладчиков оборудования и аппаратуры с 16 до 28%, среди машинистов локомотивов и их помощников с 12 до 21%¹. К середине 1980-х гг. оценочно этот слой среди рабочих в современных по технологии отраслях промышленности составлял 10–20%. Их труд с равным успехом мог быть причислен к физическому и умственному.

Во-вторых, на протяжении четверти века (1960–1985) быстро набирал силу процесс повышения общего образовательного уровня всего населения, прежде всего молодежи. В 1958 г. было принято решение о введении всеобщего неполного среднего

¹ Итоги всесоюзной переписи населения 1959 года. М., 1962. С. 146–148; Итоги всесоюзной переписи населения 1970 года. М., 1973. Т. 6. С. 630–632; Итоги всесоюзной переписи населения 1979 года. М., 1981. Т. IX, ч. II. С. 175–187.

(8 классов) образования, а в 1977 г. — всеобщего полного среднего образования молодого поколения. К середине 1980-х гг. эта задача еще не была полностью выполнена, но среди молодежи до 30 лет полное среднее образование, полученное по разным каналам (школа 10—11-летка, «среднее» ПТУ, среднее специальное учебное заведение, вечерняя школа для работающей молодежи), имели 90% и более. Существенно сблизились по образовательному уровню социальные группы, особенно среди работников, занятых в народном хозяйстве. Если в 1939 г. неполное среднее и выше образование среди рабочих имели 9%, среди колхозников 2%, то в 1986 г. соответственно 85 и 74%, а среди лиц умственного труда практически все.

Подъем культурно-технического уровня массы рабочих и колхозников сопровождался повышением тяги в высшие и средние профессиональные учебные заведения, в том числе на вечернюю и заочную формы обучения. По многим специальностям стало ощущаться относительное перепроизводство специалистов, прежде всего в крупных вузовских центрах. Поэтому нередко рабочие, получившие без отрыва от производства диплом техника, подчас предпочитали оставаться на своих рабочих местах. Молодые специалисты со «свежим» дипломом, занимавшие рабочие места временно в порядке прохождения производственной практики, подчас оставались в этом качестве надолго из-за отсутствия штатных мест в управленческом аппарате, где продолжали выполнять функции управленцев «практики» (лица без специального образования). Наконец, система оплаты труда была такова, что во многих случаях материально выгоднее оказывалось стать к конвейеру и станку или даже грузить вагоны, чем служить техником, медсестрой, воспитателем в детском саду, учителем младших классов, нормировщиком и т.д.

Таким образом, на объективно прогрессивный процесс сближения рабочих и ИТР, который происходил наиболее активно в странах с высокой долей наукоемкого производства (Япония и др.), в СССР накладывался ряд побочных явлений. Они порождались тем, что при плановом директивном ведении хозяйства правильная по сути установка на *опережающее* развитие образования приводила к диспропорциям между сегодняшними потребностями производства в квалифицированных кадрах разного

профиля и плановыми показателями их выпуска учебными заведениями начального, среднего и высшего профессионального образования.

Наиболее сложной задачей оказалась попытка выделить в составе интеллигенции (как всей совокупности работников преимущественно умственного труда) особый по характеру труда слой людей, постоянно занятых *организаторской, управленческой* деятельностью, а из общего их числа — «верхнюю» его часть, которая может быть причислена к «номенклатуре». В этих целях мы попытались использовать результаты переписей населения 1959, 1970, 1979 гг. (по переписи 1989 г. подробные сведения не были опубликованы из-за распада Союза), поскольку в них было зафиксировано распределение экономически активного населения «по занятиям». Фактически под «занятиями» в одних случаях подразумевались профессии, в других — занятость в определенной сфере хозяйства, культуры, управления. Приходилось учитывать и то, что за 20 лет правила составления таблиц «по занятиям» несколько изменились. Так, численность занятых по определенным графам в сборниках ЦСУ СССР по итогам переписи 1970 г. подчас отличалась от цифр, указанных в порядке сравнения за 1970 г. в сборниках по итогам переписи 1979 г. Кроме того, руководящий состав в большинстве отраслей был выделен отдельной строкой, но в науке руководители учреждений указаны вместе с научными работниками. Это отчасти объясняется тем, что в данном случае руководители не перестают заниматься своей профессиональной деятельностью, так же как главврачи обычно не прекращают лечебной практики. Но для суммирования общей численности управленцев это создавало известные трудности, равно как, например, выделение в одних случаях главных инженеров (а это второе лицо на предприятии) из общей численности инженерного персонала в качестве руководителей, в то время как в других случаях они были включены в общую численность инженеров.

Перечень подобного рода искусственно созданных трудностей, обусловленных несовершенством государственной статистики либо нежеланием опубликовать полные данные переписей населения, можно продолжить. Тем не менее мы попытались провести сравнение результатов переписей 1959 и 1979 гг. в соответствии с основными градациями статистики. Это позволяет нам пола-

гать, что предлагаемые ниже выводы можно считать достаточно аргументированными (табл. 6).

Т а б л и ц а 6. Удельный вес руководящих работников (без мастеров, бригадиров и т.д.) в составе занятого населения, тыс. человек / %¹

Численность занятых	1959	1979	Рост (1959 = 100%), %
Общая	99 130	134 860	136
Занятых умственным трудом	19 345/19,5	39 798/29,5	206
Руководящих работников	2005	3526	176
<i>В том числе:</i>			
руководители предприятий, организаций, учреждений и их структурных подразделений	1612	2889	179
руководители органов государственного управления и их структурных подразделений	247	280	113
руководители партийных, комсомольских, профсоюзных, кооперативных и др. общественных организаций	146	357	245
Доля руководящих работников в составе работников умственного труда, %	10,4	8,9	
Доля руководящих работников в составе занятого населения, %	2,0	2,6	

Таким образом, хотя руководители всех типов здесь представлены не полностью (выше уже отмечалось, что главные инженеры предприятий, будучи первыми заместителями директора, входили в состав номенклатуры), определенная тенденция достаточно очевидна. Усложнение хозяйства и его качественный рост, развитие всех отраслей обслуживания, возрастание доли городского населения и т.д. в условиях директивного планового хозяйства служили причинами дальнейшей *бюрократизации управления*. Только высший слой управленцев в составе занятого населения возрос с 2 до 2,6%. Но численность «генералов» в сфере управления ограничивалась более жестко, чем численность «майоров», а тем более «лейтенантов» и «сержантов». Особенно быстро возрастала численность управленцев в бесчисленных планово-финансовых

¹ Итоги всесоюзной переписи населения 1959 года. С. 20–23; Итоги всесоюзной переписи населения 1979 года. Т. IX, ч. I. С. 55–59.

управлениях и конторах, отделах кадров, канцеляриях, отделах сбыта и т.п. Так, численность аппарата органов государственного и хозяйственного управления, а также кооперативных и общественных организаций с 1960 по 1980 г., по официальным данным, возросла с 1 245 тыс. до 2 495 тыс. человек, численность занятых в кредитовании и государственном страховании с 265 тыс. до 649 тыс., т.е. соответственно в 2 и 2,5 раза.

Следует учитывать, что численность аппарата управления строго ограничивалась предписаниями свыше, поэтому здесь не учтены лица, фактически использовавшиеся в управленческом аппарате, особенно на промышленных предприятиях, но зачисленные в штаты цехов и отделов на должности ИТР. Одновременно на фоне общего роста численности управленческого аппарата *сокращалась* доля *высших управленцев* в составе занятых умственным трудом. Это было обусловлено происшедшим за 20-летие мощным развитием системы среднего и высшего профессионального образования, системы здравоохранения, ростом технического уровня производства, развертыванием научных учреждений естественно-научного, технического, гуманитарного профилей. Все это потребовало быстрого расширения высшего образования и роста выпуска молодых специалистов. За 25 лет, с 1960 по 1985 г., выпуск специалистов из вузов возрос с 345 тыс. до 859 тыс., а из средних специальных учебных заведений — с 483 тыс. до 1 247 тыс., т.е. более чем в 2,5 раза. Именно ускоренный рост численности массовых интеллигентских профессий привел к относительному уменьшению доли управленцев среди представителей умственного труда, хотя по абсолютной численности и по доле в составе работающего населения продолжала действовать тенденция роста численности этого слоя, занимавшего особое место в жизни советского общества.

Что касается возрастания удельного веса и социальной роли интеллигенции (специалистов), то это очень важное явление имело различные далеко идущие последствия. В о - п е р в ы х, и это подчеркивалось в научных исследованиях, общее повышение интеллектуального потенциала способствовало развитию всех слоев общества. В частности, этот процесс несомненно способствовал сближению по образу жизни, психологии, культурным запросам основной массы интеллигенции и рабочих, колхозников, служащих, т.е. той

социальной среды, из которой в большинстве своем комплектовались новые поколения интеллигенции. Исследования *социальных перемещений* (иначе говоря, *социальной мобильности*), проведенные нами в 1960—1970-е гг., показали, что при движении общества к всеобщему среднему образованию, выступающем необходимой предпосылкой последующего профессионального образования молодежи, выравнивались шансы профессионального и *социального продвижения* у выходцев из различных социальных групп. Это явление вполне конкретно просматривалось на семейном уровне. Неграмотные или полуграмотные деды, отцы с неполным средним и дети с высшим образованием — такова была весьма типичная картина для многопоколенной сельской или рабочей семьи. Сравнение поколений в социологических исследованиях проводилось различными методами. Например, на основе опроса ИТР турбомоторного завода в Свердловске в 1968 г. нами было установлено, что дети рабочих и крестьян среди специалистов в возрасте более 50 лет составляли 21,3%, в возрасте 41—50 лет — 40,9%, в возрасте 31—40 лет — 73,8%, а среди специалистов до 30 лет — 64%; некоторое снижение объясняется тем, что многие молодые рабочие продолжали получать образование по вечерней и заочной формам обучения в вузах и техникумах города, готовясь стать специалистами.

Во-вторых, в силу особенностей системы распределения в советском обществе этот процесс имел некоторые следствия, способствовавшие росту социального напряжения, а именно: постепенному формированию социальных слоев, не удовлетворенных сложившимся положением и в потенции способных при изменении обстановки пополнить ряды сил, оппозиционных правящим кругам и даже социализму в той его конкретной форме, которая сложилась в СССР к концу 1970 — началу 1980-х гг. На наш взгляд, в годы «застоя», когда назревшие проблемы дальнейшего развития страны, в том числе развития общественных отношений, во многом консервировались из-за неспособности руководства трезво оценить обстановку и вовремя принять рассчитанные на долгий срок политические решения, постепенно сложились *три социальные группы* (их границы не были строго очерчены), которые были не полностью удовлетворены своим социально-экономическим и политическим положением, что в перспективе ставило их в более или менее явную оппозицию к политике государства.

Одна из них постепенно формировалась из той части специалистов с высшим образованием, особенно молодых, которая не видела достаточных перспектив для своего профессионального и социального продвижения. Материальное положение молодого специалиста, будь то научный сотрудник в НИИ, врач, преподаватель вуза, инженер на производстве, юрист и т.д., было весьма скромным. Получение собственного жилья и, следовательно, создание семьи могли затягиваться на долгие годы. Естественно, это не относится к молодым специалистам — выходцам из семей номенклатуры, верхушечной части интеллигенции, дельцов «теневой» экономики и т.д.

Таким образом, исследования процессов социальной интеграции, в том числе сближения основных социальных групп советского общества по занимаемому ими объективному положению, постепенного преодоления социальных различий между ними, давали основания для вывода о *возрастании степени социальной однородности общества в СССР*¹. Попытки представить интегративные процессы на рассматриваемом этапе истории в некоторых научных трудах по данной проблеме как «пропаганду» представляются нам безосновательными. Одно из важнейших доказательств движения общества в этом направлении — несомненное возрастание возможностей перехода, перемещения из одних социальных групп в другие. Особенно это касается вертикальной социальной мобильности молодежи. Исследования этого процесса, начатые нами еще в первой половине 1960-х гг. на Урале, свидетельствовали, что при реализации решения о введении всеобщего неполного среднего, а затем полного среднего образования возрастало равенство возможностей для получения высшего профессионального образования, а тем самым занятия более высокой позиции в системе общественных отношений.

Глава 6. Возрастание социальной напряженности к концу рассматриваемого периода

Нами уже отмечалось, что тенденция *социальной интеграции* неотделима от своей противоположности — тенденции

¹ См.: Руткевич М.Н. Становление социальной однородности. М., 1982.

социальной дифференциации. Рассматривая выше ряд процессов, происходивших в социально-классовой структуре советского общества в последней четверти века перед «перестройкой», мы стремились конкретизировать этот общий тезис. Но следует заметить, что в социологической литературе данного периода внимание к указанным тенденциям было неравным: интеграционные процессы приковывали основное внимание, поднимались «на щит», в то время как процессам расслоения общества, особенно интересам социальных групп и слоев, не уделялось должного внимания. С этим было связано недостаточное внимание, а подчас игнорирование роста *социальной напряженности*, который происходил в советском обществе, причем не непрерывно, а скорее волнообразно, в зависимости от изменений в социальной ситуации, усиливаясь к концу рассматриваемого периода.

При изучении социальной структуры общества, взятой в ее динамике, социальная дифференциация предполагает не только усиливающееся «дробление» социума на части, но и усложнение связей между ними. Одновременно с возникновением новых групп и слоев происходит объективное возрастание различий в интересах и осознание этих различий как на психологическом уровне — настроений, желаний, стремлений, так и на уровне рационально поставленных в экономике и политике целей и подчиненной этим целям организованной групповой (слоевой) деятельности. Отмеченные выше особенности сложившейся в СССР социально-экономической системы, в том числе в сфере распределения материальных благ и в административном управлении, перераставшие по ряду пунктов в деформации принципов социализма, порождали многие негативные явления, сказавшиеся впоследствии на переходе к «перестройке» и в конечном счете на судьбе самой системы.

Если использовать понятийный аппарат структурно-функциональной теории Т. Парсонса, то можно сказать, что в процессе дифференциации общества вследствие различий в интересах возникают дисфункции, которые, если их своевременно не исправлять в общих интересах, могут порождать те или иные расстройства в жизнедеятельности системы. На языке теории Маркса, который, как нам представляется, более адекватно отражает реальность, это означает, что процессы социальной дифференциации порождали не только расхождения в интересах отдельных групп (слоев) общества,

но также противоречия между эгоистическими интересами этих групп (слоев) и интересами общества, взятого в его целостности с учетом перспектив развития. От своевременного разрешения этих противоречий зависели темпы экономического и социального прогресса страны, улучшение или ухудшение ее позиций в постоянном соревновании, соперничестве на мировой арене с другими странами (государствами, нациями).

Характерная черта процесса постепенного усиления социальной напряженности в отношениях отдельных групп и слоев советского общества как социальной системы, интересы которой находили интегрированное выражение в политике государства, состояла в том, что этот процесс в целом не совпадал с линиями социально-классового деления, а происходил внутри основных социальных групп в связи с зарождением новых слоев. Возрастание социальной напряженности создавало *в потенции* угрозу единству советского общества и его целенаправленному прогрессивному развитию. Но эта потенция, как свидетельствует опыт исторического развития, содержала в себе очаги *оппозиции* политическому режиму. В течение рассматриваемого в данной главе периода эта оппозиция проявлялась в разных формах, преимущественно в недовольстве политикой властей по тем или иным вопросам со стороны отдельных групп и слоев общества, выражавшем настроение их лидеров.

Политика партийно-государственного руководства СССР, особенно со второй половины 1970-х гг., отличалась тем, что назревшие вопросы развития страны, в том числе проблемы, возникавшие в социальных отношениях и общественных настроениях, руководство страны предпочитало *не замечать*, по крайней мере публично, консервировать, что служило причиной их нарастания. Характерной чертой стиля руководства страной в эпоху позднего Брежнева была идеологическая зашоренность, нежелание или неумение трезво оценить изменения во внутренней и внешней обстановке, боязнь принять необходимые, назревшие, но непопулярные решения, которые могли бы, будучи своевременно принятыми, разрядить обстановку и хотя бы частично разрешить назревшие противоречия.

Кроме того, руководство страны в узком кругу принимало подчас судьбоносные решения авантюрного характера. Наиболее наглядным примером может служить решение непосредственно

вязаться в афганские дела, ввести в эту страну «ограниченный воинский контингент», который провоевал в Афганистане 15 лет. Цена авантюры: 15 тыс. погубленных жизней, сотни тысяч раненых и искалеченных молодых людей, колоссальные материальные затраты. Все это происходило в период, когда страна остро нуждалась в средствах на инвестиции в новую технику, в коренном улучшении положения в сельском хозяйстве, в снабжении населения продуктами питания. Афганская авантюра, а также постоянное вмешательство в африканские дела, наряду с ростом затрат на военные цели способствовали усилению социальной напряженности во *всех* областях жизни общества.

Рассмотрим основные направления роста социальной напряженности. Об одном из важнейших уже не раз говорилось выше — это растущие недостатки в продовольственном снабжении и постепенный переход к, казалось бы, давно забытой карточной системе снабжения рядом основных продуктов питания почти на всей территории страны.

Неудовлетворенность своим положением постепенно формировалась и среди той части специалистов с высшим образованием, преимущественно молодых, которая не видела ясных перспектив для своего профессионального и социального роста, решения жилищной проблемы, просто ощущала недостаток средств для нормального образа жизни. Выше были приведены цифры, дающие представление о темпах роста численности специалистов. Ставка на опережающее развитие образования, в том числе высшего профессионального, характерна для всех развитых стран во второй половине XX в. Для СССР, в недалеком прошлом страны с малограмотным большинством населения, стратегически эта ставка была безусловно оправдана. Но плановая система определения цифр приема в техникумы и вузы (за пять лет и более до выпуска специалистов) с раскладкой по основным профилям и даже узким специальностям, как и многие другие черты директивного планирования, приводила к диспропорциям между ежегодным выпуском специалистов и реальными потребностями в пополнении специалистами различных отраслей хозяйства и культуры. Для понимания процесса постепенной девальвации социального положения специалиста в табл. 7 приведены данные об изменении оплаты труда в ряде отраслей хозяйства за длительный период.

Т а б л и ц а 7. Среднемесячная денежная заработная плата рабочих и ИТР по некоторым отраслям народного хозяйства, руб.¹

Социальная группа	1940	1960	1985
Промышленные рабочие	32,4	91,9	211,7
ИТР в промышленности	69,6	135,7	233,2
Соотношение ИТР/рабочие, %	215	148	110
Строительные рабочие	31,1	89,2	245,3
ИТР в строительстве	75,3	139,9	239,7
Соотношение ИТР/рабочие, %	242	157	98

Таким образом, заработная плата ИТР до Великой Отечественной войны была в 2–2,5 раза выше, чем у рабочих в основных отраслях материального производства, а к середине 1980-х гг. они практически сравнялись. Если учесть, что в составе ИТР учитывалась также высокооплачиваемая их часть, включая лиц на административных должностях, то оказывается, что молодой инженер на производстве получал заработную плату ниже, чем рабочий. К сожалению, у нас отсутствуют аналогичные данные по сфере услуг и культуры. Но в этих отраслях положение основной массы специалистов было намного хуже, чем в промышленности. Чтобы убедиться в этом, следует сравнить среднюю заработную плату по таким отраслям, где специалисты составляли большинство занятых, со средней по промышленности. Так, в 1940 г. средняя заработная плата в народном образовании составляла 97% средней по промышленности, 1960 г. — 79%, а в 1985 г. — всего 63%. Аналогичные подсчеты по графе «здравоохранение, физическая культура и социальное обеспечение» дают такой результат: 75% в 1940 г., 64% в 1960 г. и 63% в 1985 г.². Начальная заработная плата ассистента в высшем учебном заведении была равна всего лишь 105 руб., тогда как к концу рассматриваемого периода рабочий со стажем 2–3 года после ПТУ зарабатывал больше. Примерно такой же, как в высшей школе, была начальная заработная плата специалиста с высшим образованием в отраслевых и даже академических НИИ (кроме работавших в условиях секретности оборонных НИИ и КБ).

Поэтому к середине 1980-х гг. социальная мобильность существенно изменила свое направление. Продвижение на уровень

¹ Народное хозяйство СССР в 1985 году. С. 397–398.

² Там же.

специалиста с высшим образованием стало проще благодаря постепенному осуществлению всеобщего среднего образования и стипендиям в вузах. Оно было вполне посильной задачей для всех желающих приобрести таковое выходцев из всех социальных слоев общества. Но поступление в элитные вузы и на факультеты, обеспечивающие выгодную специальность и служебную карьеру (например, МГИМО, восточный факультет МГУ и т.д.), требовало мощной протекции либо крупной взятки. Что касается основной массы молодых специалистов, то они были обречены на сравнительно низкую оплату труда, а их служебное продвижение наталкивалось на заполненность штатов руководящих работников во всех областях жизни лицами старших возрастов, в том числе профессорских ставок в вузах, заведующих лабораториями в НИИ, руководителей конструкторских и технологических отделов, участков, цехов, а также главных инженеров на предприятиях. Еще более сложной задачей, разрешимой лишь для ограниченного числа закончивших вузы, было продвижение на руководящие должности в сфере управления. В хозяйстве и в аппарате управления эти должности зачастую замещали лица, имеющие большой стаж работы, так называемые «практики», чей производственный, административный, жизненный опыт должен был заменять (но на деле далеко не всегда заменял) наличие соответствующего данной должности высшего или среднего специального образования. Процесс замены «практиков» на руководящих должностях шел медленными темпами. За 9 лет между двумя переписями населения (1970 и 1979) доля руководителей с высшим образованием возросла в органах государственного управления с 35,4 до 48%, в партийных, комсомольских органах и т.п. с 37,4 до 51,7%, в управлении хозяйством с 32,3 до 42,7%¹. Это означает, что при достаточном числе специалистов почти во всех областях, а кое-где и при их избытке, половина руководящих должностей и даже более занимали лица, не имеющие высшего образования.

Потенциал недовольства среди части получившей высшее образование молодежи в наибольшей степени концентрировался в крупных промышленных и культурных центрах, особенно в Москве, Ленинграде, столицах союзных республик и автономий, областных центрах, где был сосредоточен региональный бюрократический аппарат.

¹ Итоги всесоюзной переписи населения 1970 года. Т. 6. С. 628; Итоги всесоюзной переписи населения 1979 года. Т. IX, ч. I. С. 55–59.

тический аппарат, располагались большинство высших учебных заведений и научных учреждений, а также издательства, театры, клиники и т.д. Многие выпускники московских вузов, получив на руки диплом, отказывались выезжать на работу по распределению на предприятия и стройки в отдаленные районы страны, особенно в сельские школы, больницы, клубы, тем более, что с обеспечением жильем на местах были сложности. Но часть коренных москвичей и ленинградцев с дипломом вуза все же отправлялась на периферию на три года по плановому распределению, чтобы затем вернуться домой. Аналогичная ситуация складывалась и в столицах союзных республик, а также во многих крупных вузовских, научных, культурных центрах — Свердловске, Новосибирске, Горьком, Ростове и т.д. Впрочем, такое положение сохранилось по сей день, только теперь Горький вернул себе название Нижний Новгород, Свердловск — Екатеринбург. Такая же картина наблюдалась и в столицах союзных республик, в частности потому, что переезд в отдаленные регионы страны был связан с изучением русского языка, сменой привычной обстановки. Так, согласно данным переписи населения 1979 г., на 1000 человек занятого населения в среднем по СССР насчитывалось 100 лиц с законченным высшим образованием, но в Москве таковых было 254, в Ленинграде 209, в то время как в Киеве 249, а в Тбилиси даже 329!¹

Оппозиционные настроения среди определенной части городской, прежде всего столичной, интеллигенции, большей частью ограничивались «кухонными разговорами», поскольку идеологический и административный контроль партийных и государственных органов оставался весьма жестким. В сравнительно редких случаях возбуждалось уголовное преследование на основе секретных донесений о подобных разговорах за «антисоветскую пропаганду». За издание подпольной литературы подчас давали «срок», видных людей могли выслать за границу. Недовольные пользовались также таким легальным каналом для выезда за рубеж, как туристическая поездка, из которой не возвращались. Евреи могли выехать в Израиль (на деле многие выезжали в США), а немцы — в ФРГ по соглашению с этими государствами. Выезд на постоянное жительство за границу как легально, так и нелегально под видом туризма, был своеобразной формой выра-

¹ Итоги всесоюзной переписи населения 1979 года. Т. III, ч. II. С. 83, 97, 194, 215.

жения недовольства со стороны тех представителей художественной, гуманитарной, а также технической и научной интеллигенции, которые не были удовлетворены возможностями заработка и продвижения, а в определенной мере и общими порядками в стране. Для понимания положения в эмиграции некоторых представителей науки и искусства следует учитывать, что в развитых капиталистических странах существует настоящая пропасть в доходах и образе жизни между рядовыми артистами, художниками, писателями (писательский труд вообще может обеспечить только существование знаменитостей) и т.д. и «звезд». Но лицам, покинувшим СССР якобы по политическим причинам, некоторое время оказывали финансовую поддержку как государственные органы, так и различные фонды, особенно если эти лица обладали известностью и высказывались против СССР. Еврейская эмиграция пользовалась солидной финансовой поддержкой специальных фондов, созданных в США, Израиле, ряде других стран. Спекуляции вокруг права выезда евреев на «историческую родину» были поддержаны Конгрессом США, который принял закон Джексона — Вэника. В соответствии с этим законом против СССР были введены разного рода экономические санкции. И хотя все представители этой национальности, желавшие выехать из СССР, давно покинули страну, а некоторые, испытав «прелести» военизированной жизни в Израиле, вернулись обратно, указанный закон до сих пор Конгрессом США не отменен.

Значение так называемого диссидентского движения в 1960—1980-е гг. в жизни СССР в настоящее время намеренно преувеличивается правящими кругами и идеологами либерализма. Однако оно сыграло известную роль в антисоветской пропаганде на Западе и внутри СССР благодаря использованию американских и прочих СМИ (радиостанция «Свобода» и др.). Клеветнически изображая жизнь в СССР, оно, как фактор расшатывания массового сознания в антисоветском духе, способствовало подготовке горбачевской «перестройки».

Идеологи либерализма широко используют тему о роли интеллигенции в истории России, в том числе в советский период. Лейтмотивом их рассуждений было и остается *противопоставление* интеллигенции советской власти, политике партии коммунистов. В этом отношении характерна статья А. Галкина в журнале «Власть». Верно отмечая дифференциацию интеллигенции и раз-

норечивость интересов различных ее слоев, автор утверждает, что на протяжении *всего* советского периода истории страны «антиинтеллигентская направленность общего курса сохранялась. Интеллигенцию, воспринимаемую как фактор потенциальной нестабильности, старались держать под неусыпным контролем»¹. Автор отождествляет **всю** советскую интеллигенцию с той верхушечной частью столичной гуманитарной интеллигенции, к которой он лично принадлежал и принадлежит сейчас и которая благополучно «совмещала» обслуживание идеологических отделов ЦК КПСС с фрондированием «втихую» и вышла на поверхность в период «перестройки». Нынешние заверения этого автора напроочь противоречат тому, что он писал в 1960–1980-е гг., и, тем более, противоречат истине. О каком «антиинтеллектуализме» политики КПСС и советского государства можно всерьез писать, когда *на деле* эта политика была направлена на повышение интеллектуального уровня народа и на этом пути были достигнуты грандиозные успехи поистине мирового масштаба? Этот автор, принадлежащий к свите Горбачева, сознательно проецирует на почти треть населения страны настроения небольшого слоя двуличной столичной интеллигенции, обслуживавшей за немалое вознаграждение партийное руководство и одновременно пристрастившейся к «кухонной» критике советской власти.

Второй по порядку, но не по значению, социальный слой, сформировавшийся в недрах директивной плановой системы хозяйства, интересы которого с самого начала находились в противоречии с интересами государства, — это слой «теневых» предпринимателей, дельцов «черного» рынка. Их деятельность преследовалась по закону органами правопорядка, но вместе с тем они не могли бы существовать без покровительства, патронажа, отнюдь не бескорыстного, который ему оказывала часть руководящих работников самого разного калибра — от председателей колхозов и начальников райотделов милиции до таких крупных фигур, как некоторые заместители министров Союза или первые секретари республиканских, краевых (областных) комитетов партии, вроде Медунова в Краснодарском крае.

Объективной основой для возникновения и развития этого социального слоя, заявившего о себе в полный голос в конце 1980-х гг.,

¹ Галкин А. *Крестный путь российской интеллигенции* // *Власть*. 1998. № 4. С. 58.

когда открылись шлюзы для частного предпринимательства, были крупные недостатки плановой системы руководства народным хозяйством, как она сложилась исторически в СССР в условиях непрекращавшейся военно-мобилизационной готовности. Уровень производительных сил советского общества был еще таков, что оно нуждалось в сочетании планового хозяйства на базе государственной собственности в крупной и средней индустрии, в зерновом хозяйстве и промышленном животноводстве, железнодорожном и воздушном транспорте и т.д. с кооперативным мелким и средним, а также частным хозяйством в большинстве отраслей сельского хозяйства, мелкими предприятиями в промышленности, частным производством в ремесле и кустарном промысле, торговле, сфере услуг. Смешанная экономика при удержании в руках государства собственности на основные средства производства и осуществлении управления всем хозяйством с помощью таких рычагов, как органы стратегического планирования, финансово-кредитная система, поддержка новых в технологическом плане отраслей, организация фундаментальных научных исследований, развитие оборонного комплекса, необходимого для удержания позиций великой державы, каковой являлся Советский Союз, — такой должна была *объективно* быть экономика нашей страны не только в 1920-е гг., но и в послевоенный период, если бы не *воздействие внешнеполитических факторов*, настоятельно требовавших создания и последующего совершенствования ракетно-ядерного щита для ограждения от угрозы уничтожения и обеспечения военного паритета с США, и эгоистических интересов «*imperialist*».

Наконец, источником напряженности выступал и *субъективный* фактор. Существование внешней угрозы — такова основная причина сохранения исключительно важной роли этого фактора в жизни советского общества после выигранной страшным напряжением всех сил народа Великой Отечественной войны. Не касаясь здесь всех аспектов этого вопроса, отметим, что в последние четверть века перед «перестройкой» по крайней мере дважды этот фактор проявился в полной мере как тормоз объективного процесса совершенствования производственных отношений, а тем самым изменения социально-классовой структуры в направлении, которое соответствовало бы потребностям развития производительных сил общества.

Первый раз в середине 1960-х гг., когда назревшая хозяйственная реформа была принята в крайне урезанном виде. Несмотря на это «косыгинские» реформы, принятые после смещения Хрущева с высшего поста в КПСС и государстве, обеспечили во второй половине 1960-х гг. наиболее успешный рост производства за весь послевоенный период. И второй раз — в конце 1970-х гг., когда перемены еще больше назрели, но необходимые решения не были приняты. К этому времени явно наметилось наше отставание в освоении научно-технических достижений, прежде всего в электронике и информатике (кроме некоторых областей военной техники). Преподнесенная с изрядным пропагандистским шумом хозяйственная реформа 1979 г. на деле была пустышкой, поскольку пыталась изменить частности, ничего не меняя по сути. Да и попытки воплощения в жизнь ее наметок были блокированы начавшейся тогда же военной авантюрой в Афганистане. В этом году фактически была поставлена точка на попытках целенаправленного изменения хозяйственной и политической систем вследствие полной атрофии тогдашнего высшего партийно-государственного руководства и невозможности его своевременной замены при отсутствии демократии в партии и государстве.

Но, как известно из истории многих стран, включая Россию, историческая необходимость, изгоняемая через дверь, неминуемо проникает через окно. В условиях последних 25 лет существования Союза до «перестройки», когда необходимость реформирования хозяйства была официально признана (но не подкреплена адекватными действиями), это «просачивание» конкретно проявилось в постепенном росте таких элементов социальной структуры, в частности социальных групп, которые свойственны буржуазному обществу вообще и поэтому его остаткам в переходный период от капитализма к социализму. Но история никогда не повторяется буквально. В годы нэпа в Советской России вслед за быстрым ростом этих социальных групп в самом начале 1920-х гг. вскоре последовали ограничения их деятельности, а затем вытеснение нэпманов и ликвидация кулачества при одновременном преобразовании на основе кооперации мелкобуржуазных классов в городе и деревне — мелкого крестьянства, кустарей, ремесленников. В противоположность этому с 1960-х гг. и те, и другие постепенно росли, хотя политика в их отношении колебалась — от объ-

являемых во всеуслышание грозных мер пресечения и административного «зажима» до их отмены и принятия мер противоположного характера, способствующих росту числа личных приусадебных хозяйств в деревне, личных хозяйств горожан, развитию товарно-денежных отношений между государственными предприятиями, внедрению хозрасчета между цехами и т.д. Что касается буржуазных элементов, возникавших на основе мелкого товарного производства «в тени» крупного социалистического производства, то официальная политика всегда ориентировала на борьбу с ними, хотя на деле часть партийной и хозяйственной номенклатуры и работников правоохранительных органов из корыстных соображений поддерживала эти элементы и нередко срасталась с ними.

Отметим два основных пути роста буржуазных отношений в условиях «зрелого» социализма, поскольку впоследствии, в период «перестройки», именно они расцвели пышным цветом на ином уровне — как классы и слои необуржуазного общества.

Первый путь определялся наличием мелкого, частично товарного производства, основанного на личном труде и труде семьи. Если личное хозяйство в незначительной степени ориентировано на собственное потребление, оно превращается из частично товарного в частное мелкое товарное хозяйство, рассчитанное на производство и сбыт товаров или оказание услуг на рынке. Наиболее массовым мелкое производство оставалось в сельском хозяйстве. Личное подсобное хозяйство вело на приусадебных участках практически все сельское население, жители пригородов и малых городов, имеющие свой частный дом и при нем участок земли, а также очень многие городские рабочие, служащие, специалисты, проживающие в обычных многоэтажных домах, общежитиях и т.д., на специально отведенных через трудовые коллективы землях для коллективных садов и огородов. Обеспеченная часть населения имела дачи, при них участки могли быть и более шести соток; многие владельцы «дач» развешивали «многоотраслевое» хозяйство: разводили сады, содержали кур, кроликов, коз, в теплицах выращивали ранние овощи и т.д. В деревне и пригородах на приусадебных землях выращивались также корма для скота, но основная часть кормов для коров и свиней закупалась в госторговле, в том числе в виде печеного хлеба. Государство искусственно поддерживало цену на хлеб ниже его реальной стоимости, что обеспечивало прибыль при реализации молока и мяса по рыночным це-

нам. Попытка Хрущева ограничить ЛПХ была вызвана именно ростом потребления печеного хлеба сверх сложившихся в стране нормативов, что вынудило тогда начать импорт пшеницы твердых сортов.

В деревне владельцы ЛПХ получали часть кормов для личного скота из общественного хозяйства в форме натуроплаты за труд; корма также продавались по себестоимости колхозами, совхозами, подсобными хозяйствами предприятий своим работникам. Обработка земли на личных участках в деревне обычно выполнялась колхозными (совхозными) тракторами, лошадьми, техникой как легально, так и нелегально — «за бутылку», которую «выставляли» трактористам, шоферам, возчикам, грузчикам в качестве оплаты. Мы остановились столь подробно на этих частностях, которые были хорошо известны всему населению страны, потому что в научной литературе, в том числе социологической, совокупность этих явлений получала совершенно различную социально-экономическую оценку.

Многие экономисты и социологи трактовали ЛПХ как «подсобный цех» общественного хозяйства, которое тем самым расценивалось как социалистическое. В этом была некоторая доля истины, в частности потому, что вследствие необустроенности животноводческих ферм и тяжести посменного труда по уходу за животными практиковалась передача колхозных коров или свиней на подворья при обеспечении их кормами. Без помощи колхозов и совхозов, а также промышленных предприятий и государственных учреждений, оказывавших содействие своим работникам в обустройстве и содержании коллективных садов и огородов, приобретении кормов и удобрений, продажи их государством по доступным ценам, наконец, без ставшего привычным хищения части урожая с колхозно-совхозных полей и кормов с животноводческих ферм, т.е. без использования общественных средств производства, в том числе нелегального, ЛПХ не могло бы сыграть столь существенную роль в снабжении населения. А оно выполняло эту роль, и не только как *личное*, но и частично как *мелкое товарное* производство, поскольку значительная часть произведенного продукта реализовалась на рынке, причем не только «по случаю», но как заранее предназначенная на продажу с учетом конъюнктуры, сложившейся на рынке в данной местности (табл. 8).

Т а б л и ц а 8. Производство отдельных видов сельскохозяйственной продукции в личных хозяйствах населения в 1960 и 1985 гг. (числитель — 1960 г., знаменатель — 1985 г.)¹

Продукция	Валовое производство, млн т	Товарное производство, млн т	Удельный вес в валовом производстве АПК, %	Удельный вес в товарном производстве АПК, %	Товарность ЛПХ, %
Картофель	53,2/43,8	7,0/8,8	63/60	51/41	13/20
Овощи	5,6/8,2	1,1/3,1	34/29	14/14	20/38
Мясо	3,6/4,8	1,2/1,8	41/28	20/13	34/38
Молоко	29,0/26,6	1,2/1,8	47/27	10/2	10/5

Приведенные в табл. 8 данные взяты из официальных источников; товарность ЛПХ подсчитана нами на их основе. На самом деле производство и тем более удельный вес проданных продуктов были выше, поскольку не полностью учитывалась продажа картофеля, молока, свежих овощей в летнее время дачникам на основе устных договоренностей о «поставках» на сезон отдыха. Наибольший интерес представляет динамика производства и товарности мелкого производства за четверть века. Производство возросло по всем отмеченным показателям, кроме картофеля, что объясняется отчасти неурожаем этой культуры в 1985 г. (в 1985 г. валовой сбор по всему агропромышленному комплексу (АПК) составил 73 млн т против 85,5 млн т в 1984 г., т.е. на 17% ниже); отчасти тем, что население вследствие роста благосостояния сократило посадки картофеля, переключившись на овощи и фрукты. За эти четверть века при сокращении плодово-ягодных насаждений в общественном хозяйстве занятая под ними площадь в личных хозяйствах непрерывно росла и в 1985 г. из 16,3 млн т сбора плодов, ягод и винограда на эти хозяйства пришлось более 40%, а без учета винограда — более 55%. Сведений о продажах по этим культурам ЦСУ не приводило, но можно предположить, что доля товарной продукции по фруктам и ягодам выше, чем по овощам. Спад продаж по молоку объясняется ростом общественного производства и ценами на молочные продукты в госторговле, доступными для всего населения. В наибольшей мере сокращение роли личных хозяйств коснулось производства яиц, так как эта отрасль получила большое развитие

¹ Народное хозяйство СССР в 1985 году. С. 180—190 (подсчеты автора).

благодаря строительству птицефабрик, обеспечивших население дешевой и качественной продукцией.

Выше были приведены данные по Союзу в целом; по Российской Федерации они по тенденции мало чем отличались от общесоюзных. Основное различие наблюдалось по зонам. Если в глубинке личные хозяйства сдавали свои излишки потребкооперации или ближайшим перерабатывающим предприятиям по более низким ценам, то в пригородных зонах крупных городов и в курортных местностях продавать продукты на рынке было весьма выгодно. Поэтому доля «частного» в личном хозяйстве колебалась от нуля до практически 100%, как, например, при специализации частника на производстве цитрусовых, цветов, семян, саженцев и т.д. Наконец, в известной части этих хозяйств использовалась наемная рабочая сила. Речь идет не о пастухах, которые по трудовому соглашению пасли коров всей деревни, и не о помощи при вспашке огородов, а о постоянных наемных работниках. Как правило, это были приезжие, нанимавшиеся на период уборки, на лето, а кое-где на круглый год, например для выпаса личного стада в животноводческих степных районах, где личное стадо заменяло приусадебный участок земли.

Мы рассмотрели столь подробно личное сельское хозяйство, поскольку оно было (и остается поныне) наиболее массовым видом мелкого производства, которое было частным в той степени, в какой оно было сориентировано на постоянную реализацию части продукции на рынке. В 1960—1985 гг., как показано выше, происходило возрастание удельного веса товарно-денежных отношений в личном подсобном сельском хозяйстве, а тем самым мелкобуржуазных слоев в составе населения. Наблюдались и другие явления того же рода. На селе строительство в значительной мере осуществлялось бригадами рабочих, которые нанимались на строительный сезон. Например, для чеченцев отходнический промысел в российской деревне был одним из основных источников доходов. Студенческие строительные отряды, находившиеся под контролем комсомольских органов, выполняли те же функции. Именно на этой почве, а также в ЖСК были возвращены кадры будущих предпринимателей из числа комсомольских лидеров, которые в годы «перестройки» стали одними из первых организаторов фиктивных кооперативов, а потом и банков. По существу основная масса

участников строительных бригад была вольнонаемной рабочей силой, а их руководители вместе с председателями колхозов и директорами совхозов выступали «по совместительству» частными предпринимателями, поскольку сделки оформлялись в договорах с большой долей «липы». Возможности для комбинаций были очень велики, и «навар» делили по соглашению руководители хозяйств и строительных бригад.

В городах мелкое частное хозяйство пронизывало повседневную жизнь в трех основных формах. В о - п е р в ы х, на «колхозном» рынке заключались сделки между продавцами и покупателями. Основной фигурой этого рынка были мелкие торговцы, которые скупали товар в сельской местности или в госторговле (последнее стало играть значительную роль при дефиците продуктов и товаров ширпотреба) и продавали их с наценкой, которая колебалась в зависимости от конъюнктуры. В больших российских городах уже в те годы заметное место принадлежало *профессиональным торговцам*, многие из которых были выходцами из кавказских и среднеазиатских республик. В условиях дефицита в роли частных торговцев выступали также по сути многие продавцы, товароведы, заведующие секциями, директора государственных торговых предприятий, получавшие непосредственно надбавку к цене, т.е. по сути взятку, за возможность приобретения по твердой цене у государства тех или иных товаров. Эта «надбавка» частично шла вышестоящим начальникам в торговле, работникам милиции и т.д, которые получали свою часть торговой прибыли. Но для значительной части рабочих, служащих, специалистов, занятых в торговле и сфере обслуживания, она была *основным* источником дохода, следовательно, они превращались в слой торговой мелкой буржуазии, притом паразитического типа.

В о - в т о р ы х, в городах, особенно вузовских центрах и местах расположения военных гарнизонов, значительная часть постоянных жителей сдавала в наем жилье студентам и офицерам, другим приезжающим. Доход владельцев частных домов частично шел на возмещение затрат по содержанию дома, его амортизацию, оплату налога на строения и т.д., но это была, как правило, небольшая часть получаемых таким способом средств. Что же касается сдаваемого в наем «казенного» жилья, бесплатно полученного от государства через местные органы власти или через трудовые коллективы предприятий, которые это жилье строили и содержали, то

доход от его сдачи в наем (частично или полностью — при выезде хозяев в командировку на длительный срок) по ценам, несравненно более высоким, чем установленная государством низкая плата за жилье и коммунальные услуги, в основной своей части был *рентой*, получаемой за счет как временных нанимателей, так и государства.

В - т р е т ь и х, мелкое производство существует не только при производстве товаров, но и при оказании услуг. При сдаче жилья в наем частично оплачивались услуги хозяев по содержанию квартиры, уборке помещения и т.д. Так называемая индивидуальная трудовая деятельность в городах (и на селе) требовала разрешения, приобретения патента, уплаты налога и т.п. Она не имела широкого распространения при производстве ремесленниками товаров на продажу. Но в сфере услуг как в легальной, так и подпольной форме она приняла в больших городах массовый характер. Одной из наиболее популярных форм оказания частных услуг было использование личных автомобилей в качестве частных такси, что создавало серьезную конкуренцию таксопаркам. Особой формой частного извоза было использование личными шоферами крупного начальства казенных машин и бензина.

Индивидуальной трудовой деятельностью, особенно в полулегальной и нелегальной формах, занималась большая часть представителей интеллигентских профессий. Часть доходов частнопрактикующих адвокатов, врачей, педагогов-репетиторов, а также выступающих по разовым контрактам на эстраде артистов контролировалась финансовыми органами. Но, подобно подавляющему большинству бытовых услуг материального характера, оказываемых в частном порядке (пошив одежды, ремонт обуви, мебели, часов, поездки на автотранспорте), услуги, предоставляемые подобным образом лицами интеллигентских профессий, осуществлялась вне всякого контроля, по законам свободного рынка, но без принятого в странах рыночной экономики декларирования доходов и уплаты соответствующего налога. Так, все доски объявлений и даже телеграфные столбы в Москве бывали весной обклеены предложениями о репетиторских услугах для «натаскивания» поступающих в вузы, подчас с припиской о гарантии поступления или указанием на связь педагога с предлагаемым факультетом. Наконец, вовсе нелегальными в те времена были услуги интимного характера, граничившие с криминалом или непосредственно

подпадавшие под соответствующую статью Уголовного кодекса. Свой услуги (без принятых ныне объявлений в печати) предлагали не только проститутки, но также гадалки и целители, гарантировавшие исцеление от любых болезней, включая неизлечимые, «снятие порчи» или «сглаза», предсказатели судьбы. Все это имело распространение, хотя и в масштабах, далеких от нынешних. При чем слой мелких частных производителей товаров и услуг, легальных и подпольных, постепенно возрастал по численности вместе с ростом благосостояния населения. Одной из главных причин этого роста, без сомнения, было отставание государственных предприятий сферы услуг от потребностей населения, сочетаемое с традиционно низким качеством обслуживания и завышенными ценами.

Во всех этих и многих других областях мелкое производство и оказание услуг в частной и кооперативной формах вполне конкурентоспособны, быстро приспосабливаются к меняющимся потребностям населения. Это подтверждается опытом развитых стран, где при господстве крупных предприятий в материальном производстве сфера услуг выступает преимущественно как поле малого предпринимательства. Вследствие недостатка сведений мы затрудняемся дать количественную оценку развитию всех форм мелкого производства, частного по своей социальной сущности, за 25 лет (1960—1985). Но для нас нет сомнений в том, что тенденция роста мелкобуржуазных слоев, получавших свой доход полностью или частично за счет продажи товаров и оказания услуг на рынке, была характерна для всего рассматриваемого периода. Как всякое мелкое производство, оно неизбежно порождало буржуазные элементы, получавшие доход (или его основную часть) за счет труда наемных работников или за счет государства, т.е. основной массы людей наемного труда. Мы полагаем, что глубинной причиной роста мелкобуржуазных элементов было несоответствие между реальными потребностями общества и сложившейся системой хозяйствования, при которой государство выступало монопольным собственником средств производства и распоряжалось этой собственностью через бюрократическую систему управления с высокой степенью централизации.

В известной критике советской системы управления как административно-командной системы (в терминологии Г.Х. Попова) надо различать две стороны. В о - п е р в ы х, сторонники реставра-

ции капитализма в России, начиная с автора этого термина, были правы в том, что практика вошла в противоречие с интересами развития производства вследствие пренебрежения рыночными отношениями, законом стоимости. Но они приходили к выводу о необходимости стихийного регулирования «невидимой рукой рынка» хозяйственных отношений, чего нет ни в одной капиталистической стране в конце XX — начале XXI в. Во - в т о р ы х, противопоставляя экономические законы, свойственные социализму вообще, его ранним формам в особенности, закону стоимости во всех его проявлениях, они делали вывод, что социализм якобы совершенно несовместим с этим законом. Приводимые Поповым ссылки на высказывания Энгельса вековой давности не могут, конечно, служить доказательством. В законе трудовой стоимости содержится прежде всего идея определения цены товара по его стоимости, которая измеряется затратами общественно необходимого труда. Эта идея полностью соответствует принципам социализма как общества трудящихся, где обмен должен совершаться эквивалентными количествами труда, которые могут измеряться, однако, не только через рынок, т.е. в зависимости от сегодняшнего спроса и предложения, но и государственными планово-учетными органами управления. Нарушения сущностных черт закона стоимости были свойственны административно-командной системе управления хозяйством, они как раз и были теми «щелями» и «расщелинами», которые заполнялись мелким производством в его легальных и нелегальных формах. Это способствовало коррумпированию и перерождению общественного хозяйства, в котором значительную и возрастающую роль играл «теневой» сектор, неразрывно связанный с *криминальными* элементами как в нем самом, так и в государственном аппарате, включая его высшие, «номенклатурные» эшелоны.

Так мы по существу уже перешли ко второму основному пути, по которому в общество раннего социализма проникали буржуазные отношения. В отличие от первого это был путь «сверху», а не «снизу». Господствующая социальная группа — номенклатурная партийно-государственная и колхозная бюрократия — сама постепенно перерождалась и способствовала созреванию капиталистических элементов, поскольку принимала участие в разделе получаемой последними незаконных доходов.

Глубинная причина перерождения номенклатуры состояла в том, что система привилегий, определяемых решениями вышестоящих органов и постепенно возраставших, имела существенный изъян — они накрепко были связаны с должностью и строго нормировались в зависимости от положения, занимаемого в партийной и государственной иерархии. Так, не только заработная плата, но и порядок пользования служебной дачей и служебной автомашиной, путевками в санатории и дома отдыха существенно изменялись при повышении инструктора партийного комитета до должности заведующего сектором, а последнего до заместителя и заведующего отделом, секретаря, первого секретаря райкома (обкома, ЦК) партии.

Каждый партийный комитет имел свою номенклатуру утверждаемых должностей. В ЦК КПСС утверждалась наиболее высокая по должностям часть номенклатуры, вплоть до генерального секретаря, который подчинялся решениям партийного органа, его утвердившего, но по сути дела руководствовался в основном собственными представлениями о необходимости предпринять такие-то шаги в сфере управления страной (республикой, краем, областью, районом) и собственными желаниями, с одной стороны, и представлениями о недопустимости отрыва от ближайших и более далеко отстоящих по дистанции руководящих деятелей — с другой. Если Сталин был неприхотлив в быту, то у Хрущева аппетиты по части «резиденций» и способов времяпрепровождения на отдыхе были, как у богатого помещика или крупнейшего купца. Брежнев коллекционировал роскошные автомобили, оружие и многое другое, обожал ордена всех стран, а также подарки, которые ему преподносили в растущем количестве. Андропов за недолгое время своего правления пытался умерить аппетиты номенклатуры, но при Горбачеве (и его властной супруге) желание жить на широкую ногу, не хуже, чем президент любой западной страны, но за казенный счет, перешло все допустимые границы. При наличии десятков госдач во всех лучших местах страны он затеял строительство дворца в Форосе (Крым), который обошелся государству более чем в 50 млн долл.

В каждом министерстве и ведомстве была своя пирамида власти и своя система дозированного поощрения номенклатурных работников, и чем мощнее и значительнее по роли в государстве было ведомство, тем больше благ полагалось на каждой ступени

иерархической лестницы. Эта система привилегий не афишировалась, более того, многое в ней тщательно скрывалось. Под напором общественного мнения, которое складывалось под влиянием слухов, а также деятельности западных радиостанций, номенклатуре подчас приходилось предпринимать меры по сокращению или ликвидации некоторых одиозных привилегий, например была упразднена выдача «конвертов», в которых партийным и государственным деятелям одно время тайно выдавалась «премия», равная или превышающая официально получаемую по ведомости зарплату. Следует признать, что основная масса населения относилась к этим фактам достаточно спокойно и терпимо — пока правящие круги успешно проводили в жизнь политику, которая обеспечивала постепенное повышение жизненного уровня населения, укрепление внешнеполитических позиций страны и защиту страны от угрозы ядерной войны. Отношение к этим привилегиям изменилось, когда все противоречия обострились до крайности, что произошло уже при правлении Горбачева в период «перестройки» и будет рассмотрено далее.

Но система привилегий — постоянный источник слухов, объект критических выпадов — постепенно переставала удовлетворять даже верхнюю часть номенклатуры. Чем далее шло ее ознакомление с образом жизни верхов общества на Западе, тем выше подымалась планка требований по части жизненных благ. Весьма скромное вознаграждение советских дипломатов по сравнению с вознаграждением послов, чиновников посольств и консульств других стран (даже союзников по Варшавскому Договору и СЭВ) вызывало их раздражение, особенно при назначении на посты в ООН, ЮНЕСКО и т.д., так как 2/3 «международной» заработной платы полагалось сдавать государству. Таким же было восприятие различий в жизнеобеспечении высших чиновников и в ряде других ведомств.

Однако главной заботой чиновников была полная зависимость материального положения от должности. Существовала возможность «погореть» за дело или по прихоти начальства и лишиться всего, тем более, что передать по наследству можно было квартиру, да и то не всегда, и накопленное имущество, поэтому сыновей и дочерей определяли по протекции в престижные вузы и «помогали» их продвижению по служебной лестнице. Но в своей полноте привилегии не передавались по наследству — в отличие от

буржуазных стран, где капитал и все с ним связанные удобства жизни наследуются по закону. Забота об «устройстве» детей и внуков играла важную дополнительную роль в чувстве зависти, которое испытывала советская номенклатура к господствующим классам на Западе.

Пока мы говорили о психологическом настрое в пользу «обмена власти на капитал», как ныне пишут либеральные критики советского периода. Нам это выражение представляется неточным. Речь идет о желании *оставить за собой власть и, пользуясь ею, превратить государственную собственность в частную*. Это превращение в массовом масштабе происходит в настоящее время. В «доперестроечный» период данное желание могло осуществляться в сравнительно скромных масштабах. Но тем сильнее ощущалось различие между жизнью «при должности» и жизнью после снятия с поста или ухода в отставку; между своим положением и перспективами потомства, если оно не успело сделать номенклатурную карьеру; между своей жизнью и стандартами жизни высших чиновников, крупных менеджеров и тем более владельцев крупных состояний на Западе.

Здесь мы подошли ко второму каналу зарождения буржуазии «под крылом» бюрократии. Для обеспечения дополнительных доходов некоторой частью высших и средних управленцев использовались такие методы их получения на основе использования государственной (и колхозной) собственности, которые требовали соучастия дельцов разного калибра, т.е. были незаконными. Так, на отдельных предприятиях имелись особые цеха, продукция которых реализовывалась «налево», например в государственную торговлю. Эти «цеховики» были связаны с директорами магазинов, которые делили выручку с поставщиками продукции; директор предприятия и его подручные, естественно, получали долю соразмерно служебному положению. Примерно то же происходило и с реализацией части продукции колхозов и совхозов — «хороший хозяин» всегда должен был иметь запас для приема и снабжения райкомовского и более высокого начальства, для сделок с другими руководителями, от которых зависели показатели плановых поставок, получение техники, горючего, кредитов и т.д.

Разворовывание общественного имущества и природных богатств — леса, рыбных запасов и т.д. — происходило в более широких масштабах с санкции весьма высокопоставленных руководи-

телей. Прогревшиеся в 1970–1980 гг. «рыбное», «хлопковое» и другие «дела» выявили хорошо организованные в ряде министерств и республик преступные группы, которые возглавлялись министрами, секретарями ЦК республиканских компартий, крайкомов и обкомов, сотрудничавшими с ними дельцами крупного калибра и криминальными элементами. «Теневая экономика» на протяжении 1970-х — первой половины 1980-х гг. разрасталась, захватив сначала сельское и лесное хозяйство, пищевую и легкую промышленность, торговлю и сферу услуг, а затем все новые и новые области хозяйства, втягивая в свой оборот различные слои населения, в том числе и руководящий состав государственных и партийных органов, т.е. номенклатуру, без согласия и участия которой нарушения законодательства не могли происходить в массовом масштабе. Органы правопорядка были также втянуты в «теневую» деятельность, в массовые хищения и поэтому покрывали криминальные элементы в органах хозяйственного и государственного управления либо сами были составной частью этих органов. Таким образом, *обуржуазивание номенклатуры* шло параллельно с *появлением зачатков новой буржуазии*, причем оба процесса дополняли друг друга и способствовали криминализации общества в целом. Именно теперь, в постсоветской России, эти процессы получили полное развитие и яснее становится роль тех явлений, которые в советские времена уже начали разворачиваться, но могли восприниматься общественным мнением как отдельные, выпадающие из внимания прессы и руководящих органов отступления от норм жизни общества. Так постепенно формировались социальные силы, крайне заинтересованные в коренном повороте в социально-экономическом развитии страны.

Особая роль в формировании этих сил принадлежит противоречиям *внутри* партийно-советской бюрократии. Данные противоречия можно подразделить на два принципиально различных типа. Один из них во времена «перестройки» был назван противоречием между «новаторами» и «ортодоксами» в партийном и государственном аппарате. Оба наименования представляются нам условными. Они были введены Горбачевым и его идеологическим штабом для удобства борьбы со своими противниками. На деле «новаторы» были разными — от скрытых поначалу и постепенно раскрывавших свои намерения сторонников перевода страны на рельсы капиталистического развития по примеру Запада, кото-

рый их вдохновлял и непосредственно поддерживал, до честных сторонников демократизации партийной жизни и обновления методов руководства страной. А среди «ортодоксов» находились как сторонники сохранения брежневских порядков, которые их устраивали, так и те, кто искренне хотел возврата к ленинским нормам внутрипартийной жизни, признания факта незавершенности социалистических преобразований и творческого развития марксистской теории в новых условиях. Впоследствии среди тех и других произошло неизбежное размежевание. На деле противоречие развернулось между той частью партийного руководства и партийного актива, которая стремилась честно служить народу, совершенствовать жизнь страны во всех областях на социалистических началах, и той частью, которая уже вступила или жаждала вступить на путь получения «теневых» доходов, была одержима стремлением к приобретательству и видела свой идеал в образе жизни обеспеченных слоев буржуазного общества.

Совершенно иным по своему характеру был другой тип противоречий — национальные, которые складывались постепенно в советских условиях в качестве своеобразного продолжения противоречий дореволюционного периода. Они чрезвычайно обострились в России после Февральской революции 1917 г. и во время Гражданской войны, когда российское государство фактически распалось с «помощью» интервентов и было заново «собрано» в результате победы большевиков и руководимой ими Красной Армии, хотя и с некоторыми территориальными потерями, особенно на западе страны. Провозглашенная на X и XII съездах партии в начале 1920-х гг. национальная политика имела своей целью создать и укрепить Советский Союз, возникший в качестве новой формы объединения народов на территории бывшей Российской империи. Государство, в котором проживали десятки народов, находившихся на самых различных ступенях исторического развития, пришлось *воссоздавать, заново организуя систему управления*, в том числе отношения между властными структурами в центре и на местах.

Царское правительство, умело вводя в круг правящих классов представителей местной знати и капитала, вместе с тем последовательно проводило политику русификации и жесткими мерами подавляло сепаратистские стремления к отделению любых территорий. Советская власть, выражая интересы трудящихся классов и интернационалистские традиции российского рабочего движе-

ния, пошла иным путем. Декларированная X и XII съездами РКП цель *сближения народов по уровню хозяйственного и культурного развития* могла быть — при отсутствии помощи извне — выполнена только за счет перекачки людских и материальных ресурсов из наиболее развитых частей страны, в первую очередь из центральных районов России.

Эта политика последовательно проводилась на протяжении десятилетий и дала определенные результаты. Уровень жизни в центральных районах России, а также в Поволжье, на Урале, в Сибири к середине 1980-х гг. оказался ниже, чем в союзных республиках Кавказа или в Прибалтике (не учитывая Москву и Ленинград, поставленные в совершенно особые условия). Так, в конце 1950-х и в 1960-е гг. средства на развитие сельского хозяйства направлялись в основном на освоение целинных земель преимущественно в засушливых степях Казахстана, хотя эти средства, будучи вложены в обжитые районы Центральной России, могли дать несравненно большую отдачу, предупредить массовый отток населения из деревни и не допустить превращения миллионов гектаров пашни в болота и заросли кустарников. Решение Хрущева об освоении целинных земель встретило упорное сопротивление части членов Политбюро, но возражения не были приняты им во внимание. Весьма красноречивое признание было сделано президентом Киргизии А. Акаевым. По его словам, ежегодная помощь Киргизской ССР со стороны центра (а это значит, в основном за счет Российской Федерации) составляла 10% производимого республикой ВВП, а в последние годы существования СССР доходила — по милости Горбачева — до 30% ВВП¹.

Капиталовложения в народное хозяйство и на жилищное строительство распределялись центром независимо от вклада той или иной союзной и автономной республики в формирование национального дохода страны в целом. Федеративный принцип построения государства при курсе на усиление самостоятельности республик в принятии решений привел к тому, что республиканские элиты, будучи по своей социальной природе теми же, что и в центре, стремились к сохранению неэквивалентного обмена товарами, преимуществ в распределении капиталовложений, права на бесплатную подготовку своих национальных кадров в основных культурных центрах России (и Украины), рассчитывали на по-

¹ См.: Независимая газета. 1998. 21 апр.

мощь специалистов самого разного профиля для налаживания новых производств, открытия научных институтов и вузов и т.д. Все это способствовало возникновению противоречий между центром и окраинами, как говорилось в те времена, а на деле — между интересами народов, что находило выражение в различии целей, которые преследовали разные отряды правящей бюрократии. Особо следует подчеркнуть, что интересы народов и интересы правящих элит совпадали далеко не полностью. Последние преследовали цели умножения своих возможностей и укрепления своей независимости от центральной власти, прикрываясь при этом «национальными» лозунгами для завоевания поддержки у своего населения. Этому содействовала кадровая политика КПСС при комплектовании руководящих партийных и советских, а отчасти и хозяйственных органов, направленная на создание преимуществ для представителей так называемых титульных наций союзных и автономных республик.

Ускоренное комплектование кадров интеллигенции на таких же «льготных» условиях способствовало тому, что националистические настроения и сепаратистские устремления бюрократическо-номенклатурной верхушки находили поддержку у части национальной интеллигенции, особенно гуманитарной, благополучие которой было во многом связано с расширением сферы распространения национальной культуры, вложениями в местные издательства, средства массовой информации, научные учреждения, театры, музеи и т.д. — нередко в ущерб распространению русской культуры. Но значительную и растущую часть населения составляли представители других народностей, прежде всего привлекаемых на строительство и в промышленность русских, поэтому перекосы в составе руководства союзных, а также автономных республик в РСФСР в пользу титульных наций (а они, как правило, в автономиях были меньшинством населения республики) создавали дополнительно социальную напряженность, которая использовалась «этнобюрократией» для выдвижения сепаратистских целей.

Наконец, о последнем по порядку, но не по значению, направлении роста социальной напряженности. Оно явилось продолжением противоречий периода нэпа и коллективизации, когда необходимые для индустриализации и создания оборонной мощи страны продовольственные, финансовые, человеческие ресурсы

черпались из деревни. Несколько оправившись после коллективизации, деревня, ставшая колхозной деревней, в ходе Великой Отечественной войны понесла невосполнимые потери в мужском населении. Они были колоссальны по всей стране, но деревня была обескровлена более всего, поскольку бронирование распространялось прежде всего на персонал военных заводов, работников транспорта, часть административного аппарата, а пополнение пехоты шло в основном из деревни, и именно в пехоте потери были наибольшими. Послевоенное восстановление народного хозяйства медленнее всего шло в деревне. В результате уровень материального обеспечения колхозников и рабочих совхозов в послевоенные годы был существенно ниже, чем у рабочих и служащих той же квалификации, занятых в промышленности, строительстве, на транспорте. Исключение составляли немногие богатые колхозы, крупные современные животноводческие комплексы и птицефабрики, обеспечивавшие высокую производительность труда и соответствующую его оплату. Представление о различиях в уровне жизни промышленного рабочего и колхозника (и рабочего совхоза) могут дать следующие цифры. В 1959 г. на колхозный двор в СССР (с учетом Средней Азии) приходилось в среднем 7,4 тыс. руб. годового дохода, т.е. по 600 руб. в месяц на большую семью, и это с учетом дохода от личного подсобного хозяйства. Постепенно различие в материальном положении уменьшалось. Но и в 1980 г. средний душевой доход в семье колхозника составлял только 74% дохода в семье промышленного рабочего¹.

Одна из причин отставания деревни от города в темпах роста благосостояния трудящихся — неравномерное распределение выплат и льгот из общественных фондов потребления. Городское население получало в основном бесплатно современное жилье, особенно с началом массового строительства в 1960-е гг., в то время как колхозники строили либо ремонтировали собственное частное жилье, строительство нового могли себе позволить только богатые колхозы или подсобные хозяйства ведомств и крупных промышленных предприятий.

Материальное неравенство жителей города и деревни отягощалось применением в отношении сельского населения различных ограничительных предписаний административного характе-

¹ См.: Народное хозяйство СССР в 1959 году. С. 427; Народное хозяйство СССР в 1980 году. С. 384–385.

ра. Например, колхозная молодежь — и так было в течение десятилетий — приобретала право беспрепятственного выезда из деревни только после службы в армии, при поступлении в вузы и техникумы или по «оргнабору» на промышленные предприятия и стройки. Так в Москве появились «лимитчики», т.е. лица, принятые по утвержденным «сверху» лимитам для пополнения рабочей силой тех заводов и строек, например Метростроя, которые не могли быть обеспечены за счет вольного найма местных жителей. Положение «лимитчиков» было неправомерным, они проживали в общежитиях и были обязаны работать на данном предприятии 5–10 лет для получения прописки, жилья и права сменить место работы.

Все эти обстоятельства вызывали недовольство сельского населения. Оно нашло адекватное отражение в «деревенской» прозе и близкой ей по духу публицистике, отчасти в ряде трудов по социологии села, но не находило и не могло найти по условиям времени выражения в массовом политическом движении. В о - п е р - в ы х, потому что положение в деревне, как и во всей стране, медленно, но верно улучшалось. В о - в т о р ы х, вследствие очень больших различий между передовыми колхозами и совхозами, середняками и лежащим «на боку». В - т р е т ь и х, из-за жесткого идеологического и политического контроля, который осуществлялся партийными органами, прежде всего сельскими райкомами партии. В - ч е т в е р т ы х, потому что унаследованная от частного мелкого хозяйства и свойственная крестьянству раздробленность не была преодолена за время существования колхозов. Кроме того, колхозы были объектом административно-командных методов управления и средством сдерживания социального напряжения. Надо также учитывать различие в интересах поколений. Настроения покорности, подчинения судьбе пережившего страшные трудности старшего поколения и в то же время стремление молодежи уехать в город, чтобы «выбиться в люди», достичь высот в науке, искусстве, технике, «сделать карьеру» в административном аппарате, а все это было вполне достижимо, создавали в деревне атмосферу разрыва в психологии поколений и служили источником социальной напряженности.

Таким образом, различия и противоречия в объективном положении больших социальных групп не обязательно совпадают с противоречиями осознанными, становящимися стимулами для

политической организации и социального действия. Эта истина общего порядка объясняет подчиненную роль противоречия между основными классами советского общества при созревании той системы противоречий, которая при своем разворачивании в период «перестройки» привела к кризису советского общественного строя. Более того, несоответствие объективной и субъективной сторон социального противоречия может служить объяснением поражающей воображение пассивности и неорганизованности социальных групп и слоев людей наемного труда в нынешних условиях кризиса современного российского общества.

Все рассмотренные противоречия в период 1960—1985 гг. звучали приглушенно, находя частичное разрешение в достигаемых в центральных органах управления компромиссах при определении задач очередных пятилетних и годовых планов экономического и социального развития, а также специальных постановлений союзного правительства и ЦК КПСС. В полный голос они заявили о себе при обострении обстановки в стране, когда проявились в полной мере провалы политики «перестройки» в конце 1980-х гг.

Завершая по необходимости краткое рассмотрение социально-классовой структуры советского общества, как она сложилась перед вхождением в период испытаний, приведших к распаду Союза и последующей реставрации капиталистических отношений в Российской Федерации, мы должны подчеркнуть, что в процессе социально-экономической эволюции советского общества созрели предпосылки для коренного поворота в политике, целью которого, по господствовавшему тогда мнению, должно было стать совершенствование социализма, в том числе совершенствование социально-классовой структуры общества. О том, каков оказался на деле этот поворот и к каким результатам он привел, будет сказано далее.

РАЗДЕЛ III ТРАНСФОРМАЦИЯ
СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ
РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА
В ПЕРИОД «РЕФОРМ»
И «МОДЕРНИЗАЦИИ»

**Глава 7. Социально-классовая структура
современного российского общества**

В разд. II были рассмотрены социальные противоречия, сложившиеся в советском обществе конца 1980-х гг. Неизбежным ли было разрешение этих противоречий за счет ликвидации достижений социализма и возвращения СССР, в том числе России, к капитализму? Мы полагаем, что подобный «зигзаг истории» не был неизбежен, что существовали различные возможности преодоления возникших во второй половине 1980-х гг. трудностей и деформаций путем совершенствования хозяйственных отношений, демократизации общества, в том числе обновления руководства страны. Результаты проведенного весной 1991 г. референдума показали, что 85% населения хотят сохранения Союза. Но *внешние и внутренние силы*, желавшие разрушения СССР и возврата страны к капитализму, совместными действиями сумели одержать победу, которая очень дорого обошлась всем народам СССР и прежде всего русскому народу.

Вопрос о причинах разрушения СССР и всех последствиях этого исторического события специально обсуждался (и обсуждается) в научной литературе, и здесь мы его коснемся лишь в той мере, которая определяется темой данной книги. Для нас важно подчеркнуть, что в сплетении внутренних и внешних факторов, обусловивших распад великой державы и установление в ней социально-классовой структуры, свойственной «отсталому», полуколониальному, «периферийному» капитализму, главная роль принадлежала *внешним* факторам, а именно, поражению СССР и его союзников в хо-

лодной войне с США и их союзниками по блоку НАТО. Ведь сокрушение Советского Союза было главной целью американской внешней политики на протяжении всего послевоенного периода, начиная с заявления шефа ЦРУ А. Даллеса в 1945 г. И руководство этой страны, будь то республиканцы или демократы, последовательно шло к осуществлению этой цели. Внутренние противоречия, в частности между Президентом СССР М. Горбачевым и Президентом Российской Федерации Б. Ельциным, играли на руку американской администрации. Она поддерживала обоих: Горбачева за курс «нового мышления», который служил не более чем дымовой завесой для сдачи внешнеполитических позиций СССР, за первые шаги по внедрению буржуазных отношений (законы «О кооперации» и «О производственном предприятии» 1988 г.), а также за начавшийся при нем распад Варшавского Договора; Ельцина — за распад Советского Союза, а в дальнейшем, когда он пришел к власти, за последовательное насаждение буржуазных отношений в Российской Федерации по рецептам МВФ и по указаниям американских советников вроде Дж. Сакса, фактически формировавших грабительскую экономическую политику созданного Ельциным правительства Гайдара.

Внедрению существующей ныне социально-классовой структуры российского общества способствовали при Гайдаре ликвидация вкладов населения, обесценивание оборотных средств предприятий в Сбербанке и введение «свободных цен», что определило непрерывный рост инфляции и обнищание народа; безадресная «ваучеризация» по Чубайсу (в отличие, например, от Чехословакии, где ваучеры были именными), которая позволила ловким дельцам «теневого» сектора скупить их по дешевке у дезориентированного и обнищавшего населения. Затем эти средства были использованы собственниками миллионов обесценившихся ваучеров для приобретения крупнейших предприятий, например Уралмашзавода (К. Бендукидзе). При Черномырдине наступил период продажи оставшихся крупных предприятий на аукционах, которые были организованы таким образом, что предприятия скупались в основном директорами за малую часть их реальной стоимости. В этом отношении весьма убедительны попытки количественной оценки ущерба, нанесенного «реформами» 1990-х гг. российскому государству и тем самым российскому народу. Например, анализируя практику проведения так называемых аукци-

онов, В.В. Трушков, во-первых, полагает, что назначенные «сверху» цифры продажной цены госпредприятий были правительством значительно занижены. Во-вторых, даже эти заниженные цены оказались (не без содействия проводящих аукционы властей) на деле не действующими, фактически предприятия были проданы по дешевке. Так, средства от приватизации промышленных предприятий составляли: в 1993 г. — 35,5% первоначальной цены; в 1994 г. — 20,7%; в 1995 г. — 43,1%; в 1996 г. — 24,7%; в 1997 г. — 63,3%; в 1998 г. — 8,7%; в 1999 г. — 11,2%. Если взять среднюю величину за указанные семь лет, она составит 27,82 %. Попросту говоря, новые хозяева приобрели колоссальную общенародную собственность за четверть назначенной их же правительством цены.

Что касается размеров грабежа по всем основным каналам, таким, как ликвидация вкладов, «ваучеризация», а затем «дефолт» 1998 г. и т.д., то они требуют тщательного исследования. Однако для социолога картина совершенно ясна и без этих подсчетов: происходило последовательное поэтапное ограбление народа, в выигрыше от которого оказалась незначительная по численности группа новых собственников¹. В результате общенародная (государственная) собственность в основном стала частной собственностью новых хозяев жизни, возник класс крупных капиталистов.

Процесс распродажи государственной собственности как якобы нерентабельной активно продолжался и позднее; он не закончен до сих пор. По заявлению главы Госкомимущества, согласно утвержденному правительством плану, только в 2003 г. было продано в частные руки еще более тысячи государственных унитарных предприятий. Продолжается процесс передела и концентрации собственности в ведущих отраслях промышленности, например нефтяной, которая обеспечивает хозяевам огромные прибыли. Конечно, часть доходов через налоги поступает государству и играет главную роль при формировании доходной части бюджета страны, но бо́льшая часть выручки от экспорта нефти (и другого сырья) оседает в карманах руководства нефтяных и прочих компаний и вывозится ими за рубеж. Возник слой «долларовых» миллиардеров, список которых американский журнал «Форбс» регулярно публикует. С каждым годом в этом списке умножается число российских богатеев, возглавляемых М. Хо-

¹ Трушков В.В. Реставрация капитализма в России (начальная стадия). М., 2003. С. 161.

дорковским, состояние которого оценивалось (до возбуждения уголовного дела) в 8 млрд долл., а начинал он свой бизнес как скромный кооператор в 1988 г. В 2003 г. в список «Форбс» вошли 18 российских «долларовых» миллиардеров, среди которых (не без помощи мужа) оказалась и одна женщина — жена мэра Москвы Е. Батурина.

Так, на одном полюсе российского общества сформировалась буржуазия, крупная и менее крупная, объединяемая Союзом промышленников и предпринимателей (председатель А. Вольский, в прошлом заведомом ЦК КПСС); в нем решающим влиянием пользуется группа крупнейших собственников (Р. Абрамович, А. Мамут, О. Дерипаска, В. Потанин и др.), которых у нас принято называть олигархами (от древнегреческого *oligarchia* — власть немногих).

Но олигархи не являются единственной господствующей в российском обществе силой. К их числу следует отнести и российскую *высшую бюрократию*. Без ее помощи олигархи не смогли бы захватить заводы, шахты, нефтяные месторождения, золотые прииски и т.д., получать миллиардные сверхдоходы и ежегодно вывозить капиталы за границу, преимущественно через так называемые офшорные зоны, где налоги на капитал минимальны (Кипр, Гибралтар, Багамские острова и др.). Накопленные в загранбанках колоссальные средства частично вкладываются в развитие производства в других странах (при острой нехватке средств на развитие отечественной промышленности), а также расходуются на паразитическое потребление и покупку недвижимости, например вилл в наиболее престижных местах Средиземноморья и Англии, яхт, роскошных автомобилей, личных самолетов и т.д. Часть вывезенных капиталов размещается в западных банках, обеспечивающих без излишнего риска пожизненную ренту их владельцам и передачу вкладов потомству.

Все это стало возможным не только вследствие свободы вывоза капитала с использованием его по собственному усмотрению, даже по личной прихоти (приобретение в 2003 г. Абрамовичем английского футбольного клуба «Челси»), но прежде всего вследствие эксплуатации захваченных ими естественных богатств России, а также высокой нормы эксплуатации рабочей силы, характерной для слаборазвитых стран. В России, которой управляет сроднившаяся с олигархами высшая бюрократия, в 2001 г. приня-

то новое трудовое законодательство, напоминающее фабричное законодательство царской России конца XIX в. или диккенсовской Англии, поскольку в законе права работника и профсоюза на предприятии сведены к минимуму. Спрашивается, могли бы современные российские олигархи, а вслед за ними представители среднего и мелкого бизнеса расходувать на выплату заработной платы 10–20% производственных затрат, если бы на страже интересов людей труда стояли мощные профсоюзы, как в Западной Европе, где эти затраты достигают 50% и более производственных затрат? Безусловно, не могли бы. В современной России правительство опирается на продажную верхушку основного профсоюзного объединения — ВКТ — обычно называемую по имени его главы «шмаковской», и не стесняется использовать против рабочих полицейский аппарат.

Новейшая история рабочего движения в России полна примеров насилия над персоналом предприятия: люди в масках «очищают» помещение администрации, где забаррикадировались забастовщики, которые выступают против смены хозяев, поскольку новые собственники намереваются сократить персонал или вообще закрыть предприятие как «нерентабельное», оставив без работы и средств к существованию весь трудовой коллектив. Особенно болезненна ликвидация предприятий (или сокращение производства в 2–3 раза) в тех нередких, особенно на востоке страны, случаях, когда предприятие было создано на новом месте во время Великой Отечественной войны или после нее, вокруг него возник рабочий поселок, для жителей которого данное предприятие является буквально единственным источником средств к жизни, ибо другую работу в поселке найти невозможно. За новым собственником стоит полицейский аппарат государства, который, выполняя решение арбитражного суда, применяет, если понадобится, самые жесткие методы насилия, как это было на Качканарском горно-обогатительном комбинате в Свердловской области, на целлюлозно-бумажном комбинате в Выборге и множестве других случаев, обычно не освещаемых центральной печатью, радио и телевидением.

Государство располагает аппаратом насилия, подвластным бюрократии — центральной, региональной, муниципальной, которая может его применять против трудовых коллективов, против демонстрантов, если они не получили предварительного разреше-

ния на данное мероприятие, против отдельных граждан и их объединений, если они выступают против существующих порядков. Примером применения насилия против политической организации, не угодной властям, может служить преследование национал-большевистской партии во главе с известным писателем Э. Лимоновым, который отсидел в тюрьме около 4 лет. Впрочем, нынешняя власть в опасной для существующего строя ситуации ни перед чем не останавливается по части применения насилия. Это было наглядно доказано Ельциным, отдавшим в 1993 г. приказ о расстреле здания Верховного Совета, внутри которого находились народные избранники.

Итак, второй составной частью правящего класса является *высшая бюрократия*, сменившая номенклатуру позднего советского периода, унаследовавшая и существенно расширившая ее функции и привилегии. Что касается системы привилегий нынешней бюрократии, то она подчас до смешного похожа на советскую в период ее расцвета. Но налицо и известные различия, прежде всего невиданный масштаб коррупции, а также большая гласность в отношении положенных высшей бюрократии привилегий, которые весьма детально изложены в указах Президента страны и постановлениях Правительства. Теперь этот слой получил название «*государственных служащих*», чтобы не смешивать их с обыкновенными служащими, которые, между прочим, тоже состоят на службе у государства.

Градации между «этажами» бюрократии стали более жесткими. Так, государственные служащие категории А — это министры, губернаторы регионов и депутаты Государственной Думы; категории Б — заместители министров и глав регионов и т.д. Особенности этой системы состоят также в том, что основные оклады (особенно в сравнении с доходами крупных предпринимателей или членов коллегий таких госмонополий, как Газпром или РАО ЕЭС) даже для категории А (до середины 2004 г.) были невелики — примерно 700 долл. в месяц. Недавним Указом Президента, впрочем, оклады были увеличены для высшего эшелона бюрократов. Фактически последние получают значительно больше официальной заработной платы, так как принята чрезвычайно хитрая система надбавок к основному окладу (до 45 месячных окладов в год), а также бесплатно или за символическую плату получаемых услуг. Это и личный транспорт с водителем и техническим обслу-

живанием, и различные виды медицинского и курортного обслуживания, и обеспечение жильем высшего качества, включая пользование подмосковными дачами, и т.д.

При оценке материального положения высшей бюрократии следует учитывать также *нелегальные доходы*, которые несравненно выше, чем были у советской номенклатуры. Эти доходы формируются в результате приобретения ими крупной собственности (например, нефтяной скважины в Оренбургской области), высоко ценимого и поэтому хорошо оплачиваемого лоббирования в Правительстве и в Государственной Думе интересов тех или иных олигархов и руководимых ими компаний, а также за счет направления средств, выделяемых из федерального бюджета на осуществление той или иной программы, субвенций, выделяемых дотационным регионам, и т.д. Точно оценить доходы министров и их заместителей, губернаторов, высших чиновников аппарата Правительства и Администрации Президента, равно как депутатов и аппарата Государственной Думы и Совета Федерации от лоббирования во всех названных (и неназванных) случаях, в том числе при назначении на тот или иной пост именно данного лица из числа претендентов на эту должность, никто не сможет; эти суммы остаются тайной за семью печатями.

Выше уже отмечалось, что господство товарно-денежных отношений в российском обществе приводит к колоссальному развитию *коррупции, продажности государственного аппарата*. Это хорошо известно западным бизнесменам. Предусмотрительные японцы даже издали справочник, в котором указаны примерные суммы взяток: кому и сколько должны заплатить при оформлении документов зарубежные бизнесмены, которые рискуют открыть в России новое предприятие. Многих эти препятствия останавливают, но некоторые осмеливаются идти на преодоление всех бюрократических препон, поскольку при дешевизне рабочей силы в России прибыли могут быть колоссальными и перекроют в сотни раз сумму взятки. Но одна из основных причин того, что западный капитал неохотно инвестирует средства на развитие производства в России (речь идет о реальных инвестициях в производство, а не о «портфельных», предназначенных для игры на бирже ценных бумаг, для спекуляций на колебаниях курса рубля и других валют), состоит в опасении иметь дело с коррумпированным до предела государственным аппаратом в России. В международных спра-

вочниках, оценивающих коррумпированность госаппарата, Россия находится на одном из самых первых мест, впереди нее только Мозамбик и некоторые другие страны Африки.

Еще одна существенная черта современной бюрократии, тоже обусловленная господством товарно-денежных отношений, состоит в постоянном «обмене кадров» между правительственными учреждениями и бизнес-компаниями. Сегодняшний заместитель министра или депутат Думы завтра — председатель или член коллегии крупной компании. Так, после поражения СПС на выборах в Думу Б. Немцов поменял должность одного из руководителей этой партии на высокооплачиваемую должность в бизнесе. Бывает и наоборот. Соратник Немцова по СПС С. Кириенко также поменял профиль — из преуспевающего бизнесмена превратился в руководителя Приволжского федерального округа. То же наблюдается и в банковской сфере: сегодня он в Центральном банке на видном посту, завтра — в частном банке на столь же видном или более выгодном месте.

Сращивание бюрократии с буржуазией происходит и по многим другим каналам, способствуя росту коррупции. Насколько далеко (и высоко!) зашел этот процесс, можно судить по сообщениям западных средств массовой информации. Так, английская печать называла бывшего (совсем недавно) премьер-министра М. Касьянова в период его работы заместителем министра финансов РФ и главным «переговорщиком» с Парижским и Лондонским клубами держателей советских долгов (перешедших из-за широкого жеста Ельцина целиком в российские, хотя в РФ сосредоточена только половина населения бывшего СССР) весьма колоритно, но, вероятно, для него малоприятно «Миша +2%»; это прозвище содержало прозрачный намек на личный «навар», который присваивался при заключении выгодных для российской казны соглашений. Увы, таких соглашений было не слишком много, оба клуба оказались крайне неуступчивыми, и ныне российский внешний долг (по сравнению с оставшимся в наследство от СССР) существенно увеличился, особенно во время президентской предвыборной кампании 1996 г. и благодаря практике постоянных заимствований у МВФ до «дефолта» 1998 г. Из-за нарастающих процентов внешний федеральный долг РФ сейчас составляет более 120 млрд долл., несмотря на то что только в 2002 г. было выплачено 17 млрд долл. и в 2003 г. — ненамного меньше. Но в долг

берут не только федеральные, но и региональные органы власти, а также частные компании. Совокупный долг России к концу 2003 г. составлял около 700 млрд долл., что вдвое превышает ВВП страны.

Срашивание двух слоев верхнего класса дало основание некоторым исследователям, например Г. Дилигенскому, говорить о наличии одного правящего класса в современной России, который был назван ими *бизнес-бюрократией*. Следует самокритично заметить, что и мы в ряде случаев использовали этот термин¹. Однако после более тщательного анализа автор пришел к выводу, что это все же два разных класса современного российского общества, которые различаются по основным классовым признакам: 1) отношению к средствам производства — буржуазия ими владеет в качестве собственника, в то время как бюрократия не владеет ими; 2) роли в общественной организации труда — капиталист выступает как организатор производства в своей фирме в отличие от чиновника; 3) способу получения дохода — собственник капитала непосредственно нанимает на определенных условиях необходимую рабочую силу и расплачивается с ней, присваивая прибавочную стоимость, а чиновник-бюрократ получает вознаграждение от государства (т.е. общества) и плюс к этому вынуждает капиталиста «отдавать» определенную долю не только государству в форме налогов, но и себе лично: за получение лицензии, за отвод участка земли под производственные помещения, за создание необходимых внешних условий, в том числе некоторых (на деле неполных) гарантий от «наезда» криминальных элементов, за спокойное «отмывание» так называемого теневого дохода, полученного с нарушением законов, за обеспечение «порядка» на предприятии и личной безопасности бизнесмена. Но главное «дело» бюрократии всех уровней — сохранение в обществе существующих порядков, обеспечивающих получение сверхприбылей за счет нещадной эксплуатации наемного персонала. Ради сохранения столь высокой, давно пройденной историей в западных странах нормы эксплуатации наемного труда, приходится делиться частью прибыли как с государством и созданным им аппаратом насилия, так с находящимися в его распоряжении мощными средствами обработки общественного мнения, наконец, с региональными и местными властями и их представителя-

¹ Руткевич М.Н. Социальные противоречия современного российского общества. М., 2001. С. 24 и далее.

ми, которые не забывают о собственных личных интересах, т.е. с *чиновничеством в целом* как определенной *социальной группой*.

Сказанное выше о взятках, которые вынуждены давать зарубежные предприниматели, в полной мере относится и к собственным, российским. Причем брать с них мзду, как правило, гораздо проще: не нужны переводчики, не приходится сталкиваться с официальными представительствами зарубежных государств в Москве, к тому же «местные» хорошо знакомы с существующими порядками и понимают чиновника без лишних слов.

Таким образом, «наверху» находятся все же *два разных класса* современного российского общества, имеющие как определяющие их существование *общие* интересы, так и свои *особые*, специфические, вступающие подчас в *противоречия* друг с другом. Так, буржуазия заинтересована в снижении налогов на бизнес и на себя лично. По инициативе СПС — партии, непосредственно выражающей интересы крупного капитала, решением Госдумы дифференцированная ставка налога на личные доходы (максимум был равен 30%) была заменена «плоской» ставкой налога на личные доходы для *всех* граждан, равной 13%. Это позорное для нищей страны решение не могло быть принято без голосов «за» так называемых пропрезидентских фракций в Думе, следовательно, без согласия Президента В. Путина. При принятии федерального бюджета на 2004 г. проведено уменьшение ставок налогообложения бизнеса, так называемого ЕСН (единого социального налога) с 35 до 24% прибыли. Федеральный бюджет, и без того нищий, в результате дополнительно «похудел», что, безусловно, не только затрудняет обещанное властями повышение пенсий и других социальных выплат, но и создало предпосылки для столь непопулярной меры, как замена различных льгот денежными выплатами (о чем далее).

Теоретической основой этих уступок Правительства бизнесу и бизнесменам является исповедуемая нашими правыми и поддерживаемая Президентом идеология либерализма в давно пройденной исторической форме — либерализма эпохи А. Смита, давно отвергнутого на практике передовыми странами Запада. Основной догмой этой отжившей свой век теории является тезис: чем меньше государство вмешивается в бизнес, т.е. в экономическую жизнь страны, тем лучше для бизнеса и тем успешнее развивается экономика. Именно этих воззрений придерживается «мозговой

штаб» правых — Институт экономики переходного периода, руководимый Гайдаром, и главные экономические советники Президента В. Путина, например А. Илларионов. В «эффективности» этой теории мы могли убедиться в период правления Гайдара в 1991–1992 гг., когда «шоковая терапия» привела к безудержной инфляции и подкосила экономику.

Наиболее передовые в экономическом отношении страны Западной Европы придерживаются политики достаточно «мягкого», но вместе с тем весьма эффективного воздействия государства, его экономической и социальной политики на стихийные процессы в рыночной экономике (например, «дирижизм» в Франции). Поэтому через госбюджет они «пропускают» до половины и более ВВП, в то время как федеральный бюджет РФ на 2004 г. составил примерно 11,5% ВВП страны (17 из 500 млрд долл.). Таково же различие и в налоговой политике. Ставки налога с личных доходов граждан в ведущих капиталистических странах очень дифференцированы, причем максимум для самых богатых достигает 50% и более (в Японии 65%)¹.

Возвращаясь к противоречиям между рассматриваемыми двумя социальными группами, следует заметить, что при Ельцине, особенно во время второго срока его правления, крупный бизнес через так называемую «семью» безраздельно правил страной. В этом выразилась благодарность Ельцина олигархам, которые в Давосе весной 1994 г. решили поддержать его кандидатуру на выборах вопреки чрезвычайно низкой его популярности среди населения. И он действительно был переизбран при содействии Центризбиркома. Олигархов пришлось «благодарить», они стали хозяйничать и в политике, что нашло выражение, в частности, в назначении Б. Березовского на пост заместителя председателя Совета Безопасности и его участия в принятии государственных решений. Особенно велика была его роль при заключении позорного соглашения с Президентом Чечни А. Масхадовым, подписанного А. Лебедем и И. Рыбкиным в Хасавюрте, во всевластии «семьи», возглавляемой группой Чубайса–Дьяченко.

При Президенте В. Путине положение стало понемногу изменяться, хотя «семья» во многом продолжает диктовать Путину удобные ей решения, тем более что ее представители долгое время оставались на высоких постах в Правительстве. Президент Путин

¹ Страны ОЭСР: Статистический справочник. М., 2000. С. 40–41.

пытается проводить более взвешенную политику, разрешать возникающие между двумя указанными группами разногласия посредством волевых решений, которые преимущественно оказываются выгодными частному бизнесу, но одновременно укрепляют всеисилие бюрократии. Отсюда неизбежность лавирования и стремление к решению противоречий путем компромиссов.

Постоянно идя на уступки бизнесу, Путин не может не выражать интересов бюрократии, которую он возглавляет. Так, Президент пошел на высылку из страны двух видных олигархов, постоянно вмешивавшихся во внутреннюю и внешнюю политику страны с помощью принадлежавших им СМИ. В. Гусинский и Б. Березовский, замешанные во многих грязных делах, были вынуждены покинуть страну, хотя Березовский, проживая в Лондоне, не сходит с экранов телевизоров и организовал «либеральную» антипутинскую партию, которая была зарегистрирована для участия в выборах в Думу и Президента в 2004 г. Недавно был привлечен к уголовной ответственности и ждет суда в тюрьме один из крупнейших олигархов М. Ходорковский, возглавлявший нефтяную компанию. Счетная палата занята проверкой комбинаций другого крупного олигарха, одновременно являющегося губернатором Чукотки, — Р. Абрамовича.

Короче говоря, Путин дает бизнесу действовать в пределах законов и следует продиктованному ими экономическому курсу, но вместе с тем ограничивает прямое вмешательство олигархов в решение государственных вопросов и привлекает к ответственности нарушителей законодательства РФ, даже если это миллиардеры.

На другом полюсе социально-классовой структуры населения России начала XXI в. находится большинство занятых в народном хозяйстве *людей наемного труда*. Это большинство должно быть существенным образом дифференцировано в нескольких отношениях. Рассмотрим те социальные группы, которые представляются нам наиболее существенными.

В о - е р в ы х, это наемные работники, занятые на принадлежащих иностранному капиталу предприятиях и представительствах, в приближающихся к ним по оплате труда частных коммерческих банках и некоторых государственных монополиях вроде Газпрома или РАО ЕЭС. Заработная плата мелкого клерка в этих учреждениях выше, чем ставка самой высокой (18-й) категории

ЕТС (единой тарифной системы), принятой Правительством для оплаты труда «бюджетников» в государственных учреждениях, например заработной платы ректора высшего учебного заведения. Зарубежные предприниматели исходят из принятых в мировой практике (но, как правило, все-таки несколько ниже) ставок оплаты труда, а наши коммерческие банки и упомянутые выше монополии «подтягиваются» к международным стандартам. При этом они требуют от своих работников соответствовать западным стандартам по квалификации и исполнительской дисциплине, обязывают знать (или изучить в короткий срок) хотя бы один иностранный язык (как правило, английский) для свободного общения с посетителями-иностранцами, международной переписки и телефонных переговоров. Эти дополнительные требования неплохо оплачиваются, и определиться на работу в такую «контору» затруднительно без знакомств в этой сфере, т.е. без «блата». Эта привилегированная часть наемных работников сосредоточена в очень больших городах, прежде всего в Москве.

В о - в т о р ы х, это основная часть людей наемного труда, которая работает на частных предприятиях разных отраслей промышленности, транспорта, связи и т.д. Их оплата труда зависит от многих факторов: от результатов деятельности предприятия в целом, а в определенной степени от настойчивости, боевитости профсоюзной организации и всего трудового коллектива в отстаивании своих интересов. Многое зависит и от менеджмента, т.е. успешности ведения хозяйственной деятельности администрацией. Рабочие, служащие, младший обслуживающий персонал на предприятиях той же самой отрасли, даже расположенных в одном регионе, могут находиться в различных условиях. Многое определяется умением управленцев и собственника предприятия своевременно заключить договоры на сбыт продукции и на снабжение предприятия исходными материалами, комплектующими изделиями, электро- и теплоэнергией и т.д. Разброс здесь очень велик, даже в рамках одной отрасли.

В - т р е т ь и х, очень многочисленная (10 млн человек) армия наемных работников — «бюджетники», т.е. персонал учреждений, находящихся на государственном обеспечении и обслуживающих нужды всего общества. Это прежде всего работники сферы образования (в вузах, школах, дошкольных учреждениях и т.д.), здравоохранения, а также культурно-просветительных учреждений —

театров (кроме частных), библиотек, музеев, выставок, домов культуры, где они сохранились, и т.д. К «бюджетникам» отнесены также научные работники и прочий персонал научных учреждений как ведомственных, так и федерального подчинения, например Российской академии наук. Этот мощный по численности и интеллектуальному потенциалу отряд работников наемного труда отличается тем, что их *нанимателем является государство* через федеральные, региональные и местные (муниципальные) органы управления. Именно для персонала этого рода учреждений введена ЕТС, содержащая 18 уровней оплаты труда. Поскольку ЕТС существует уже давно, ставки оплаты по всем категориям — от медсестры до профессора — хотя подчас и повышаются, но систематически отстают от роста стоимости жизни, а также от ставок оплаты труда аналогичных категорий работников в промышленности и других отраслях, находящихся в собственности частных владельцев, которые более свободны в маневрировании фондом оплаты труда, чем государство. Последнее, мягко выражаясь, «не спешит» с поднятием ставок ЕТС, обрекая тем самым «бюджетников» на наиболее низкую оплату труда. В ноябре 2003 г. средняя оплата труда в сфере образования составляла 67%, здравоохранения 73%, культуры и искусства 68% средней по народному хозяйству, хотя доля работников с высшим образованием (учителя, врачи и т.д.) здесь значительно выше средней. По данным Е. Гонтмахера, 27% «бюджетников» получают всего 17% общего фонда оплаты труда¹.

Традиционно ниже, чем даже в этих отраслях, оплата труда в сельском хозяйстве (38%), унаследовавшем отставание от советских времен, так что основным источником дохода крестьян продолжает оставаться личное подсобное хозяйство.

Указанные выше «культурно-интеллигентские» отрасли, включая научные коллективы, находятся в сложном финансовом положении еще и потому, что они числятся главным образом на балансе региональных и муниципальных бюджетов, а большинство (74 из 88) регионов страны являются дотационными, поэтому обязанность выплаты заработной платы ими систематически не выполняется. Это вызывает забастовки и срыв занятий в школах, которые удается прекратить только «выпросив» дополнительные средства из федерального бюджета. Причины этого положения хорошо известны. Они заключаются в том, что в бюджетах всех

¹ Гонтмахер Е. Зона бедности // Российская газета. 2004. № 132. С. 3.

уровней *недостаточны* ассигнования на здравоохранение, образование, культуру, науку, из-за чего учителя, врачи, работники учреждений культуры, ученые не просто получают мизерную заработную плату, но не всегда могут получить ее вовремя.

Наконец, для полноты картины следует назвать еще два слоя по существу наемных работников. В о - п е р в ы х, это пенсионеры, которые отработали десятки лет в народном хозяйстве и вышли на пенсию по возрасту или наличию тяжелого хронического заболевания. Их численность растет и достигает 40 млн человек. В о - в т о р ы х, это временно безработные, которые ожидают возможности получить работу. Их численность составила 6 153 тыс. человек¹. Часть из них (1 309 тыс.) получает от государства пособие², но большинство не регистрируется и занято самостоятельно поисками места работы, которое максимально отвечало бы их квалификации и давало бы достаточно средств к существованию согласно стандарту, который у них сложился ранее. И те, и другие перебиваются случайными заработками, причем первые — нелегально, чтобы не лишиться пособия. Особенно велико стремление устроиться в те учреждения частного сектора, о которых мы говорили выше, но «попасть» в частный банк или в совместное предприятие без знакомства практически невозможно; впрочем, новичку трудно устроиться и на любые другие успешно работающие и прилично вознаграждающие за труд частные предприятия. Поэтому, например, в Москве складывается противоречивая картина: при фактически полной занятости трудоспособного населения столицы и приезжающих на работу из пригородной зоны, имеется много вакансий на профессии, которые не привлекают столичных жителей, избалованных более высокой, чем в среднем по стране, оплатой труда, в то время как на строительные работы и на обслуживание общественного транспорта привлекаются приезжие. Большая часть водителей троллейбусов, автобусов, маршрутных такси, которые должны очень рано вставать и умело лавировать на протяжении многих часов в густом потоке городского транспорта, — это приезжие из Украины, Молдавии, где простому человеку живется еще труднее, чем в Российской Федерации, а уровень безработицы выше.

¹ Россия в цифрах. М., 2003. С. 84.

² Там же.

Примерная оценка численности лиц наемного труда и их состава была дана В. Трушковым в одной из его статей в коммунистической прессе. Он полагает, что приблизительно 10 млн человек после сокращения промышленного потенциала страны более чем в 2 раза следует отнести к промышленному рабочему классу. Примерно 19 млн человек — это наемные работники, занятые преимущественно умственным (как правило, исполнительским) трудом; их можно назвать «*тöðëäðäðëÿìë öîñäááííâì öðöäâ*». Поэтому общую численность работников наемного труда автор определяет примерно в 30 млн человек, что составляет 46—47% занятых в экономике страны. Кроме того, 6,5 млн человек заняты в сфере мелкого бизнеса, это 10—11% общей численности. «Большинство из них, — утверждает автор, — может быть отнесено, без сомнения, к полупролетарским слоям общества»¹. Мы полагаем, что кое в чем с автором этой статьи можно поспорить. Например, в мелком бизнесе надо разграничить владельцев лавок, павильонов, палаток и т.д., с одной стороны, и нанимаемых ими работников (их большинство), а также самостоятельно занимающихся мелким «бизнесом» вроде продажи букетиков цветов в подземных переходах Москвы или наигрывающих там же на скрипке или флейте для услаждения слуха прохожих — с другой. Ко второму полюсу поляризованного общества следует отнести также еще две значительные по численности категории: 1) членов фактически распавшихся сельхозкооперативов, а это большинство сельского населения страны; 2) примерно 40 млн пенсионеров. Незначительное меньшинство этой группы принадлежит к числу привилегированной части пенсионеров, получающих высокую пенсию и сохраняющих привилегии по части медицинского обслуживания, получения путевок на курорты и в дома отдыха и т.д. Абсолютное же большинство пенсионеров — это ветераны труда и войны с пенсией порядка 1500 рублей в месяц.

При современном состоянии российской статистики приходится опираться на оценки численности социальных групп специалистами. Но и при таком поневоле приблизительном подсчете становится очевидным, что подавляющее *большинство населения* страны должно рассматриваться как второй (по сравнению с 3—5% богатых) полюс общества, находящийся в состоянии *бедности, а частично нищеты*. Учитывая, что имеется сравнительно не-

¹ Трушков В. Точка опоры // Правда. 2004. № 72. С. 2.

большая, весьма разнородная по составу часть общества, находящаяся в зоне относительного благополучия, подавляющее большинство населения страны по своим материальным объективным коренным интересам противостоит первому полюсу — меньшинству, принадлежащему к представителям крупного капитала и их окружению в лице высших управленцев частных компаний и государственных монополий вроде РАО ЕЭС и Газпрома, а также высшего чиновничества и примыкающей к тем и другим обслуге.

Социальная поляризация была отмечена нами более 12 лет назад, когда этот процесс только начинался¹, и с той поры она существенно возросла. Нынешние меры администрации по ликвидации «социалки» будут способствовать *ускорению* этого процесса. Для нас нет сомнения, что при известной размытости социальной структуры, обусловленной совмещением частью граждан различных *социальных ролей*, она в основных чертах *уже сложилась*. Конечно, сельский учитель вынужден одновременно вести натуральное хозяйство, т.е. выращивать овощи и фрукты на отведенном ему земельном участке, а при возможности держать поросенка и уж обязательно птицу — без этого ему не прокормить себя и семью; рабочий или мелкий служащий вынужден нередко «приторговывать», в том числе товарами фабрики, производящей предметы массового потребления, поскольку нередко в такой форме он получает часть зарплаты — чтобы как-то свести концы с концами; учитель, если он живет в большом городе, вынужден совмещать свою основную работу с частными уроками и т.д.

Итак, мы полагаем, что социально-классовая структура российского общества к настоящему времени в самых основных чертах уже сложилась, притом является одним из худших вариантов социальной структуры «периферийного» капитализма, находящегося в полукOLONиальной зависимости от постиндустриального западного капитализма. На одном полюсе этого общества капиталисты и высшая бюрократия, на другом — люди наемного труда, к которым нужно прибавить около 40 млн пенсионеров, т.е. лиц наемного труда в прошлом, вышедших «в тираж» по возрасту, инвалидности и т.д. Вместе с активно участвующими в экономической жизни страны упомянутыми ранее категориями они составляют в совокупности до 80 млн человек, т.е. подавляющее большинство взрослого населения страны. Мы не оговорились, назвав

¹ Руткевич М. Социальная поляризация // СОЦИС. 1992. № 9.

выше российский вариант социально-классовой структуры периферийного капитализма одним из худших, так как ему присуща потрясающая бедность большинства населения в недавнем прошлом вполне благополучной страны. Выступая на конференции в Нью-Йорке, министр финансов А. Кудрин вынужден был признать, что средний годовой доход на душу населения в России составляет ныне немногим более 2 тыс. долл. в год, и это при среднем мировом доходе 5,5 тыс. долл. По этому решающему для оценки благосостояния населения показателю наша страна находится на 99-м месте в мире.

В этом плане выглядит весьма странно и непрофессионально статья Г.А. Зюганова, в которой он заверяет читателя, что сложились к настоящему времени *только две социальные группы*: крупных предпринимателей (3–5%) и маргиналов, т.е. людей, опустившихся на дно общества (10–15%). Все остальное дееспособное население страны он называет «*социальным расплавом*», т.е. некоей расплывчатой массой, не имеющей определенного социально-классового положения.

Аргументация автора проста: большинство членов общества выполняет одновременно несколько «*социальных ролей*»¹. Выше мы уже писали о том, что данное явление имеет достаточно широкое распространение, поскольку позволяет, как и совмещение в двух и более местах службы по своей специальности, смягчить бедность, особенно так называемых бюджетников. Так что автор прав, указывая на распространенность совмещения социальных ролей. Но он неправ, поскольку *абсолютизирует* эту черту социальной структуры современного российского общества. Совмещение социальных ролей имело место, хотя и в меньших масштабах, и в советский период нашей истории, оно имеет широкое распространение и в странах Запада в настоящее время. Но констатация этого факта не может заменить анализ социальной структуры общества и тем более отменить ее существование. Действительно, рабочие, техники, инженеры в промышленности, строительстве, на транспорте не перестали по своей основной трудовой деятельности быть носителями вполне определенной (и для большинства единственной) социальной роли; учителя не потеряли свою основную социальную роль, ведя занятия и воспитательную работу в школе; то же можно сказать о медперсонале в поликлиниках и больницах,

¹ Зюганов Г. Коммунисты и классы в России // Правда. 2004. № 92. С. 1–2.

научных работниках в научно-исследовательских институтах, вузах и т.д.

Ошибочность позиции Г. Зюганова заключается в том, что он упускает из виду важную общесоциологическую закономерность: объективное положение людей в системе общественно-производственных отношений и осознание ими своего социально-классового положения *вообще не совпадают*, а в настоящее время в России существенно расходятся в силу ряда хорошо известных, в том числе самому Зюганову, причин, таких, как запрет на деятельность партий в трудовых коллективах, продажность верхушки основного профсоюзного объединения (хотя имеются профсоюзы, например научных работников РАН, докеров, авиадиспетчеров и др., которые активно борются за права своих членов), особенно же массированное воздействие на сознание людей монопольно господствующих проправительственных средств массовой информации. Подобный разрыв между *объективным* и *субъективным* факторами был характерным для пролетариата на первых этапах капиталистического развития в Европе вплоть до середины XIX в., а в России до конца этого же столетия. Это явление нашло теоретическое выражение в различии понятий «класс в себе» и «класс для себя», в более общей форме в разграничении *объективного классового положения людей и субъективного осознания ими своих классовых интересов*. Зюганов справедливо отмечает, что в России начала нынешнего столетия большинство трудящихся не доросло еще не только до *классового*, но даже *тред-юнионистского* сознания. На наш взгляд, появление данной статьи — результат поражения КПРФ на последних парламентских выборах, осознания противоречия: КПРФ является единственной политической партией, которая в своих программных установках выражает интересы угнетенного и ограбленного большинства населения страны, прежде всего людей наемного труда, а электорат партии сокращается. Но это уже иная тема чисто политического свойства, и мы воздержимся от высказывания своего мнения по этому вопросу.

Важнейшее противоречие современного российского общества состоит в несоответствии между *бедностью подавляющей части населения страны и слабостью организованного протестного движения против власти, которая довела страну до такого состояния*. Но имеются достаточные основания полагать, что протестное

движение в различных его формах будет возрастать в связи с начавшимся новым наступлением властей на остатки социальных прав трудящихся. В СССР социальные права трудового населения находились в центре внимания руководства страны. Мы позволим себе напомнить читателю некоторые приводившиеся ранее факты и цифры. Благосостояние народа при советской власти во многом определялось тем, что значительную часть дохода семья получала через *общественные фонды потребления* (ОФП); четвертая часть дохода семьи промышленного рабочего и пятая часть семьи колхозника выступали не в форме зарплаты, а за счет действия *двух каналов* реализации ОФП: средств трудового коллектива предприятия (колхоза) и непосредственно от государства, предоставлявшего льготы различного рода. Особенно велики и поэтому важны они были, с одной стороны, для заслуженных людей, трудом или кровью доказавших свое право на получение льгот; с другой стороны, для так называемых социально слабых слоев населения — пенсионеров, инвалидов, многодетных семей, блокадников Ленинграда, ликвидаторов чернобыльской аварии, понесших потерю здоровья, бывших политзаключенных сталинских лагерей, детей, потерявших родителей, и т.д.

Первый из указанных каналов поступления ОФП был в основном ликвидирован еще при Ельцине. Приватизация предприятий определила погоню новых хозяев за максимальной прибылью. Прекратилось финансирование принадлежащих предприятию жилых фондов, учреждений культуры, спортзалов, а также водопроводных и канализационных сетей, строительство новых и ремонт старых домов, дорог в поселках и городах, выросших вокруг данного предприятия, и т.д. При В. Путине, особенно когда он укрепился во власти, развернулось наступление на отягощавшие федеральный бюджет социальные цели, в том числе на многочисленные льготы различным категориям населения.

На первом этапе пострадало офицерство, лишившееся натуральных льгот, таких, как снабжение продуктами и вещевым довольствием, право бесплатного проезда с места службы вместе с семьей в родные края в период отпуска. Эти и другие льготы были заменены *денежными выплатами*, своеобразной прибавкой к низкой по любым канонам заработной плате. Выплаты были строго дифференцированы в зависимости от звания, должности, срока службы, так что минимум выплат приходился на младший офицерский состав. Простые подсчеты показали, что выплаты не по-

крывали реальную стоимость утрачиваемых льгот, особенно для младшего и среднего офицерского состава. Этот шаг был встречен волной протеста в военной среде. Начались массовые увольнения из армии офицерского состава, в том числе офицеров, только что закончивших военные училища, где на их обучение были затрачены государством большие средства. Давно испытываемый армией недостаток новобранцев по призыву дополнился бегством младших офицеров, которым для получения военной пенсии нужно было бы прослужить долгие годы, притом вдали от городов и в тяжелых бытовых условиях, поскольку получения нормального жилья в армии надобно ожидать десятилетия. При посещении поселка североморцев Видяево, где обитали семьи офицеров, погибших при аварии атомохода «Курск», Президент Путин был поражен убожеством жилищных условий даже этой, элитной части офицерского состава.

Второй этап наступления государства на дарованные им льготы развернулся в 2004 г. Решения обеими палатами парламента приняты, закон вступит в силу с 1 января 2005 г. Но данный этап наступления на остатки социальных прав касается не десятков тысяч, а десятков миллионов людей. Денежные выплаты строго дифференцированы: 2500 руб. для героев Советского Союза, 2000 — для инвалидов Отечественной войны, 1500 — для участников ВОВ, 1100 — для участников других боевых действий и т.д. вплоть до 600 руб. для ветеранов труда.

Второй шаг правительства по урезанию социальных льгот отличается тремя особенностями. Во-первых, он касается слоев населения, обладающих льготами, обеспечиваемыми за счет федерального бюджета. Что же касается льгот большинства населения, прежде всего ветеранов труда, то определение их размера и обеспечение выплат, призванных заменить льготы, возложено на регионы. Но *из 88 регионов страны 74 являются дотационными*. Московские городские власти обещают сохранить часть упраздняемых льгот. Что же касается подавляющего большинства регионов, то размеры денежных выплат взамен упраздняемых и их фактическая выдача будут определяться региональными (и муниципальными) органами управления; можно не сомневаться, что в большинстве регионов они будут сведены к минимуму либо назначаться, но не выплачиваться — в зависимости от наличия собственных ресурсов и получения (вернее неполучения) дотаций из федерального бюджета.

Во-вторых, важнейшие льготы — по оплате жилья и за услуги ЖКХ — временно отложены (прошли в печати сведения, что до 2007 г.). Этот удар, вне сомнения, будет самым сильным. Первые шаги по введению полной оплаты жилья и услуг ЖКХ в «экспериментальном» порядке кое-где уже начаты. Попытки выселения «злостных неплательщиков» в помещения барачного типа с нормой 6 кв. м на человека и «удобствами» в конце коридора (или «во дворе») в Нижнем Новгороде были встречены массовыми протестами населения и временно заморожены. Исторический опыт свидетельствует: значительная часть «освобождения» государства от льгот не за горами. Не приходится сомневаться, что это приведет к росту протестного движения среди большей части населения. К этому следует добавить, что тем, кто приватизировал в свое время квартиры по ставкам БТИ (бюро технической инвентаризации), предстоит выплачивать налог на недвижимость, притом по *нынешней рыночной стоимости жилья*.

В-третьих, чтобы хотя бы формально соблюсти записанное в Конституции определение РФ как социального государства, *часть денежных выплат будет реализована в форме «социального пакета»*. Социальный пакет будет стоить 450 руб. и слагаться из трех частей: пользование пригородным железнодорожным транспортом (без чего пользование участками земли, расположенными в десятках верст от города, стало бы для большинства владельцев этих участков просто невозможным); право получения льготных рецептов на лекарства, что особенно важно для ветеранов войны, которым в 2005 г. будет не менее 78 лет. Весьма удобно для казны, что социальный пакет должен вычитаться из общей суммы компенсационной выплаты целиком. Приведу в пример собственную семью. Мы с женой являемся участниками ВОВ и должны получать ежемесячно по 1500 рублей. Но за город мы не выезжаем, так как не можем далеко удаляться от дома, да и дачного участка у нас нет. За 10 лет ни мне, ни жене органы СОБЕСа ни разу не предлагали воспользоваться льготной путевкой в санаторий или дом отдыха. Будучи прикрепленными к ведомственной поликлинике (Российской академии наук № 2), мы уже с начала 2004 г. перестали получать льготные (их зовут обычно «лужковскими») рецепты, поскольку по распоряжению Моссовета ведомственные поликлиники перестали получать таковые. Следовательно, фактически доплата будет составлять не 1500, а 1050 руб. в месяц на каждого из нас. За 2005 г. государство сэкономит на нашей семье 10 800 руб.

Я взял крайний случай. Некоторые потеряют меньше. В заброшенных деревнях, которые расположены далеко от железной дороги, нет поликлиник и телефонов в домах, люди не получают указанные льготы в настоящее время, в том числе из-за отсутствия средств в бюджете региона. Можно привести также случаи противоположного свойства. По телевидению обычно демонстрируют людей, которые выигрывают от рассматриваемой замены льгот на денежные выплаты, таких немало. Но если перейти от частных случаев к суммарному результату, то сделанные организациями ветеранов подсчеты свидетельствуют, что *компенсации сильно занижены*: чернобыльцы в Москве теряют 930 руб.; инвалиды войны 1-й группы получают компенсацию в размере 52,4% утраченных льгот; блокадники — половину; члены семей погибших ветеранов 43% и т.д. И это при том условии, что ст. 55 Конституции Российской Федерации запрещает принимать меры, ухудшающие социальное положение граждан¹.

Приведем в целях сравнения данные о системе социальной помощи, предоставляемой «малоимущим» в ряде стран Запада: Италии, Англии, Франции, Австрии, Нидерландах, которые именуют себя социальными государствами. Малоимущими считаются в странах ЕС граждане, у которых доход менее 60% *среднеевропейского* дохода, т.е. менее 600 евро в месяц; это в основном инвалиды, безработные, студенты. При известных различиях между странами государственная помощь в виде льгот и доплат дает следующий результат: вместо 40% потенциальных малоимущих их в странах Евросоюза всего 17%². К сказанному стоит добавить, что доход 600 евро в месяц равен по текущему курсу 21 тыс. руб.

Это означает, что по принятым в ЕС стандартам средняя зарплата нашего работника (6 тыс. руб.) в 3,5 раза ниже среднего дохода малоимущего на Западе, тем более, что средний по ЕС значительно ниже дохода в Скандинавии, Германии, Франции, Италии, т.е. основных державах, входящих в это сообщество.

Не удивительно, что в наших городах молодая семья может существовать преимущественно в двух вариантах: либо муж и жена работают, откладывая появление ребенка до лучших времен; либо есть бабушка-пенсионерка, которая может сидеть с чадом (что не обеспечивает воспроизводства населения — см. гл. 8), а родители

¹ См.: Коренева Г. Деньги или льготы // АиФ. 2004. № 27. С. 6.

² Кактурская М. А как на Западе? Там же.

работают оба, причем нередко на двух работах каждый, чтобы просуществовать хотя бы в условиях бедности. Иметь двух детей или более и неработающую жену средний рабочий или служащий может, только опустившись далеко за порог нищеты. Поэтому столь большое значение придается любым возможностям подрабатывать *вне* основного места работы: врач стремится иметь частную практику, медсестра делать уколы тяжелобольным на дому, преподаватель занимается репетиторством, молодые рабочие подрабатывают мелкой торговлей, а то и кражей казенного и личного имущества сограждан, девушки вовлекаются в индустрию сексуальных услуг, пенсионеры сдают в наем часть своего жилого помещения и т.д. Это и есть вынужденное совмещение «социальных ролей», о чем говорилось выше.

Особо важная роль принадлежит возделыванию приусадебного участка либо выделенного подчас вдалеке от городской черты участка земли для выращивания овощей, фруктов, ягод, содержания птицы, а подчас и мелкого скота. По оценкам экономистов, до 10 млн человек в современной России живут в основном за счет натурального хозяйства, покупая хлеб, сахар, соль, уплачивая разные платежи государству благодаря пенсиям старшего поколения.

Количественные методы определения бедности и нищеты, принятые в отечественной статистике, не выдерживают научной критики. Этим объясняется большой разницей в их оценке. Президент в Послании Федеральному Собранию весной 2004 г. заявил, что в бедности пребывает *четверть* населения страны. По-видимому, он исходит из данных, поступивших в его распоряжение из Госкомстата, переименованного ныне в Федеральную службу государственной статистики. Эта цифра базируется на сравнении реальных доходов на одного человека с прожиточным минимумом (ПМ), который ежеквартально определялся Госкомстатом раздельно для трех основных категорий населения — работников, пенсионеров и детей, притом как по стране в целом (усредненные величины), так и по отдельным регионам, поскольку они существенно различаются по уровню цен и стоимости услуг. На наш взгляд, этот метод имеет существенные недостатки. Прежде всего к ним следует отнести значительное преуменьшение размера ПМ по сравнению с реально необходимыми средствами, которые вынужден затратить потребитель для нормальной жизни. О преуменьшении этого показателя наглядно свидетельствует его срав-

нение с исчисляемой по регионам стоимостью «потребительской корзины». Последнюю формирует большое количество показателей, в том числе отсутствующих при исчислении ПМ. Например, в Москве стоимость потребительской корзины в 1,5 раза и более превышает размер ПМ. Так обстоит дело не только в Москве.

Особенно сказывается преуменьшение реальной стоимости жизни при исчислении наинизшего по размеру ПМ для пенсионеров, людей пожилых, а то и просто старых, для которых особо важную роль играют расходы на лечение и лекарства. Врачи настаивают на приеме некоторых жизненно необходимых при данной болезни лекарственных средств импортного производства, которые не имеют отечественных аналогов, но стоят чрезвычайно дорого. ПМ этого не учитывает. При исчислении ПМ не полностью учитывается также непрерывный рост стоимости всех услуг, в том числе транспорта, жилищно-коммунального хозяйства, печатных изданий, почтовых расходов, расценок на междугородные телефонные переговоры и т.д. Наконец, при подсчете ПМ существенно преуменьшается реальная цена на основной продукт питания — хлеб, цены на который в I квартале 2004 г. возросли в среднем на 30%, а также на бензин. Рост цен на бензин автоматически переносится на цены доставляемых товаров.

Другой коренной недостаток исчисления ПМ состоит в том, что он не в состоянии учитывать *социальную дифференциацию*, различия между оплатой труда в разных областях хозяйства между работниками, а также разных профессий, требующих различных затрат физической и умственной энергии. Поэтому *социальный состав* тех, кого Президент называет бедными, остается неясным (более подробно об этом будет сказано далее). Можно только предполагать, что к бедным относятся прежде всего лица малоквалифицированного наемного труда и большинство пенсионеров, поскольку минимальная пенсия в 600 руб. не дает возможности выжить. При этом средняя пенсия «догоняет» ПМ для пенсионеров с неизменным запозданием и в настоящее время почти в 3 раза ниже средней заработной платы по народному хозяйству. Преуменьшение реальных затрат, необходимых для более или менее нормального существования, неучет социальных различий не позволяют использовать данный критерий для научного анализа. Можно сказать с полной уверенностью, что для выяснения подлинных масштабов бедности и нищеты в стране этот критерий по-

просто непригоден, а поэтому и оценка бедности (25%), данная президентом, представляется явно заниженной.

Социально-экономическое развитие внушает возрастающую тревогу общественности не только научной, но и всей, задумывающейся о будущем России. Мировой опыт выхода из экономического застоя и тем более из разрухи, свидетельствует, что требуется ускоренное развитие производительных сил страны, притом на современном (для данного этапа мировой истории) техническом уровне. В начале XXI в. это означает первоочередное развитие электроники, автоматизации производства, внедрение достижений биотехнологии, т.е. того, что принято называть «хай-тек». Таков был путь Советской России в годы индустриализации страны и в послевоенный период. Аналогичным образом осуществляется поразительно быстрое наращивание экономической мощи современным Китаем. Следует также вспомнить историю выхода из послевоенной разрухи разоренных Второй мировой войной Германии и Японии в первые послевоенные десятилетия, в результате чего они быстро вошли в число развитых стран. В более позднее время по такому же пути пошли так называемые азиатские тигры: Южная Корея, Тайвань, Сингапур. Сейчас к ним присоединяются Вьетнам с экономикой социалистического типа и Малайзия с экономикой капиталистического типа. Уже из приведенного перечня стран, вышедших за считанные годы из упадка и высокими темпами продвигающихся вперед, видно, что есть некоторые общие, не зависящие от социально-экономического строя закономерности *модернизации* производства и «догоняющего» развития. Наиболее общий показатель успешного развития страны — рост *валового внутреннего продукта*. В перечисленных странах он в годы бурного подъема составлял ежегодно 10% и выше.

Как обстоит дело с ростом ВВП в современной России? Перед приходом к власти осенью 1999 г. В. Путин обещал, что Россия при его правлении будет иметь 10%-ный рост ВВП ежегодно — чтобы догнать самого отсталого (тогда) члена Европейского Союза — Португалию. За прошедшие 4 года (если не считать 1999 г., когда после дефолта и обесценения рубля производство выросло за счет замещения импорта потребительских товаров) рост ВВП составлял 5–6%. Причем рост чрезвычайно своеобразный по его источникам. Так, рост ВВП на 7% в I квартале 2004 г. был обеспечен повышением внутренних цен на топливо на 4% и ростом экс-

порта нефти и цен на нее на мировом рынке на 3%. Отрасли обрабатывающей промышленности либо вообще не показали роста, либо небольшой рост. Президент с сожалением отметил, что отечественная обрабатывающая промышленность дает сейчас всего 52% промышленного производства, настолько она оттеснена импортом. Что же касается отраслей машиностроения, то большинство из них находятся в упадке. Например, в 2003 г. мощная когда-то авиастроительная промышленность, доставшаяся в наследство от СССР, произвела всего 3 гражданских самолета (вместо 300 в советский период), так что Аэрофлот и прочие наши авиакомпании вынуждены расширять импорт «боингов» и других самолетов западного производства. Так же обстоит дело в сельскохозяйственном машиностроении, станкостроении и т.д. От того, что термин «реформы» заменили термином «модернизация», ничего не изменилось. Подлинной модернизации производства пока что не видно.

В своем Послании Федеральному Собранию в мае 2003 г. Президент по сути повторил обещание четырехлетней давности, поскольку снова поставил задачу удвоения ВВП к 2010 г. Простейший подсчет показывает, что для этого необходимо за оставшиеся семь лет обеспечить 10%-ный ежегодный рост реального ВВП. В Послании не разъясняется, каким образом эта задача будет выполнена при существующем остром дефиците капиталовложений, при растущей изношенности всей техники в производстве, на транспорте (об этом наглядно свидетельствуют участвовавшие авиакатастрофы), вообще всей инфраструктуры, например в жилищно-коммунальном хозяйстве, вследствие чего каждой зимой замерзают целые города и поселки на Востоке и Севере страны. А что будет, если «нефтяная игла» притупится и не будет давать таких прибылей, как сейчас, когда высокие цены на нефть на мировом рынке достигают 40 долл. за баррель, но вполне могут опуститься до уровня 15 долл. (в 1998 г. цены на нефть упали до 10–12 долл.)? Снижение цен на топливо весьма вероятно, так как войска США и их союзников оказались в Ираке не для того, чтобы ликвидировать мифическую угрозу применения Хусейном химического и бактериологического оружия массового уничтожения (что был вынужден позднее признать руководитель ЦРУ США), а для того, чтобы американские компании наладили в этой стране добычу нефти в больших масштабах (пока им «мешает» иракское сопро-

тивление). В Ираке находятся богатейшие и доступные для разработки запасы нефти, причем там, как и в других странах Персидского залива, себестоимость добычи барреля нефти не превышает 3 долл., в то время как в Западной Сибири она достигает 10 долл., а на севере — 14—16 долл. Экономика «нефтяной трубы» — типичная экономика полукOLONиальной страны, и она не может обеспечить процветания России.

Вернемся к основному *социально-экономическому противоречию*, которое является противоречием между интересами олигархии и работников наемного труда, более того, всего населения страны. В экономической литературе его часто называют вопросом о присвоении «природной ренты» собственниками нефтяных и прочих предприятий, добывающих богатства из недр земли. Вывозимые ими ежегодно за рубеж 20 млрд долл. получены за счет присвоения естественных богатств страны, в том числе нефти, которые должны принадлежать всему народу, и сверхэксплуатации людей наемного труда.

Пример того, как поступает здравомыслящее буржуазное правительство в аналогичных условиях, дает Норвегия. После того как в Северном море были открыты месторождения нефти и начали эксплуатироваться скважины на плавучих платформах, «природная рента», т.е. стоимость добываемого из недр сырья (за вычетом производственных затрат), была присвоена государством, которое использовало эти средства на развитие самых современных в техническом отношении производств, а также на повышение уровня жизни населения при одновременном уменьшении различий в уровне жизни слоев населения. Доход на душу населения в Норвегии в 2002 г. был одним из самых высоких в мире — 37,1 тыс. долл. в год на человека¹. Это выше, чем в Канаде или США, в Германии или Франции. Децильный коэффициент в Норвегии равен 5. Мы не будем здесь касаться вопроса о том, каким образом решило этот вопрос норвежское правительство. Для нас нет сомнений в том, что наиболее разумный способ — национализация «природной ренты», причем при добыче не только нефти, но и других полезных ископаемых.

Основное возражение защитников существующего порядка, адвокатов олигархической системы, состоит в том, что предлагаемое левыми силами повышение минимальной заработной платы

¹ OECD in Figures. 2003. P. 12—13.

до 5 тыс. руб. в месяц, а минимальной пенсии до 3 тыс. руб. немедленно вызовет инфляцию, подорожание товаров и услуг, поскольку на руках у населения окажется больше денег, а суммарная стоимость товаров и услуг останется прежней. Но это возражение несостоятельно, так как сумма товаров и услуг может быть достаточно быстро увеличена. Полученные в результате присвоения «природной ренты» государством средства должны быть употреблены прежде всего на запуск бездействующего производства и обновление его технического уровня в отраслях, которые производят предметы потребления, например: на подъем сельскохозяйственного производства, прежде всего животноводства и птицеводства, при одновременном восстановлении и развитии пищевой промышленности и тем самым количества поступающих на рынок продуктов питания; на возрождение текстильной, швейной, обувной и других отраслей легкой промышленности, что позволит насытить рынок продукцией отечественного производства. Подъем покупательной способности по крайней мере 2/3 населения страны, которое сегодня не может приобрести продукты питания и продукцию легкой промышленности в количествах, удовлетворяющих его потребности, и подъем производства в указанных отраслях промышленности, насыщающих рынок предметами потребления, должны идти параллельно. С этого, кстати говоря, начиналось восстановление производства и подъем жизненного уровня населения в годы нэпа. Один процесс тянет за собой другой. Подъем производства в сельском хозяйстве и в отраслях, производящих товары для населения, вызывает спрос на машины и оборудование, используемые в указанных отраслях, а тем самым подъем машиностроения и других отраслей тяжелой промышленности. Достаточно ознакомиться с историей нэпа в нашей стране и прочесть книгу творца «экономического чуда» в ФРГ Эрхарда, чтобы с учетом современных российских условий выработать такое сочетание роста капиталовложений в промышленность, сельское хозяйство, транспорт с повышением оплаты труда наемных работников и всего населения, при котором можно избежать инфляции. Но для того чтобы осуществить изъятие «природной ренты», а затем разумно использовать эти средства для развития производства и повышения жизненного уровня населения (при одновременном сокращении нынешнего колоссального разрыва в доходах, выражающегося в том, что децильный коэффициент официально равен 14), необходимо *государственное регулирова-*

ние, притом вовсе не обязательно возрождение Госплана. В упоминавшихся выше странах Запада и Востока, идущих по капиталистическому пути развития, госплана нет и не было, а руководящая роль государства осуществляется в иных формах, специфических для каждого государства.

Главный путь развития экономики и социальных отношений — создание основанной на использовании новейших достижений фундаментального и прикладного естествознания, технических наук так называемой промышленности высоких технологий («хай-тек»). Это, безусловно, потребует значительных капиталовложений. Обладающие большими резервными средствами отрасли промышленности (добывающей и др.) не торопятся вкладывать средства в связанные с известным риском предприятия «хай-тек», которым еще предстоит завоевать место под солнцем. Необходима финансовая помощь государства, в том числе в подготовке кадров по новым специальностям. В странах, ставших на путь модернизации промышленности, такая помощь оказывалась, примером чему может служить южнокорейская электронная фирма LG.

Откуда же взять правительству средства для создания новых отраслей промышленности, если российская казна непрерывно сокращает принятые ею же ранее социальные обязательства, руководствуясь устаревшим принципом: «чем меньше вмешиваться в экономику, тем успешнее она будет развиваться»? Ответ на этот вопрос давно дан мировой практикой, опыт которой конкретизируется отечественной наукой применительно к нашим современным условиям. Интеллектуальный потенциал страны, несмотря на его существенное сокращение за годы «реформ», остается достаточно мощным. Но где взять капиталовложения для реструктуризации промышленности и всего народного хозяйства?

Один из важнейших, если не самый главный ответ был нами уже упомянут ранее — это присвоение государством «природной ренты», которая сейчас присваивается дельцами от экономики, прежде всего нефтяными, алюминиевыми и прочими олигархами. Но не только. В работах секретаря Отделения экономики РАН Д.С. Львова дано развернутое научное обоснование путей выхода России из затянувшегося социально-экономического кризиса¹.

¹ См.: *Львов Д. С.* Россияне умирают от экономических реформ // Аргументы и факты. 2004. № 24. С. 4.

Львов делает упор на социальные вопросы. После анализа вопроса о природной ренте он указывает еще на два важнейших пункта предлагаемой им (и в принципе одобренной большинством обществоведов страны) программы. Это отмена крайне несправедливого «*impôt à la tête*» налога с личных доходов всех граждан страны в размере 13% их дохода. Мы уже отмечали, что во всех цивилизованных странах этот налог является дифференцированным. По расчетам Львова, только это мероприятие даст казне дополнительно 7—8 млрд долл. ежегодно и в основном «закроет» проблему бедности. Кроме того, предлагается ввести «нормальный» налог на недвижимость, изменив налогооблагаемую базу. Ныне сотка земли в самых престижных дачных местах Подмосковья, вроде Барвихи или Николиной горы, стоит 30 млн рублей, а с нее берут копеечный налог как с пустыря в глубинке¹.

Все эти меры, если они будут приняты государством, дадут финансовую основу для подлинной модернизации страны, т.е. создания современной высокотехнологичной продукции, способной выдержать конкуренцию на мировом рынке, и одновременно позволяют резко поднять жизненный уровень основной массы населения. Это будет означать существенное изменение таких основных элементов социальной структуры общества, как отношения собственности и распределения материальных благ, т.е. реального изменения социально-классовой структуры общества.

Необходимым условием разрешения противоречия между интересами сросшейся с нынешним госаппаратом олигархии и армии работников наемного труда, а в конечном счете всего населения, является *коренное изменение курса социально-экономической политики государства*. Способно ли его осуществить нынешнее правительство, состоящее в услужении у олигархического капитала? Опыт последнего десятилетия, в том числе первого и начала второго срока правления В. Путина, показал, что нынешнее правительство *не хочет* или *не может* его изменить. На наш взгляд, наступил именно тот период, когда политика получает *первенство* над экономикой. Без прихода к власти политических сил, выражающих интересы людей труда, т.е. подавляющего большинства населения страны, невозможно осуществление столь крутого пово-

¹ Краткое изложение позиции акад. Д.С. Львова дано в «Российской газете» от 20 февр. 2004 г.

рота в политике. Более подробно эти идеи изложены в других трудах автора, к которым мы и отсылаем читателя¹.

До сих пор мы концентрировали внимание на основных классах современного российского общества и противоречии между их коренными интересами. Но автор нисколько не умаляет экономическое и политическое значение находящихся между этими полюсами *средних слоев* общества. Они, во-первых, являются чрезвычайно разнородными по своему социально-экономическому положению, во-вторых, имеют тенденцию к непрерывному росту в годы падения промышленного и сельскохозяйственного производства. Важно отметить, что большинство этих слоев переместилось из сферы производства в сферы торговли и услуг и процесс этот продолжается. По официальным данным, если в 1999 г. производство товаров давало 45,2% ВВП, то в 2003 г. только 40,2%, в то время как удельный вес услуг возрос за этот период с 54,8 до 59,8%². Именно совокупность весьма многочисленных слоев, занятых в основном в сфере услуг, в социологической литературе подчас называют (без достаточных на то оснований) «средним классом».

Мы уже отмечали выше (см. гл. 2) крайнюю неопределенность и многозначность этого понятия. В «среднем классе», состоящем из разнородных слоев общества, принято различать: 1) старые средние слои; 2) новые средние слои. К *старым средним слоям* обычно относят мелких частных производителей, как правило, не эксплуатирующих чужого (наемного) труда. В период нэпа этот слой населения был очень многочислен. В него входили: крестьяне-середняки, т.е. подавляющее большинство крестьянства; весьма многочисленные в городах ремесленники, обслуживавшие клиентуру (ремонт обуви и одежды, починка часов и других не очень сложных механизмов, используемых в домашнем хозяйстве); кустари-одиночки, выносившие на продажу на городские рынки и сельские ярмарки произведенные ими предметы домашней утвари — замки, лопаты и т.д., равно как предметы конной упряжи. Но эти времена давно миновали, и ныне в городе трудно отыскать сапожника-одиночку или мастера-часовщика. Середняки превратились сначала в колхозников, а в настоящее время — в

¹ Руткевич М.Н. Общество как система: Социологические очерки. СПб., 2001; Социальные противоречия современного российского общества. М., 2000.

² Российская газета. 2004. 20 февр.

членов сельскохозяйственных кооперативов, если они не распались, а то и в безработных. Мелкое крестьянское производство преобразовалось либо в натуральное хозяйство на приусадебном участке, либо в фермерское. Часть фермеров с размахом ведет на полученных ими 30—50 и более гектаров капиталистическое товарное хозяйство, нанимая работников, поскольку члены семьи не могут справиться с молочным стадом в несколько десятков голов или сбором урожая технических культур. Эта часть фермерства принадлежит к классу буржуазии, так как постоянно использует наемный труд бывших колхозников. Принятый Госдумой закон о свободной купле-продаже земель сельскохозяйственного назначения как раз имеет целью создание класса новых крупных собственников в деревне. В связи со стагнацией производства быстрее всего росла армия мелких (и крупных) торговцев, причем большинство из них — перекупщики, получающие немалый «приварок» вследствие различия в уровнях цен, например на мешок картофеля или лука у крестьян в близлежащих областях и на столичных рынках или различия цен на мандарины на границе с Абхазией и в российских городах.

К этому же слою относится многочисленная армия «челноков», кочующих между рынками в России и магазинами за рубежом, владельцы которых приспособились к торговле с нашими «челноками» (вывески на русском языке, владение набором необходимых для общения русских слов и т.д.), и просто базарами в Турции, Польше, Китае. Они получают приличную прибыль несмотря на высокую стоимость поездок и взятки пограничникам и таможенникам по обеим сторонам границы. К слою мелкой буржуазии можно также отнести ту часть населения пригородов и ближних к большим городам деревень, которые получают основную часть семейного дохода от продажи излишков произведенной ими продукции (молоко, свежие овощи, ягоды и т.д.) с подворья, от сбора даров природы в лесах (грибы, ягоды, орехи и т.д.) и от сдачи в наем своих домов и сараев дачникам.

Пожалуй, не менее многочисленны *новые средние слои*, в основном состоящие из лиц со средним, а чаще высшим образованием, которые предлагают на специфическом для этих профессий рынке услуги интеллектуального характера. Ранее их причисляли к лицам свободных профессий, и это наименование употребляется по сей день. Данный слой сумел найти выгодное применение

своим способностям и профессиональным навыкам в условиях рыночных отношений. К нему принадлежат частнопрактикующие адвокаты, врачи, журналисты, артисты, преподаватели средних и высших учебных заведений, для которых официальная «служба» в государственных учреждениях стала по сути побочным занятием (либо они вообще ее оставили), поскольку основную часть своего дохода они получают в порядке личных, как правило, скрытых договоренностей по оказанию соответствующих специальности услуг. О частных преподавателях (репетиторах) речь впереди (см. гл. 8), но здесь следует отметить, что их доходы в сотни раз уступают доходам кочующих с одной эстрады на другую популярных артистов, ведущих «громкие» дела известных адвокатов и части журналистов. В этой же сфере «крутится» немало художников, выставляющих свои полотна у решетки филиала Третьяковки на Крымском валу, а также «литературных негров», которые пишут дипломы, диссертации, даже романы для модных авторов, получая от заказчиков немалые гонорары.

К этому слою мы отнесли бы и ту часть служащих в коммерческих предприятиях, с которыми хозяева вынуждены делиться частью прибыли, а также наемный персонал, обслуживающий «новых русских» на дому: водителей, охранников, гувернанток и прочую службу, пользующуюся особым доверием нанимателей, что вознаграждается весьма высоко, особенно в Москве и Санкт-Петербурге.

Нет необходимости перечислять все категории лиц, не состоящих на службе у государства или на предприятиях частного сектора, но успешно «вписавшихся» в систему рыночных отношений и обеспечивающих себя и свою семью, притом в размерах, превосходящих оплату труда наемного персонала промышленных предприятий и тем более «бюджетников». Это действительно «средние слои», ибо они не используют постоянно наемный труд других членов общества.

В определенном смысле к ним принадлежат также те наемные работники, которые продают свой труд на особо привилегированных условиях, т.е. получают от буржуазии частицу ее доходов. Типичными представителями этой категории являются упомянутые выше охранники, которым «новые русские» доверяют свою жизнь и жизнь членов семьи, коттеджи или элитные квартиры с немалыми ценностями, а также служебные помещения с секретными до-

кументами; таковых в стране сотни тысяч. Их хорошо вознаграждать за верность хозяевам.

Мы уже отмечали ранее (см. гл. 2) полную неопределенность и спорность научного значения понятия «средний класс». Авторы, употребляющие этот термин, используют два основных методологических приема. Первый из них можно условно назвать экономико-математическим, второй — социально-психологическим. При первом подходе к «среднему классу» причисляются лица, чей доход можно считать средним в данных социально-экономических условиях страны, региона, города. При втором подходе речь идет не о цифрах реального дохода, а о «самочувствии» респондентов, самооценке их положения в обществе. При этом подходе по умолчанию предполагается, что «среднее» располагается между «крайними» полюсами. Впрочем, в большинстве опросов по данной проблеме социологи в анкете прямо указывают, что насчитывают три «класса», и предлагают опрашиваемому оценить свое материальное положение, статус в обществе по одному из трех предлагаемых вариантов.

Не удивительно, что многие выбирают «среднюю» позицию, ибо не голодают и не нищенствуют, имеют жилье и постоянную работу, хотя на деле могут нуждаться в самом необходимом, вынуждены считать и беречь каждый рубль и плохо представляют себе будущее. По собственному опыту они знают, что вновь будут повышены оплата квартиры, газа, тепло- и электроснабжения, цены на внутригородской и пригородный транспорт, на телефон и почтовые услуги, на лекарства и т.д. Граждане повседневно убеждаются в том, что правительство устранилось от контроля за ценами на продукты, даже на основной продукт питания — хлеб. Люди понимают, что фактическая инфляция ежегодно превышает декларируемые 10–12%, обгоняя рост доходов среднего гражданина страны.

Сначала обсудим, насколько научен первый из упомянутых подходов, обладающий тем несомненным преимуществом, что он позволяет использовать данные переписей населения 1989 и 2002 гг., хотя они не дают распределения работающего населения по видам занятий и по профессиям. Но все же этот подход (в отличие от второго) предоставляет некоторую возможность получить *количественные оценки распределения населения по уровню жизни*, в

частности проверить, насколько обоснованы наши сомнения в официальной оценке уровня бедности населения.

Если руководствоваться международно принятыми критериями бедности (доход менее 4 долл. в сутки на человека), нищеты (доход менее 2 долл.) и крайней нищеты, характерной для наиболее бедных стран «четвертого» мира (1 долл.), то можно сказать, что население России в подавляющем большинстве находится в состоянии бедности. Прожиточный минимум на одного человека, официально установленный в 2003 г. в среднем менее 2 тыс. руб. на человека (в IV квартале 2003 г. несколько более — 2100 руб.), совершенно недостаточен для нормальной жизни, особенно принимая во внимание опережающий рост фактической инфляции. При среднем курсе рубля к доллару в 2003 г. (29:1) ПМ составляет около 70 долл. в месяц, т.е. предоставляет «выбор» между нищетой и бедностью согласно приведенным выше международным критериям. Следует заметить, что различия в исчислении этого условного показателя по регионам очень велики, например правительство Москвы определило ПМ в Москве на IV квартал 2003 г. в размере 2900 руб.

Подойдем к расчетам с другой стороны. Средняя начисленная (до вычета налогов) заработная плата в 2003 г. равнялась 5990 руб., т.е. примерно 200 долл. на одного работающего. При среднем составе семьи из трех человек это дает душевой доход в семьях лиц наемного труда примерно 70 долл. в месяц. Средняя пенсия равнялась в этом же году 1637 руб., т.е. несколько менее 60 долл. в месяц. Такова усредненная картина, она неточно отображает реальность, поскольку в ней «смазана» дифференциация населения по доходам: подверглись усреднению как сверхдоходы менеджеров крупных компаний, которые составляют десятки и сотни тысяч долларов в месяц, так и доходы лиц, получающих минимальную зарплату и минимальную пенсию в 600 руб. Это в большинстве своем сельские жители, члены давно распавшихся колхозов, существующие в основном за счет натурального хозяйства. Подлинная картина масштабов бедности и нищеты может быть получена только при анализе доходов по группам населения. Но при любых научных подсчетах цифра, приводимая бывшим заместителем Председателя Правительства Г. Кареловой (бедных — треть населения), представляется заниженной, не говоря уже о 20% (29 млн человек), на которые ссылался В. Путин в своих предвыборных выступлениях.

Точно так же, обсуждая доходы пенсионеров, нужно исходить из дифференцированной картины. При средней пенсии 1637 руб. примерно 10% пенсионеров продолжают работать и имеют вместе с пенсией доход, близкий к среднему по отрасли, где они ранее были заняты. Еще примерно 10% пенсионеров — это бывшие высокооплачиваемые чиновники («государственные служащие»), которым государство обеспечивает высокие пенсии и солидные «невидимые» доплаты, например бесплатное лечение и отдых в привилегированных санаторно-курортных учреждениях. В эти же 10% входят старшие офицеры и генералы в отставке всех ведомств, а также инвалиды и участники Великой Отечественной войны и иных войн. Они вполне заслуженно получают пенсию, приближающуюся к средней заработной плате, но их удельный вес в составе пенсионеров уменьшается из года в год; так к началу 2004 г. осталось всего 1100 тыс. участников этой войны, и их численность тает по естественным причинам. Если определить с учетом этих исключений среднюю пенсию оставшихся 80% пенсионеров, получим примерно 1200–1300 руб., т.е. 40–45 долл. в месяц, а это уже менее 2 долл. в день на человека, т.е. *за пределами критерия нищеты*. Но именно эта категория населения более всего нуждается в приобретении лекарственных средств, которые стали чрезвычайно дороги и цены на которые не регулируются государством. Это определяет высокий уровень смертности среди граждан пожилого возраста, что существенно сказывается на общих показателях смертности населения и темпах убывания его численности (см. гл. 8).

Обратимся теперь к дифференциации доходов среди населения страны в целом. При этих подсчетах следует учитывать, что пять месяцев в году длятся 31 день и, что более важно, примерно 10% населения получает «северные надбавки», тогда как цены на продукты на Камчатке и Сахалине, не говоря уже о Таймыре или Чукотке, выше средних не менее чем в 2 раза, так что разница не покрывается указанными надбавками.

В 2003 г. 18,3% населения имели доход менее 2000 руб. в месяц на человека (2 долл. в сутки дает при 30 днях в месяц 1800 руб., но надо учесть сказанное выше), что означает *нищету*. Возможно, этот процент несколько ниже, так как местные власти, определяя доход от домашнего хозяйства, не полностью учитывают скрытую от глаз часть доходов от этого хозяйства, поскольку овощи с грядки или молоко от коровы потребляются семьей ежедневно. Доход

в размере от 2 тыс. до 5 тыс. руб. на человека (от 2 до 4 долл. в сутки; с учетом сказанного ранее это дает основание установить верхнюю планку на отметке 5 тыс. руб.) имели в 2003 г. 44,8% населения, что *ниже порога бедности*. В сумме это дает более 63%, т.е. около двух третей населения страны. Таким образом, население богатейшей по своим природным ресурсам страны в своем *большинстве пребывает в состоянии бедности, а значительная часть — в нищете*. В то же время доход свыше 7 тыс. руб. на человека имели 21,5% населения. Эта масса тоже достаточно разнородна. В целом на верхние 20% населения приходится 46,1% всех доходов¹. Если отнести «верхний» десятый дециль, т.е. 10% населения, к богатым, что вполне приемлемо при децильном коэффициенте свыше 14, а следующий, девятый дециль просто к «обеспеченным» людям, то на долю «среднего класса» останется примерно 25–27%, т.е. примерно четверть населения страны.

Поэтому нам представляется неприемлемым часто повторяемый тезис: «мы — бедная страна». Правильнее говорить о *растущем разрыве между бедностью большинства и богатством меньшинства населения России*.

Что касается второго из упомянутых подходов, общая оценка его была нами дана ранее (см. гл. 3). Но здесь следует внести добавления, чтобы показать, какой простор для *субъективной* оценки дает этот метод, основанный на опросе населения. Действительно, общеизвестно, что ответы респондентов в значительной, если не определяющей мере зависят от выборки и от постановки вопросов в анкете. Поэтому не приходится удивляться разному в оценках известных социологических центров, данных в одно и то же время, а именно в начале 2004 г., по такому достаточно неопределенному вопросу, как границы «среднего класса». Так, при опросе населения сотрудниками Института конкретных социальных исследований оказалось, что «средний класс» растет и достиг половины населения страны. Правда, в этом исследовании 50% занятых в бюджетной сфере попадают в «средний класс», поскольку имеют высокий уровень образования². Совсем иная картина рисуется сотрудниками Фонда «Общественное мнение», который определяет принадлежность к этому «классу» по обширной совокупности признаков, но при этом первые три места занима-

¹ Социально-экономическое положение России. С. 219.

² Кларисс М. Классовая убыль // Российская газета. 2004. 13 февр. С. 5.

ют: «достаток, материальное благополучие», «уровень жизни, доход» и «работа и заработная плата», т.е. вполне материальные факторы. Большинство опрошенных определило границы «среднего класса» суммами доходов от 5 тыс. до 20 тыс. руб. в месяц. Согласно этому опросу, к среднему классу относит себя «уже не пятая, а третья часть населения России»¹. Это несколько ближе к истине, но налицо расхождение с нашими подсчетами, основанными на применении международных критериев. Оно объясняется двумя причинами. В о - п е р в ы х, среди критериев, выдвинутых Фондом, не последняя роль принадлежит следующему: «люди, наделенные положительными качествами» (в Москве этот критерий назвали 11% опрошенных). В о - в т о р ы х, и это главное, постепенное повышение уровня жизни в последние три года и постоянные обещания властей его роста в ближайшем будущем вселяют в людей известный оптимизм, поэтому *ожидания* несколько обгоняют *реальное положение*. В целом, не считая работу коллег в этом направлении напрасной, мы рассматриваем получаемые методом опроса данные о принадлежности к «среднему классу» как социально-психологическую оценку реального социально-экономического положения.

Причина бедности большинства населения России не является тайной ни для отечественных, ни для зарубежных экспертов в области экономики, социологии, политологии. Многолетний, при содействии государственной власти, грабеж страны олигархами, вывозящими ежегодно сверхприбыли в объеме 10–20 млрд долл. за границу, обусловливает, с одной стороны, катастрофический недостаток капитальных вложений в народное хозяйство, прежде всего в передовые в техническом отношении отрасли, а с другой – крайне низкий уровень оплаты труда наемных работников.

В странах Западной Европы высокий уровень организованности (через профсоюзы) и мощное влияние левых партий позволили изменить распределение национального дохода. Зарботная плата людей наемного труда составляет в Швеции, Франции, Германии и т.д. половину и более национального дохода, в то время как в России менее 20%. Только при условии изъятия у олигархов этих сверхдоходов в пользу общества оплата труда и пенсий может быть в краткий срок увеличена без роста инфляции в 2–3 раза, что в корне изменит материальное положение людей, создаст массо-

¹ Яковлева Е. Билет в средний класс // Российская газета. 2004. 9 февр. С. 4.

вый спрос на товары отечественного производства, а это, в свою очередь, послужит стимулом для роста производства в легкой, пищевой и других отраслях промышленности и в сельском хозяйстве. Это, безусловно, будет стимулировать рост машиностроения, металлургии всех отраслей тяжелой промышленности и строительства. Достаточно открыть литературу по истории нэпа в СССР или ознакомиться с трудами Л. Эрхарда, творца «экономического чуда» в ФРГ после проигранной Германией Второй мировой войны, чтобы убедиться в реалистичности этого пути. Общий хозяйственный подъем позволит сдвинуть наконец с места «жилищный вопрос» и сориентировать основную массу людей молодого возраста на создание семьи в возрасте до 25–30 лет и «производство» 2–3 детей в семье. Предвосхищая содержание гл. 8, заметим, что только с изменением жизненных условий *массы населения* возможно постепенное преодоление демографического кризиса.

В. Путин в 1999 г., еще до первого своего избрания на пост Президента страны, выдвинул тезис о необходимости обеспечить ежегодный устойчивый рост ВВП по меньшей мере на 10%. На протяжении первого срока президентства эта задача не была выполнена. В Послании Федеральному Собранию 2004 г. он повторил этот тезис, на сей раз умолчав о развитии отраслей, основанных на применении передовых технологий, в которых находят осуществление последние достижения науки.

Мы вполне согласны с Президентом в постановке задач повышения уровня жизни, развития медицинского обслуживания и образования. Но реально ли их выполнение при сохранении традиционного курса социально-экономической политики? Премьер М. Фрадков уверен, что без модернизации производства указанная задача неразрешима¹. Пока признаков изменения этого курса не чувствуется. В предвыборных выступлениях Президента (в отличие от программных выступлений таких партий, как КПРФ или избирательного блока «Родина») об этом не говорилось ни слова. Весьма знаменательно, что даже спикер Совета Федерации С. Миронов, возглавляющий явно пропрезидентскую «Партию жизни», в предвыборных выступлениях в 2003 г. заявлял о необходимости изыятия «природной ренты»², о чем уже говорилось выше.

¹ Выступление на заседании кабинета министров в августе 2004 г.

² Выступление по телеканалу «Россия». 2004. 10 февр.

После ликвидации последствий «дефолта» 1998 г. 5–7% роста ВВП обеспечивался сверхвысокими ценами на нефть на мировом рынке. «Стабилизационный фонд», о котором постоянно говорит министр финансов А. Кудрин, не выдержит резкого снижения цен на нефть, да и вообще на «экономике нефтяной трубы» в нашу эпоху высоких технологий далеко не уедешь.

Пока подавляющее большинство отраслей отечественной промышленности не развивается или развивается очень низкими темпами из-за недостатка капитальных вложений при износе основных фондов и ограниченности внутреннего спроса, а ряд важнейших отраслей испытывает спад. Так, при общем увеличении объемов промышленного производства в 2003 г. на 7% (топливной отрасли на 9,3%) лесная и лесобрабатывающая промышленность (при громадных лесных ресурсах России!) дала рост всего на 1,5 %, медицинская (при господстве на рынке зарубежных лекарств) на 2,6%, в то время как легкая промышленность, вытесняемая импортом, сократила производство на 2,3%, мукомольная на 1,5%, полиграфическая на 2,5%, микробиологическая на 18% и т.д.¹. Причина понятна — нефтяные, газовые и прочие олигархии предпочитают присваивать «природную ренту» и вывозить миллиарды долларов за рубеж, а не вкладывать в развитие отраслей высокой технологии внутри страны.

Таким образом, только при условии *коренного изменения социально-экономической политики правительства, в том числе принятия внутренне согласованной системы мер, направленных на коренную реструктуризацию производства и повышение жизненного уровня большинства населения*, возможно осуществление тех целей, о которых неоднократно заявляло первое лицо страны.

Глава 8. Изменения в социально-демографической структуре российского общества

Выше (см. введение) уже было сказано о процессе воспроизводства рода как необходимой стороне жизни общества, без которой продолжение существования человеческого рода и отдельных социумов невозможно. Возникающие в этом процессе

¹ Социально-экономическое положение России. С. 19.

структурные изменения (см. гл. 3) были нами названы *социально-демографическими*, поскольку они включают в себя **все** стороны, аспекты, области взаимоотношений, складывающихся между полами, с одной стороны, и поколениями — с другой. В последнее время особое внимание социологов привлекают отношения между полами, что нашло выражение в появлении гендерной социологии¹.

Наиболее острой проблемой воспроизводства населения страны является преобладание смертности населения над рождаемостью, что выражается в сокращении численности населения РФ и балансе миграции населения, которая частично восполняет указанную естественную убыль, но порождает много острых проблем, в том числе в национальных взаимоотношениях.

Начнем с чисто демографической стороны вопроса — принятых в демографии способах измерения полового состава и роста (убыли) населения по естественным причинам. Мы полагаем, что общепринятый графический способ естественного процесса воспроизводства населения известен читателю. Ограничимся его словесным описанием.

Графическим аналогом этой структуры при нормальных условиях является своеобразная «елочка», горизонтальными ветвями которой являются показатели численности мужчин (слева) и женщин (справа) каждого года рождения. Как и полагается елочке, при стабильном воспроизводстве населения она начинается с широкого основания и постепенно сужается по мере приближения к верхушке. Принципиальные различия в структуре демографической «елочки» для той или иной страны возникают в зависимости от типа воспроизводства населения и таких «привходящих обстоятельств», как война, голод и т.д. Для слаборазвитых стран «третьего мира», сохраняющих (в большей или меньшей степени) характерный для традиционного общества высокий уровень фертильности (количество детей, рождаемых в среднем одной женщиной) женщин в возрасте 15–45 лет и соответственно высокий уровень рождаемости, ее основание оказывается очень широким. Так, в некоторых странах Черной Африки у одной женщины рождается в среднем 6 детей. Но одновременно высокая смертность, особенно

¹ См., например: *Силласте Г.Г.* Социология гендерная // Социологическая энциклопедия. Т. 2. М., 2003. С. 518–521.

детская, приводит к быстрому убыванию длины горизонтальных ветвей и сокращению предполагаемой средней продолжительности жизни, вследствие чего наше условное дерево становится меньше по высоте, приземистей.

В развитых странах Запада наблюдается совершенно иная картина. В наиболее благополучных из них (в демографическом отношении) коэффициент фертильности несколько превышает отметку 2, что обеспечивает в основном простое воспроизводство населения. При низкой младенческой смертности (в скандинавских странах всего лишь 4–5 малышей из 1000 родившихся умирает на первом году жизни) и значительной продолжительности жизни график приобретает иную конфигурацию: при сужающемся диаметре основания «елочка» вытягивается постепенно вверх вследствие повышения средней продолжительности жизни до 75–80 лет. Известно, что «средняя продолжительность жизни» является полезной, но вместе с тем условной величиной: она исчисляется для родившихся в каждом данном году в предположении, что на протяжении жизни этого поколения, т.е. для лиц, в этом году родившихся, будут сохраняться показатели смертности, существующие при их появлении на свет.

И в том, и в другом случае сохраняются две общие особенности, связанные, по-видимому, с биологическими причинами: мальчиков рождается больше, чем девочек, поэтому правая сторона основания демографической «елочки» несколько шире (примерно до возраста 20 лет) левой; средняя продолжительность жизни у женщин несколько больше, чем у мужчин, что обуславливает более широкую, утолщенную часть правой верхушки демографической «елочки».

В Советском Союзе после Гражданской войны и до начала Великой Отечественной войны наблюдалось, как и в дореволюционной России, *расширенное* воспроизводство населения, т.е. его устойчивый постоянный рост, связанный с традиционным укладом жизни, многодетностью крестьянских семейств (крестьянство составляло до 80% населения страны). Многодетность была присуща также купечеству, мещанству и дворянству, что поощрялось православной религией (аборт в любой религии почитался грехом). Основание «елочки» было широким. В СССР эта картина постепенно эволюционировала. Гражданская война и связанные

с ней разруха в хозяйстве страны и голод, затем коллективизация и массовые репрессии, породившие массу заключенных (в основном мужчин) и переселенцев из деревень, в том числе вследствие раскулачивания, — все эти события затронули основную часть населения и резко нарушили нормальный ход его воспроизводства. Особо тяжелыми в демографическом отношении оказались годы и последствия Великой Отечественной войны, в ходе которой погибло 27 млн человек и нарушилось соотношение между полами из-за гибели цвета мужского населения на фронтах и в немецком плену. По этой же причине численность так называемых «неродившихся» исчислялась миллионами.

В результате этих событий от нормальной «елочки» — диаграммы воспроизводства населения — в СССР осталось очень немногое. Глубокие «ямы», «шрамы» придали ей ступенчатость. Так, в диаграмме за 1989 г. наблюдаются резкий всплеск численности населения обоих полов в возрасте от 25 до 40 лет, резкое падение, «провалы» в возрасте от 40 до 50 лет и в возрасте 65—70 лет. Последний «провал» непосредственно обусловлен большим числом умерших и неродившихся в период Великой Отечественной войны; второй — с интервалом в 20 лет — является «волной», следствием первого, так как вступление в брак и рождение детей у малочисленного военного поколения сказались через поколение, а всплеск численности населения в возрасте 25—40 лет объясняется ростом рождаемости в послевоенные годы. В диаграмме за 2003 г. первый из указанных спадов в основном ушел «за горизонт» вследствие вымирания военного поколения, а второй сместился на возрастную группу от 55 до 70 лет, в то время как указанный выше всплеск, также в сократившемся размере, пришелся на возрастные группы от 40 до 55 лет¹.

Несмотря на чудовищные потери населения в СССР и их долговременные последствия (по сравнению с другими воевавшими странами, людские потери которых во время Второй мировой войны были несоизмеримы с потерями, понесенными советским народом), полностью деформировавшие демографическую диаграмму, на основе растущего материального благосостояния населения демографическая ситуация в СССР к концу 1980-х гг. начала выправляться, притом на уровне, обеспечивавшем *расширенное* воспроизводство населения. Население СССР возросло с 241,7 млн в

¹ См.: Российский статистический ежегодник. М., 2003. С. 94.

1970 г. до 262,4 млн в 1979 г. (рост на 8,56% за 9 лет) и далее до 286,7 млн в 1989 г. (рост 9,03% за 10 лет), т.е. около 1% в год. В РСФСР (и двух других славянских республиках) в 1980-е гг. население увеличивалось несколько более низкими темпами — на 7,76%, что отчасти связано с миграцией русского населения в другие регионы страны. Средняя продолжительность жизни в СССР после войны достигла 69,5 лет (74,5 для женщин, 64,6 для мужчин), что в 2 с лишним раза больше, чем в конце XIX в.¹, но значительно ниже, чем в развитых странах Запада.

О динамике демографических показателей собственно по русскому населению можно (поскольку значительную часть населения составляли иные этносы, в том числе характеризующиеся высокой рождаемостью традиционного общества) судить косвенно по тому факту, что в РСФСР происходило постепенное снижение уровня рождаемости: с 15,9 в 1980 г. до 14,6 в 1989 г., но это частично компенсировалось снижением смертности в тот же период с 11,0 до 10,7 на 1000 населения². Тем не менее естественный прирост на 1000 человек составил в РСФСР в 1989 г. 3,9, что обеспечивало расширенное воспроизводство населения в дальнейшем, если бы в это время не начались бурные события в политической и экономической жизни страны, в корне изменившие демографическую ситуацию и перспективы ее развития на ближайшие десятилетия.

В ходе распада СССР и с первых шагов «демократического» правления Ельцина в России произошло *резкое сокращение рождаемости и еще более впечатляющий рост смертности населения*. Объяснения депопуляции, принявшей вскоре характер подлинной *демографической катастрофы*, теми же причинами, что характерны для большинства благополучных развитых стран Запада (а там депопуляция тоже имеет место, но в гораздо меньших масштабах, чем в России, и далеко не во всех странах — коэффициент фертильности в Исландии, Ирландии, Новой Зеландии, Швеции, США и др. превышает значение 2)³, не выдерживают критики. Предпринимаемые некоторыми отечественными демографами попытки представить сложившуюся в России демографическую ситуацию как некую *«общецивилизационную закономерность»* могут объяснить снижение рождаемости в нашей стране не более чем

¹ Народное хозяйство СССР в 1989 г. С. 17, 43.

² Там же. С. 17, 38.

³ OECD in Figures. 2003. P. 6–7.

на 10–15%. В странах Запада (в том числе и не упомянутых выше, с невысокой рождаемостью) *не* происходило резкого падения жизненного уровня населения, *не* возрастала, а уменьшалась повозрастная и особенно детская смертность, *не* сокращалась, а возрастала средняя продолжительность жизни, тогда как в России одновременно с падением рождаемости наблюдался рост смертности и соответственно уменьшение предполагаемой средней продолжительности жизни. Следовательно, для рационального объяснения положения, сложившегося в России в конце XX — начале XXI в., нужен анализ конкретной ситуации, а он невозможен без обращения к социальным причинам, *породившим эту уникальную ситуацию*, а следовательно, обращения от демографии как таковой к *социальной демографии*.

Для наглядности следует еще раз обратиться к рассмотренной выше демографической диаграмме, чтобы указать на явные *деформации демографической структуры населения* в период «реформ», т.е. с начала 1990-х гг., и «модернизации» с начала нового столетия.

В о - п е р в ы х, резко убывает «основание» демографического «дерева». Поскольку *падение рождаемости* продолжается уже более 14 лет, наша «елочка» становится все более похожа на стоящий вертикально овал с узким основанием, расширяющимся вверх до определенного предела (с зигзагами, о которых шла речь) и последующим превращением в быстро утончающуюся, постепенно исчезающую «палочку».

В о - в т о р ы х, существенно выросла *диспропорция между численностью мужчин и женщин*. На демографической диаграмме этот факт находит выражение в том, что овал перерастает наверху в асимметричный, сокращающийся в объеме «хвостик». Он асимметричен потому, что правая (мужская) часть диаграммы «усыхает» значительно быстрее левой (женской) из-за возрастающего различия в продолжительности жизни полов. Эта разница и в СССР была существенно выше, чем в развитых странах Запада, составляя более 10 лет в 1978 и 9,4 года в 1989 г. Но в период «демократических реформ», начавшихся с «освобождения» цен и ликвидации вкладов населения в Сбербанке, массового закрытия предприятий, растущей безработицы, падения жизненного уровня населения и т.д., деморализация более сказалась на мужчинах, они стали заглушать жизненные невзгоды старым испытанным способом — алкоголем, что — в числе других причин — привело к

существенному сокращению продолжительности жизни мужчин. В результате рассматриваемая разница в сроках жизни стала возрастать, и к 2000 г. достигла 13,2 лет, а в 2003 г. — 13,4¹.

В-третьих, что прямо связано с предшествующим, указанная диспропорция на верхнем этаже нашего условного «дерева» имела своей главной причиной *повышенную смертность* мужского населения в возрасте от 18 до 50 лет, т.е. в молодом и среднем возрастах. Графически это находит выражение в растущем ежегодно «выеме» в левой средней части демографического дерева, что приводит к резкому понижению средней ожидаемой жизни граждан мужского пола. Нынешний средний возраст дожития мужчин составляет 58,6 лет², что на полтора года меньше официально утвержденного выхода на пенсию в 60 лет для подавляющего большинства работающих мужчин (кроме летного состава, работающих под землей шахтеров, лиц, проживающих в особо тяжелых климатических условиях Севера, и т.п.).

Косвенное подтверждение массовой гибели мужчин цветущего возраста можно найти в статистике причин смертности. Долгие годы на первом месте среди причин смертности населения находились (и находятся) сердечно-сосудистые заболевания, на втором — новообразования (опухоли ракового происхождения). Но в начале XXI в. на второе место уже вышла совокупность «неестественных» причин, в которую входят: несчастные случаи на дорогах и на производстве, отравления алкоголем и наркотиками, травмы, убийства и самоубийства³. Это непосредственно связано с повальным пьянством значительной части мужского населения, особенно в сельской местности. Россия вышла на первое место в мире по потреблению алкоголя на душу населения — 19 л в год в пересчете на спирт. Травмы и убийства на дорогах и на улицах городов, непосредственно в квартирах при пьяных разборках и вторжении криминальных элементов, убийства «по заказу», гибель при ссоре между собой счетов бандитов разных мастей, самоубийства по причине разочарования в жизни среди бездомных, бродяг, низкооплачиваемых слоев населения, запутавшихся в делах и поставленных «на счетчик» бизнесменов и т.д. — все это преимущественно ка-

¹ Россия в цифрах. 2004. С. 70.

² Там же.

³ Там же.

сается мужчин молодого и среднего возраста, хотя сказывается в определенной степени на жизни *всех* граждан, даже детей, похищаемых с целью выкупа или уходящих бродяжничать из семьи.

Эти причины в основном имеют *социальный характер*. Они порождены безработицей, неустроенностью личной жизни, плохим питанием и общими условиями существования, особенно отсутствием жилья, невозможностью содержать семью и т.д. Среди молодежи важным фактором неустроенности является закрытие тысяч предприятий, где молодые люди, даже подростки, могли сразу после обучения в ПТУ найти работу с приличным заработком. Теперь они вынуждены перебиваться случайными заработками на рынках и улицах городов. Наблюдая обеспеченную жизнь криминалитета, крупных чиновников и бизнесменов, посещающих недоступные для них кафе, клубы, рестораны и сидящих за рулем иномарок, они испытывают чувства разочарования в жизни и протеста, которые подогреваются безудержной рекламой на телевидении дорогих товаров и пропагандой жестокости, насилия, обмана, убийства.

Эти причины стимулируют стремление части молодежи добывать деньги на алкоголь и наркотики, в том числе уголовно наказуемыми средствами. В результате происходит массовое вовлечение подростков, молодежи в криминальные группы, а девушек и молодых женщин в проституцию. Но «кривые дорожки» рано или поздно приводят к аресту и водворению в места заключения, где несмотря на смягчение ряда статей Уголовного кодекса и широкое применение мер условного наказания, а также объявление ряда амнистий находится более 800 тыс. человек, причем 90% тюремного населения — мужчины. Проходя там соответствующую «школу», многие освобожденные из лагерей и тюрем вскоре совершают новое преступление и становятся постоянными (с небольшими перерывами) «сидельцами». Таким образом, значительная часть мужского, а также некоторая часть женского населения страны в возрасте, когда создаются семьи и забота о воспитании потомства становится первейшей обязанностью гражданина, как бы «выбывает из игры», не только преждевременно стареет и умирает, но и перестает участвовать в процессе воспроизводства населения.

Криминализация общества существенно влияет на демографические процессы. Этот факт общепризнан общественностью и

органами правопорядка. Но принимаемые последними меры пока не дают заметного эффекта, так как не устраняют социальных причин криминализации. Число преступлений в 2003 г., по данным, приведенным в докладе Генерального прокурора РФ В. Устинова, составило 3 млн случаев, из которых более трети остались нераскрытыми. По словам генерала МВД В. Гордиенко, в России «фиксируется 34 убийства на 100 тыс. населения»¹. Здесь РФ вышла на первое место в мире (в США только 10, в европейских странах меньше). Так, при объяснении причин деформации демографической картины общества мы поневоле перешли к *социальным* причинам этих деформаций, а тем самым к анализу *социально-демографической структуры в ее динамике*.

Если обрисовать эти причины кратко, то надо выделить главную — это *трансформация* раннего социалистического общества в СССР в периферийное капиталистическое общество в РФ, выполняющее в мировом хозяйстве функцию энергетически-сырьевого придатка развитых капиталистических стран Запада, и те поистине варварские, грабительские *методы*, которыми эта трансформация осуществлялась отечественными «демократами» по указке и под контролем мирового капитала во главе с США.

В гл. 7 мы писали об этом, в частности об изменениях в социально-классовой структуре общества, которыми сопровождалась указанная трансформация, и сформулировали основной тезис, что социальные, в том числе социально-демографические последствия этой трансформации и методов ее проведения в жизнь могут быть ликвидированы только на основе *коренного изменения социально-экономического курса* правящих ныне в стране кругов, при этом для достижения значимого эффекта в социально-демографической сфере они потребуют немалого времени, ряда поколений. Дело в том, что воспроизводство населения — это *массовый процесс*, в котором принимает участие все население страны. В нем неразрывно связаны, сплетены воедино материальные и духовные факторы. Ф. Энгельс писал (об этом было сказано во введении), что решающая роль в данном процессе принадлежит *материальным* факторам, поскольку появление на свет потомства само по себе материальный процесс. Но не только поэтому. Вскармливание младенца, заботы о его здоровье, росте, о том, чтобы накор-

¹ Правда России. 2004. № 6. С. 10.

мить, обуоть, одеть ребенка, потом подростка, обеспечить условия для посещения им школы и т.д., требуют не только родительской ласки и повседневного внимания, но и крупных материальных затрат. Последние же прямо определяются душевым доходом, т.е. относятся к материальной стороне жизни семьи как ячейки общества, призванной осуществлять процесс воспроизводства населения.

Пока в стране царят бедность и нищета, рождаемость останется низкой, смертность высокой и нормальный ход воспроизводства населения не будет восстановлен.

Формы семьи изменялись под воздействием изменений в способе производства, но из этого не следует, что их развитие не обладает *относительной самостоятельностью и большой устойчивостью*. Например, парный брак, отчасти под влиянием христианской религии, более 2 тыс. лет существует в странах Европы, дополняясь супружескими изменами и проституцией, а за это время в Европе не раз сменились «общественные порядки». И в современной в России парный брак является основой для появления и воспитания потомства, хотя сейчас весьма распространены случаи, когда детей оставляют на произвол судьбы (и сразу после родов, и через некоторое время), т.е. беспризорными и безнадзорными, и общество в лице государства вынуждено брать на себя заботу по их содержанию и воспитанию. Общая численность детей-сирот, а также детей и подростков, оставшихся без попечения родителей, составила, по данным официальной статистики, в 2002 г. более 700 тыс.; из них находилось в интернатах 186 тыс., было передано на воспитание в семьи под опеку 360 тыс. и на усыновление 155 тыс.¹. Но в это число не вошли беспризорные дети и подростки, численность которых, например, только в Москве — на улицах, в подземных переходах, на чердаках и в подвалах жилых и брошенных жильцами по ветхости домов — оценивается милицескими органами в 30–40 тыс. Несовершенство статистического учета заставляет и в данном случае ссылаться на сведения, публикуемые в массовой печати, где число сирот в стране в целом оценивается в 2 млн. Москва служит центром притяжения этого «контингента» для всех центральных областей России и не только; здесь скопилось немало подростков из дальних регионов РФ и бывших союзных республик. Во всех крупных городах страны

¹ Россия в цифрах. 2003. С. 50.

имеются свои устойчивые «колонии» беспризорных, поэтому оценки общего их числа, которые дают органы МВД, представляются нам более чем приблизительными, в целом же преуменьшенными.

Число детей и подростков, оставленных родителями, — это только часть общей бедственной картины положения детей в современной России. По словам бывшего вице-премьера по социальным вопросам Г. Кареловой, в бедности пребывает *треть* населения России (мы уже отмечали ранее, что официальные данные являются преуменьшенными), но среди детей — *половина*; пропорция ею схвачена верно.

Многодетная семья принадлежит, как правило, к слою тех бедняков, которые имеют душевой доход ниже прожиточного минимума. Денежные расходы на образование в домашних хозяйствах, имеющих детей до 16 лет, составляли в семьях с одним ребенком в 2001 г. 316 руб., а в семьях с 4 детьми 135 руб.; поделив последнюю цифру на 4, получаем, что на одного ребенка в многодетных семьях приходилось... 34 руб. затрат на образование, т.е. в 9 раз меньше, чем в семьях с одним ребенком. Матери-одиночки получают пособие от государства на одного ребенка в размере... 70 руб. Устроиться хотя бы на среднеоплачиваемую работу, тем более иметь средства на найм няньки или сиделки к больному ребенку подавляющее их большинство не в состоянии; выручает иногда бабушка-пенсионерка (если таковая имеется). В бедности пребывает обширная категория матерей-одиночек — женщин молодых и средних лет, имеющих хотя бы одного ребенка, причем их численность быстро возрастает из-за непрочности брачных связей. Свидетельством этому является динамика браков и разводов. Если в 1989 г. в СССР на 9,4 брака приходилось 3,4 развода, т.е. разводов было почти в 3 раза меньше, чем браков, то в 1992 г., когда разруха в экономике только начиналась, на 7,1 брака в РФ приходилось 4,3 развода, а через 10 лет, в 2003 г., на 7,6 брака уже 5,6 разводов; соотношение 1,36:1,0¹. Вне брака в 2002 г. родилось 400 тыс. детей, т.е. около 30% их общего числа. Недалеко то время, когда количества браков и разводов сравниваются, а численность внебрачных детей возрастет до 40%. Редкий брак обходится без рождения хотя бы одного ребенка, а рождение ребенка вне брака сразу оставляет

¹ Народное хозяйство СССР в 1989 г. С. 37; Россия в цифрах. 2004. С. 71.

мать одиночкой, резко уменьшая шансы замужества. Общая тенденция состоит в росте (абсолютном и относительном) численности матерей-одиночек, что не может не усугублять общую картину малодетности и бедственного положения значительной и возрастающей части будущих граждан страны, идущих на смену ныне живущему поколению.

О безрадостном положении «детского населения» страны свидетельствует также приблизительная оценка числа детей, не посещающих школу, — около 6 млн¹. Этому способствует продолжающаяся ликвидация малокомплектных школ в деревне (в 2003 г. было упразднено более 1000 таких школ), что не может не увеличивать численность детей, не охваченных школьным обучением. Надежда на подвоз детей и подростков из малонаселенных сельских поселений, где содержание школ действительно нерентабельно, на американский манер школьными автобусами реализуется в очень малой степени из-за отсутствия средств на приобретение транспортных средств у органов образования и местных властей, а также непроезжего для автотранспорта состояния дорог в течение полугода в значительной части страны. Плоды подобного «просвещения» наглядно дают о себе знать при призыве в армию из деревни, где отсрочку дают немногим. Даже в Московском военном округе, охватывающем центр страны, приходится создавать в первые месяцы службы подразделения из безграмотных и малограмотных солдат, которых приходится в 18–20 лет учить грамоте и четырем действиям арифметики, что необходимо для овладения хотя бы простейшей военной техникой.

Обрисованная картина положения молодого поколения касается только одного, *доминирующего* полюса российского общества. На другом полюсе, несравненно меньшем по численности принадлежащих к нему людей, наблюдается противоположная картина. Дети из этой среды выбывают из неполной средней (основной) школы только в особых случаях, например тяжелой болезни. Нормой для этой категории семей является получение подростками полного среднего, а в подавляющем большинстве и высшего образования. Но это стоит больших денег. В старших (10–11) классах школ резко возрастают расходы родителей на обучение. Они платят за учебники и учебные пособия (раньше школьники получали их бесплатно!), так называемые ДОУ (дополнитель-

¹ Интервью Г. Зюганова // Правда России. 2004. № 6. С. 2.

ные образовательные услуги), разного рода экскурсии, в том числе за границу, и т.д. Эти расходы по силам только весьма обеспеченным семьям — «верхним» 10–20% населения, имеющим, как правило, одного, реже двух детей школьного возраста. Те, кто побогаче, отдают свои чада в частные средние учебные заведения, где плата за обучение (в зависимости от качества преподавания и обилия дополнительных услуг вплоть до обучения фехтованию, современным танцам и верховой езде) составляет 300–500 долл. в месяц и более.

Количество частных средних общеобразовательных учебных заведений неуклонно растет, и в 2003 г. достигло 707, где обучались 69 тыс. учащихся¹. Многие обеспеченные семьи предпочитают определять подрастающее поколение в проверенные временем государственные гимназии и лицеи, традиционно дающие высокое качество подготовки по одному из трех профилей (физико-математический, химико-биологический, гуманитарный), поскольку имеют давно налаженные связи с первоклассными вузами и факультетами избранного профиля. Так, Бауманский государственный технический университет имеет многолетние связи с 200 школами Москвы, где тщательно отбирает наиболее способных будущих студентов. Учащиеся старших классов, сориентированные на поступление в вуз, вынуждены пользоваться услугами репетиторов, которыми, как правило, оказываются преподаватели тех же вузов. Доходы репетиторов, т.е. по сути мелких частных предпринимателей в сфере образования, никто точно не измерял, но они оцениваются примерно в 1,5 млрд долл. в год. Наконец, высшее образование несмотря на эксперименты Минобразования с Единым государственным экзаменом (ЕГЭ) становится в возрастающей мере доступным только для потомства тех, у кого толстые кошельки. Впрочем, исключения составляют талантливые ребята, отобранные во время конкурсов и олимпиад; их принимают без экзаменов. Однако до 30% первокурсников, принятых в 2003 г. в Российский университет дружбы народов и в Высшую школу экономики по результатам ЕГЭ, не явились на занятия из-за материальных трудностей, связанных с проживанием в столице.

Общая картина такова: быстрыми темпами происходит *коммерциализация высшего образования*. В 2003 г. в государственные

¹ Россия в цифрах. М., 2004. С. 117.

вузы было принято «с полным возмещением затрат на обучение» 55,9% общего числа студентов первого курса. Кроме того, для этой же части общества развернута широкая сеть негосударственных (частных) высших учебных заведений, которых насчитывается около 1000 с общим числом студентов более 860 тыс.; принято ими было на первый курс в этом же году более 230 тыс. человек¹. Несложный подсчет показывает, что в общем приеме в вузы страны в 2003 г. из общего числа первокурсников 56,2% (годом ранее 53,2%) были приняты за плату. Но и студенты, принятые на бесплатное обучение, вынуждены непрерывно платить: за пользование интернетом, за работу в библиотеке, за снятие ксерокопий, за занятия спортом в секциях, нередко за сдачу зачетов и экзаменов (часто прямо в руки экзаменатору), особенно за их пересдачу и т.д. По оценке Министерства образования, «внебюджетные» заработки российских вузов составляют 39 млн руб. в год, и это в основном деньги, выкачиваемые из карманов учащихся и их родителей².

Тенденция возрастания платности высшего (и среднего специального) образования усиливается из года в год. *Классовый характер образования* в России становится все более значимым и болезненным фактором общественной жизни. Поэтому сетования российской печати по поводу решения лейбористского (!) правительства Т. Блэра о введении оплаты за получение высшего образования в государственных университетах в британском «социальном государстве» носят крайне лицемерный характер. Более разумной представляется система приема в вузы Германии, где в высшую школу принимают *всех*, кто получил диплом гимназии (лицея). Однако из-за материальных трудностей студентов из бедных семей на 1–2-м курсах там происходит колоссальный отсев.

Кроме естественного роста (убыли) населения вторым существенным фактором изменения социально-демографической структуры является *миграция населения*. И если в первой половине 1990-х гг. миграция русских и русскоязычных в РФ из республик бывшего Союза до известной степени возмещала естественную убыль населения, то в последующие годы роль этой миграции резко снизилась, зато стала резко возрастать миграция представителей других национальностей из национальных республик, входя-

¹ Социально-экономическое положение России. 2003. С. 245.

² Бесплатному образованию конец // Аргументы и факты. 2004. № 7. С. 19.

ших в РФ, так называемого ближнего зарубежья и дальнего (Китай); кроме того, социальный состав мигрантов существенно изменился.

Мы уже отметили во введении неожиданный результат всероссийской переписи населения в октябре 2002 г.: жителей оказалось на 2 млн больше, чем предполагалось на основе текущего учета, в основном за счет нерегистрируемой нелегальной миграции из южных и восточных республик бывшего СССР, ряда национальных республик, входящих в состав РФ и дальнего зарубежья. Органы статистики оказались воистину в глупом положении. В справочнике Госкомстата за 2003 г. на разных страницах указана численность населения РФ в 2002 г. по переписи — более 145,2 млн человек, в то время как по текущему учету 143,5 млн человек¹. Таковы результаты открытых границ (прежде всего, с Казахстаном) и снисходительного отношения милиции к лицам, не имеющим права на въезд в РФ, лицам без паспорта и т.д.

Указанные выше изменения в социально-демографической структуре населения при трансформации социальных порядков в России с начала 1990-х гг. обусловлены прежде всего разрушением производительных сил, резким снижением уровня жизни, бедностью подавляющего большинства населения, ухудшением медицинского обслуживания, недоступностью большинства лекарственных средств из-за их дороговизны, нежеланием молодежи вступать в брак и заводить детей при нерешенности основных жизненных вопросов — о прилично оплачиваемой постоянной работе и о приобретении жилья, а также повальным пьянством, снижением уровня личной безопасности из-за безнаказанности криминальных элементов и т.д., т.е. вполне определенными причинами *социального* порядка. В последние («последефолтные») годы наблюдается известный рост рождаемости: с 8,7 на 1000 человек в 2000 г. до 10,3 в 2003 г.; особенно заметным стал этот рост в 2003 г., когда по сравнению с предшествующим годом рождаемость возросла на 0,5. Некоторые органы печати, опубликовав данные о росте рождаемости по Москве и Московской области за первые месяцы 2004 г., сопровождали их заголовками вроде «Бэби-бум в Москве и области», а это по сути единый хозяйственный регион. Данное отрадное явление требует объяснения. Заметим прежде

¹ Бесплатному образованию конец // Аргументы и факты. 2004. № 7. С. 19.

всего, что параллельно в стране происходил рост показателей смертности населения — с 15,4 на 1000 человек до 16,5, так что рост рождаемости не сказался на цифре естественного прироста¹.

Рассматриваемое явление заставляет задуматься о его причинах. Во-первых, численность рождений по стране в целом все еще остается ниже уровня 1992 г. (10,7), когда рождаемость резко снизилась вследствие падения уровня жизни и неуверенности людей в перспективах развития страны. Во-вторых, бурный рост рождаемости отмечен прежде всего в самом благополучном по уровню жизни регионе — Москве и Московской области. К сожалению, мы не располагаем данными по всем основным регионам страны, но нет сомнения, что в Ульяновской области, переживающей многолетний экономический кризис, указанного «взлета» рождаемости не наблюдалось. Без анализа данных по регионам делать общие выводы затруднительно, тем более с учетом существенного роста мигрантов, преимущественно мусульман из Таджикистана и Азербайджана, что не может не сказаться при высоком уровне фертильности в мусульманских семьях, на общих показателях по стране.

Факт небольшого роста рождаемости объясняется, на наш взгляд, двумя основными причинами. Во-первых, относительной стабилизацией экономики страны, так что средние доходы на душу населения к 2004 г. в основном достигли «додефолтного уровня», возросшей уверенностью части молодежи в будущем и некоторыми, хотя не принесшими пока что большого эффекта мерами помощи государства молодым семьям (выдача известной суммы при рождении первого ребенка и облегчение условий кредита на приобретение молодой семьей собственной жилплощади). Во-вторых, эффектом «демографической волны». Наиболее репродуктивный возраст у нас — от 20 до 30 лет. В 2003 г. речь должна идти о поколении родившихся в 1973–1983 гг. Это были годы высокой рождаемости и уверенности населения в благоприятных перспективах развития страны, что, безусловно, стимулирует рождаемость. Не за горами другой «изгиб» демографической волны. Тогда вступит в наиболее благоприятный для воспроизводства потомства возраст поколение, родившееся после 1991 г., когда в стране начались «ельцинские» реформы и экономический хаос.

¹ Россия в цифрах. М., 2004. С. 71.

Рождаемость пошла резко вниз, как и уверенность в благоприятном развитии страны.

Некоторые прогнозисты предсказывают, что численность молодого поколения в возрасте 17–18 лет скоро сравняется с числом мест в вузах. Нам эти предсказания не кажутся убедительными хотя бы потому, что нынешнее «раздувание» сети высшего образования, намного превосходящее потребность в будущих (через 4–5 лет) специалистах, особенно по ряду гуманитарных и экономическому профилю, вечно продолжаться не может. Новое руководство Министерства науки и образования (А. Фурсенко) решило всерьез заняться проверкой расплодившихся сверх всякой меры частных вузов, равно как филиалов частных и государственных вузов (их сейчас более 2 тыс.) в отдаленных от основных культурных центров провинциальных городах, например на Обском Севере или Сахалине. Эти вузы и филиалы не имеют, как правило, собственной материальной и кадровой базы и фактически служат источником доходов для профессуры крупных центров, наезжающей на 2–3 недели 2–3 раза в году, что не может обеспечить получения студентами качественного образования. Намерения А. Фурсенко встречают полное одобрение общественности, в том числе военной. (Ни для кого не секрет, что поступающие за плату в вузы молодые люди пользуются отсрочками от призыва в армию, в то время как армия систематически не выполняет планы по призыву новобранцев на кадровую службу, в том числе и по этой причине.)

Таким образом, временный всплеск рождаемости в перспективе не может быть оценен как устойчивая тенденция демографического развития страны.

Теперь обратимся к *региональному и этническому* аспектам проблемы. Во введении мы приводили цифры о превышении смертности над рождаемостью, в результате чего так называемая естественная убыль населения в первые годы XXI в. достигает в РФ в среднем 930–950 тыс. человек в год¹. При анализе данных по *регионам* и в особенности *этносам* мы вынуждены пользоваться примерными подсчетами, поскольку в официальной статистике отсутствуют данные о составе населения по национальностям. На основе собственных тщательно выполненных перекрестным спо-

¹ См.: Россия в цифрах. 2004. С. 71.

собом подсчетов мы пришли к неутешительному выводу, что *русское население сокращается примерно на 1 млн человек в год*.

Это настоящая *демографическая катастрофа русского народа*, о которой будет подробнее сказано далее. Наше видение причин этой катастрофы и путей выхода из нее изложено в ряде выступлений в научной печати¹, поэтому здесь мы воспроизведем основной вывод и остановимся на политике правительства по этому вопросу и на мнениях, высказанных рядом исследователей.

Наша позиция определяется вполне определенными теоретическими посылками, а именно: материалистическим и вместе с тем диалектическим подходом к общественным процессам. Социально-демографическая структура общества в конечном счете обусловлена социально-экономическими процессами, т.е. развитием общественного производства, изменениями в социально-классовых отношениях, уровнем благосостояния основной массы населения. Мы не склонны игнорировать влияние духовных факторов, как положительное, так и отрицательное. Пропаганда насилия и разврата на телевидении и радио, в бульварной прессе и по интернету разлагает молодежь и отрицательно влияет на стремление вступить в брак с целью обзаведения постоянной семьей и потомством. В то же время улучшение воспитательного процесса в школе и многих семьях действует в другом направлении. Но решающая роль в исправлении ситуации принадлежит мерам, которые изменяют условия существования *массы*, прежде всего молодежи. Выше (см. гл. 7) говорилось о мерах, которые могут обеспечить выход России из состояния экономической депрессии и растущего отставания от передовых стран в техническом уровне производства и благосостоянии населения. Конечно, между повышением уровня жизни большинства населения и движением основных демографических показателей существует определенный временной лаг, т.е. они действуют не сразу, не мгновенно, а с известным разрывом во времени. Если человек уже серьезно болен или вконец спился, то он вскоре умрет даже при увеличении заработной платы или пенсии. Точно так же решение о женитьбе и тем более рождении ребенка может последовать не мгновенно

¹ См.: Руткевич М. Против односторонности // Независимая газета. 1998. 18 сент. С. 8; Он же. Теория нации // Вопросы философии. 1999. № 5; Он же. О двух концепциях нации // Свободная мысль. 1999. № 8; Он же. Демографическая катастрофа или депопуляция? // Реформирование России: реальность и перспективы. М., 2003; Он же. Демографическая катастрофа: где выход? // Свободная мысль-XXI. 2004. № 1; и др.

после улучшения жилищных условий и увеличения доходов. Но связь одного с другим, безусловно, существует.

Более быстродействующими являются специальные меры, направленные на поощрение роста числа детей в семье или повышение качества медицинского обслуживания населения, особенно материнства и детства. Опыт Франции 1920-х гг., когда вследствие больших потерь мужского населения во время Первой мировой войны были приняты экстренные меры для увеличения рождаемости, притом весьма дорогостоящие, свидетельствует, что солидные выплаты на содержание каждого ребенка и облегчение условий получения жилья молодым семьям могут довольно быстро привести к желаемому эффекту — росту рождаемости. Другой пример — США, где женщина с двумя детьми получает «велфэйр» в таком размере, что становится невыгодным ее поступление на среднеоплачиваемую работу. С этой точки зрения могут сыграть известную роль недавно принятые Правительством РФ решения о выдаче пособия в 4500 руб. при рождении первого ребенка и предоставлении на облегченных условиях 30 тыс. квартир молодым семьям. Однако не кто иной, как В.В. Путин во время одной из предвыборных поездок признал эти меры «маломощными», тем более что несмотря на сопротивление левых партий третья Государственная Дума оставила неизменным размер пособия на ребенка — 70 руб., что по нынешним временам ничтожная сумма; к тому же во многих регионах и она не выплачивается. При ограниченности ресурсов в бюджете на социальные цели принятые меры следует признать косметическими, ждать от них большого эффекта в масштабах страны не приходится.

Какой же выход из этой катастрофы предлагается учеными — социологами и демографами? Выше мы уже начали рассматривать тему миграции. Некоторые отечественные демографы видят решение проблемы преимущественно в усилении миграционного притока. Заслуживает сожаления, что в совершенно правильном Законе о введении более строгих требований к получению гражданства РФ не предусмотрены послабления, которые касаются русского и русскоязычного населения, проживающего в республиках бывшего СССР, ныне независимых государствах. Миграционный приток русского населения из этих государств исчерпан далеко не полностью. Об этом свидетельствует принятое недавно в Туркменистане запрещение двойного гражданства, которое заставляет многие рус-

ские семьи срочно выезжать в Россию, распродавая за бесценок квартиру и имущество. В странах Прибалтики потенциал реэмиграции русского населения также нельзя считать исчерпанным, например в Латвии, где основная часть проживающих там десятилетиями русских (более 300 тыс. человек) до сих пор остается людьми без гражданства, а преподавание в русских школах насильно переводится в основном на латышский язык. По-видимому, упомянутый закон, призванный пресечь нелегальную миграцию через практически прозрачную границу с Казахстаном, а также нелегальное просачивание китайцев и корейцев на Дальний Восток, должен быть дополнен пунктом, который способствует возвращению русских из ближнего зарубежья и получению ими гражданства РФ.

Среди предложений, которые появились в печати, не может не обратить на себя внимания выступление демографа С. Вишневого, который предлагает восполнить убыль населения в России за счет приема в первой половине XXI в. в Сибирь и на Дальний Восток *100 млн китайцев*. Так не проще ли сразу передать Китаю территорию России за Уралом? По-видимому, людям вроде Вишневого безразлично, *кто* будет заселять русские земли, лишь бы росла численность населения. Вряд ли стоит доказывать антипатриотичность и утопичность этого предложения, но следует иметь в виду, что выдвинутая Мао Цзэдуном в 1960-е гг. претензия на 1,5 млн кв. км российской территории никем в китайском руководстве не снята.

Итак, социально-демографическая структура населения, будучи одним из важнейших видов социальной структуры, испытывает в России начала XXI в. трансформацию, которая связана с изменениями социально-классовых отношений, но отличается существенными особенностями. Весьма характерная черта и того, и другого процесса состоит в их *незавершенности*, что не могло не сказаться на изложении этих проблем автором в данной книге. Несмотря на то что изучаемые процессы продолжаются, притом в весьма быстром темпе, необходимо подвести хотя бы предварительные итоги воздействия социально-экономических перемен в эпоху «реформ» конца XX и «модернизации» начала XXI в. на изменения в социально-демографической структуре населения, чтобы затем коснуться и этнического «разреза» этой проблемы. Следует заметить, что *этническая составляющая* демографических

процессов имеет не только российское, но и большое международное значение.

Подавляющее большинство стран мира являются *полиэтническими*, что объясняется разными причинами. Население некоторых заокеанских держав складывалось в результате последовательных волн миграции. Таковы США и ряд других стран. Современные европейские нации и государства, тоже, как правило, формировались из разных этносов. Наконец, вследствие развития процессов международной миграции, особенно активно развернувшихся после Второй мировой войны, в развитые капиталистические страны Запада из бывших колоний и зависимых стран хлынул не прекращающийся поныне поток переселенцев, жаждущих «лучшей жизни». Так, во Франции оказалось до 10 млн мусульман на неполные 60 млн населения страны, в основном арабов, а также негров и вьетнамцев. В Великобритании обосновались большие колонии индийцев и пакистанцев. В Германию заехало много турок, южных славян и др. После объединения в Германии, отчасти из-за реэмиграции этнических немцев из стран СНГ, теперь насчитывается до 10 млн мигрантов. Во всех этих странах изменения в этническом составе населения, обусловленные притоком мигрантов, породили массу проблем. В о - п е р в ы х, социально-экономических, поскольку уровень жизни мигрантов существенно уступает уровню жизни коренного населения; многие социальные гарантии на них не распространяются. В о - в т о р ы х, социально-политических проблем, поскольку для получения временной визы на проживание, не говоря уже о получении гражданства, надо преодолеть тысячи препятствий. Не случайно большинство мигрантов участвуют в массовых антиглобалистских акциях протеста. В то же время, вопреки уверениям теоретиков типа В. Тишкова (о чем далее), даже получив после долгих мытарств паспорт данной страны, в душе мигранты продолжают считать себе не французами, англичанами, немцами и т.д., а представителями своих этносов. В - т р е т ь и х, связанных с массовой миграцией демографических проблем. Сохраняя, как правило, высокую рождаемость и продлевая (сравнительно с условиями стран выезда) продолжительность жизни (благодаря более высокому уровню здравоохранения и питания в новой стране пребывания), мигранты позитивно влияют на динамику общих демографических показателей. По этим же причинам возрастает доля этниче-

ских меньшинств, которые временно или постоянно приняты в качестве работников в тех отраслях и профессиях, которые не привлекают коренное население.

Все эти факторы во сто крат сильнее действуют в России по той простой причине, что РФ унаследовала от царских времен и советской власти *многонациональный состав населения* и накопившиеся десятилетиями, а то и веками *этнические противоречия*. Но в то же время Россия унаследовала и издавна ставшие привычными нормы мирного сосуществования самых разнородных этносов на российских просторах, а в советское время вдобавок прочно укоренившиеся в сознании подавляющего большинства населения *принципы дружбы и взаимопомощи народов страны*. Термин «советский народ» не был изобретен и навязан пропагандой, как пытаются нас уверить «либеральные» СМИ. Рядовой житель СССР считал себя прежде всего *советским человеком*, а уже потом представителем того или иного этноса. Он гордился участием своего народа в победе над немецким фашизмом. За три года моего личного участия в Великой Отечественной войне на разных фронтах я не наблюдал ни одного случая противопоставления солдат и офицеров по причине их национальной принадлежности. В словах известной песни «Мой адрес не дом и не улица, мой адрес Советский Союз» хорошо выражено мироощущение принадлежности человека единому советскому народу. «Мы — советские» — говорили граждане СССР, будучи за границей, и этим было выражено все главное.

Не случайно, посещая во время предвыборной поездки в 2004 г. чувашскую деревню¹, Президент В.В. Путин, вспомнив, по-видимому, формулу Сталина о «едином советском *народе*», выдвинул положение о формировании «единой российской *нации*». Кстати сказать, в 1917—1918 гг., когда начался распад Российской империи, эта формула уже использовалась в печати, но быстро исчезла после объявления рядом государств о своей самостоятельности. Однако Сталин, я полагаю, прекрасно понимал различие между многонациональным советским народом и нациями, которые его образуют. Действительно, это понятия совершенно различны по происхождению и содержанию. Единый советский народ, как и ныне народ Российской Федерации, состоял из различных наций со своей культурой, языком, национальными привычками. Это

¹ Беседа В.В. Путина в чувашской деревне. Телеканал «Ðĩññěŷ». 2004. 4 февр.

прежде всего и в полной мере относится к великому государство-образующему Российской Федерации *русскому народу*, как и к десяткам других наций, населяющих РФ. Сталин, будучи образованным марксистом, проводил научно обоснованное различие между понятиями «народ» и «нация», зная, конечно, о двойном значении понятия «нация» — как *сообщества граждан и этнической общности*.

В России вследствие незаконченности процесса формирования большинства наций на этнической основе термин «нация» употреблялся в литературе именно в его этническом значении. Это сохранилось и по сей день. Поэтому Сталин (а за ним и все остальные) говорил и писал одновременно о «едином советском народе» и «великой русской нации». Не случайно 24 июня 1945 г. сразу после завершения войны он провозгласил тост за «великую русскую нацию» как нацию, сыгравшую главную роль в разгроме фашизма и завоевании победы. В. Путин, по-видимому, понимает по-своему любимое ельцинское обращение «россияне» и выдвигает тезис о единой «российской нации». При этом он упускает из виду, что не только русские, но и якуты, кабардинцы, татары и многие другие народы РФ с полным правом считают себя и на деле являются сложившимися этническими нациями, поскольку обладают всеми ее признаками, такими, как общая территория проживания, свой язык общения и письменность, на основе которых создана национальная литература, наконец, свой особый психический склад, находящий проявление во всех областях культуры, в том числе в народных песнях и танцах, бытовых привычках и т.д.

Вовсе не обязательно быть сторонником марксистского миропонимания, чтобы усвоить различие между народом (или нацией в *гражданском* смысле как совокупностью граждан данного государства) и нацией как высшим, если двигаться вверх по лестнице исторического развития, *этническим* образованием, возникшим как продолжение предшествовавших ему этнических форм, начиная с первобытного племени. Мы уже говорили об этом во введении, но сочли возможным и необходимым конкретизировать и дополнить высказанные там общие соображения, поскольку они необходимы при рассмотрении вопроса о связи развития демографической структуры с изменениями в этническом составе населения страны.

В связи с этим целесообразно провести различие между термином «депопуляция», широко применяемым в отечественной и зарубежной демографической литературе, и понятием «демографическая катастрофа» — в данном случае применительно к русскому народу. И здесь не обойтись без диалектики, которая абсолютно необходима при выяснении вопроса о различии в содержании этих понятий. *Депопуляция* есть не что иное, как постепенное уменьшение численности населения страны по так называемым естественным причинам — превышения смертности над рождаемостью. Она характерна для подавляющего большинства развитых стран Запада (об исключениях было сказано выше) по ряду причин. Во-первых, вследствие растущей занятости женщин в сфере производства и особенно услуг, а также их стремления и в общественной жизни стать вровень с «сильным» полом, т.е. достичь более полного социального, «гендерного» равенства. Во-вторых, по причине эгоистического стремления семей иметь меньше детей, а то и не иметь вовсе, чтобы жить без лишних хлопот. Распространение гедонизма в этих странах, стремления жить получше сейчас, немедленно, тем более при наличии системы социального страхования, которая обеспечивает человека в старости весьма высокой пенсией (ранее за содержание престарелых отвечали потомки), общего падения нравов, распространения противозачаточных средств, роста числа однополых браков, кстати сказать, освящаемых рядом протестантских церквей, и т.д. — все это привело к *депопуляции*, которая столь же распространена в католических странах Европы, как и в протестантских, хотя католическая церковь решительно стоит на страже брака и выступает за сохранение зачатого плода. Коэффициент фертильности в 2001 г. в протестантских странах составлял: 1,9 в Норвегии и 1,7 в Финляндии, в то время как в католических: 1,3 в Испании и 1,2 в Италии¹. Видимо, религия в условиях распространения «массовой культуры» и с ней вместе атеизма не имеет в данном вопросе существенного значения.

В то же время первостепенное значение имеют *социально-экономические факторы*, например уровень безработицы в стране и доля малообеспеченных слоев в населении. Поощрение рождаемости, ограничение миграции, особенно чуждой в расовом отношении, и т.д. — таковы меры, которые принимаются в этих стра-

¹ OECD in Figures. 2003. P. 6–7.

нах для повышения уровня рождаемости коренного населения и преодоления тенденции к росту депопуляции, но, как правило, они не дают заметного эффекта. В известной мере замедлению убыли населения способствуют возрастание средней продолжительности жизни и *постарение* населения. Средняя предполагаемая продолжительность жизни возросла к 2001 г. до 81,0 лет для женщин и 76,0 лет для мужчин в Норвегии; 83,0 и 75,5 во Франции; 82,9 и 75,6 в Испании; 82,3 и 76,7 лет в Италии и т.д.¹

Но депопуляция может быть различной по своим причинам и сущности. В России еще более резкое сокращение рождаемости происходит в условиях высокой смертности и крайне низкой продолжительности жизни мужчин. Таким образом, одним и тем же термином некоторые уважаемые демографы пытаются обозначать совершенно различные по своей социально-экономической сущности демографические процессы. Абсолютно резких разграничительных линий нет в природе и тем более в обществе. Но на известной ступени развития процесса *количество переходит в качество*, депопуляция перерастает в *демографический кризис*, а он — в *демографическую катастрофу*. Именно это произошло (и продолжает иметь место) в современной России, причем в максимальной степени касается *русского народа*.

Наши ученые-демографы либерального толка с упорством, достойным лучшего применения, используют для описания происходящих в России демографических процессов привычный термин «депопуляция», даже те из них, кто весьма реалистически оценивает сложившуюся ситуацию, так что содержание их статей находится в явном противоречии с их «спокойным» тоном. Например, О.Д. Захарова в статье, помещенной в коллективной монографии ИСПИ РАН и озаглавленной «*Сверхсмертность населения как фактор депопуляции в России*», не замечает внутреннего противоречия между реалистически характеризуемой ею сверхсмертностью, т.е. *вымиранием* населения, особенно мужского, и *депопуляцией* как общим термином, которым можно обозначить совершенно различные по своей социальной сущности процессы на Западе и в России.

Обществоведы иного, патриотического направления называют вещи своими именами и убедительно доказывают, что в России начиная с 1990-х гг. происходит подлинная *демографическая ка-*

¹ OECD in Figures. 2003. P. 10–11.

тастрофа. В длящейся не первый год полемике с учеными иных направлений автору приходилось не раз доказывать, что употребление термина «депопуляция» при характеристике существующей ныне в нашей стране ситуации вольно или невольно ориентирует на *преуменьшение* нависшей над страной, прежде всего над русским народом, страшной угрозы *вымирания*.

Как известно, обычный насморк и обнаруженную в организме человека ВИЧ-инфекцию можно подвести под общий термин «заболевание», но *качественное различие* между ними осознается каждым пациентом и каждым врачом. Если подходить к демографической терминологии с чисто формальной стороны, то устойчивое превышение показателей смертности населения над показателями рождаемости на протяжении достаточно длительного периода правомерно, если угодно, называть депопуляцией, что, собственно говоря, и означает не что иное, как уменьшение численности населения по *естественным* причинам. Но если разность между числом умерших и родившихся составляет на протяжении ряда лет 0,1–0,2 на 1000 человек в год или более, то это уже может служить основанием для правительства страны принять определенные меры, например увеличить пособия на детей, позаботиться о трудоустройстве молодежи и т.д. Но в России естественная убыль населения происходит в совершенно *иных масштабах*: минус 6,4 на 1000 человек в 1999 г., минус 6,7 в 2000 г., минус 6,5 в 2001 г., минус 6,5 в 2002 г., минус 6,2 в 2003 г., что означает потерю 930–950 тыс. человек ежегодно¹.

Миграция, игравшая известную положительную роль до середины 1990-х гг., когда значительная часть русского населения из республик бывшего Союза возвращалась на историческую родину, к настоящему времени в основном потеряла это свое значение. Официально фиксируемый миграционный прирост составил в 1999 г. (за 11 месяцев) 143 тыс. человек, за те же месяцы 2000 г. 202 тыс. человек и покрыл соответственно 17 и 23% естественной убыли. В связи с предстоящим ужесточением правил приема мигрантов представляются необоснованными надежды на то, что миграционный прирост соотечественников сможет «погасить» естественную убыль населения. Напротив, миграция стала принадлежать совершенно иная роль, ее надо строго «дозировать», а во многих случаях ограничивать административными мерами, прежде всего

¹ Россия в цифрах. С. 70; Где в России жить хорошо // Российская газета. 2004. С. 6.

нелегальную миграцию. В принятом Государственной Думой законе с целью улучшения качественного состава мигрантов предлагается установить для получения российского гражданства 5-летний срок проживания в России и сдачу экзамена по русскому языку, причем остается неясным, кто этот экзамен будет принимать и каков будет объем предъявляемых требований. Президент, впрочем, внес в этот закон поправки, облегчающие обретение российского гражданства лицам, родившимся в РСФСР, инвалидам и участникам войн на стороне СССР и РФ и т.д.

Расчеты некоторых научных центров, предполагающие ежегодный миграционный прирост от 1,5 млн до 4 млн человек, мы считаем совершенно необоснованными. Рост миграции из ряда республик бывшего Союза (Азербайджан, Армения, Грузия, Таджикистан), а также из стран зарубежного Дальнего Востока (Китай, Корея) усложняет этнополитическую ситуацию, и это направление миграции вряд ли должно стимулироваться.

С этой точки зрения весьма странной представляется позиция тех авторов, которые при составлении средне- и долгосрочных демографических прогнозов настолько увлекаются *математической* стороной дела, что совершенно упускают из виду *политические* выводы, которые следуют из их прогнозов. Так, в прогнозах, составленных А. Вишневским и Е. Андреевым на 2000–2025 гг., по одному из сценариев, при весьма близком к реальности предположении о сохранении низкой рождаемости и высокой смертности в РФ предлагается, чтобы Россия приняла 46 962 тыс. мигрантов. Согласно другому сценарию, при сохранении низкой рождаемости и несколько снизившейся смертности (что вполне вероятно при улучшении экономической ситуации) миграция за те же четверть века, по их мнению, должна составить 38 760 тыс. человек. На следующую четверть века (2025–2050 гг.) эти цифры у данных авторов выглядят еще более впечатляющими: соответственно 70 626 тыс. или 50 688 тыс. человек¹. Итак, за первую половину XXI в. Россия в целях сохранения численности населения страны должна будет принять от 89 млн до 117 млн мигрантов! Никаких рассуждений или хотя бы кратких пояснений по поводу того, откуда придут эти десятки миллионов новых жителей, авторы не

¹ В ближайшие полвека население России может расти только за счет миграции // Население и общество: Информационный бюллетень Центра демографии и экологии человека Института народно-хозяйственного прогнозирования РАН. 2001. Июнь. № 54.

дукции, в строительстве, на лесозаготовках, в сфере услуг и торговле, на автотранспорте¹.

Стоит пройти по рынкам и торговым рядам на улицах Москвы, чтобы обнаружить нелегальных продавцов, в основном русских и украинских женщин, нанятых на летний период приезжими кавказцами — владельцами ларьков, палаток и т.д., либо проехать по местам усиленного дачного строительства в ближнем Подмосковье, чтобы убедиться в наличии нелегальных строителей пригородных коттеджей из разных стран. Нелегальные мигранты составляют значительную часть многомиллионного «черного» и «серого» рынка рабочей силы. Они нещадно обираются хозяевами, ночуют посменно в комнатах по 8–10 человек или в трущобах, а строительные рабочие — в недостроенных ими зданиях. Органы власти РФ не в силах справиться с этой проблемой. Они не могут даже оценить ее размеры и экономическое значение. Еще недавно существовавшее Министерство по делам Федерации, национальностям и миграционной политике (как и его предшественник — одно из подразделений Минтруда РФ) не смогло решить эту задачу. Оно ликвидировано; функции надзора за миграцией переданы МВД. Пока МВД думает, как ему справиться с этой новой для него проблемой, мигранты, в первую очередь нелегальные, продолжают прибывать тысячами.

Впрочем, русские эмигранты (украинцы, молдаване и т.д.), выехавшие на заработки в страны Западной Европы и Азии, находятся в аналогичном положении. Так, вербовщики из Испании набирают женщин из стран СНГ на уборку апельсинов (ранее этим занимались марокканцы), берут с них «задаток» в 300 долл. Затем вербовщики отказываются платить заработную плату; женщины сами оплачивают жилье и с трудом возвращаются на родину, покупая билеты за присланные из дома деньги. Русские проститутки заполонили Турцию, Китай, страны Юго-Восточной Азии. В общем, существует аналогия рабского труда наших граждан за границей и труда нелегалов в России.

За одним существенным исключением. Получивших образование в российских вузах научных работников усиленно приглашают на Запад, прежде всего в США, где их труд высоко оплачи-

¹ Купить человека // Российская газета. 2004. 5 марта. С. 1, 4. См. также: Плугатарев И. Сегодняшние нелегальные мигранты не будут рабами // Независимая газета. 2002. 15 марта. С. 5.

вается и они получают возможность вести исследования на современном научном оборудовании. На одном из заседаний Госсовета при Президенте РФ были оглашены следующие сведения: за рубеж из России выехало более 1,2 млн специалистов с высшим образованием, причем 20% из них со степенями кандидатов и докторов наук. Следовательно, Россия *бесплатно* готовит научные кадры для богатого Запада. Не разумнее ли поступают в Китае, где для выезда за рубеж выпускники вузов обязаны сначала полностью возместить государству затраты на свое обучение?

Таким образом, причины миграции многообразны и во всех случаях болезненны для нашей страны.

Причины столь больших масштабов нелегальной миграции из стран СНГ в Россию достаточно очевидны и будут сохраняться до тех пор, пока жизненный уровень в других странах СНГ будет много ниже (достаточно низкого самого по себе) российского, а границы будут фактически открытыми. Даже с Украиной или Грузией, где введен пограничный контроль, он в значительной мере остается формальным, поскольку является основным источником процветания для работников пограничной и таможенной служб по обе стороны границы.

Нелегальные мигранты не учитываются при определении постоянного состава населения России, так что упомянутый ранее поразительный по масштабам разрыв в численности населения между данными переписи 2002 г. и текущим учетом в реальности гораздо больше, поскольку «нелегалы» не учтены ни в первом, ни во втором случае. Они тщательно скрывались от переписчиков, чему способствовало уведомление о том, что участие в переписи — добровольное дело каждого жителя страны. Занятые в подпольных цехах производством контрафактной продукции, ее оптовым сбытом и розничной торговлей сплоченные этнические группы, например в Москве корейцы, китайцы, азербайджанцы и др., уклонялись от участия в переписи. Миграция, безусловно, принадлежит к числу наиболее угрожающих *стихийных*, не управляемых органами власти процессов. Она неразрывно связана с теневой экономикой.

Но не подлежит сомнению, что основным фактором демографического кризиса является колоссальная по любым меркам естественная убыль населения страны, обусловленная обнищанием

населения. В современной России весьма высоки показатели детской и подростковой смертности. Значительное число женщин не способны к деторождению (часто из-за абортов). В этих условиях для простого воспроизводства (т.е. сохранения численности) населения коэффициент фертильности должен быть не менее 2,2–2,3, т.е. почти вдвое выше, чем в настоящее время – 1,35. Удвоение численности появляющихся на свет от каждой матери детей при условии, что удастся их уберечь от смерти в раннем возрасте, обеспечить сохранение здоровья, способность (и желание) к воспроизводству рода в зрелом возрасте, воспитание в следующем поколении людей, желающих иметь нормальную семью и в свою очередь произвести на свет 2 детей и более, – такова поистине гигантская социально-экономическая, социально-политическая и социально-психологическая задача, которую история поставила перед Россией впервые после опустошения страны, произведенного татаро-монгольским нашествием в начале XIII в.

Самый приблизительный подсчет, выполненный нами в предположении, что социальная ситуация существенно не изменится и сохранится нынешняя естественная убыль населения в размере более 0,6% в год, позволяет сделать приблизительный прогноз, что к 2050 г. население страны может сократиться примерно до 110 млн человек. Это вдохновит недругов нашей страны на дальнейшее расчленение великой России. Наш приблизительный прогноз – не из самых радостных, но многие другие прогнозы еще менее благоприятны. Так, согласно подсчетам упоминавшегося выше Центра демографии и экологии человека Института народно-хозяйственного прогнозирования РАН, население России за полвека сократится до 86,5 млн человек.

Остановимся более подробно на официальном среднесрочном прогнозе, данном Госкомстатом РФ на период до 2016 г. Он представлен в трех вариантах. Согласно оптимистическому варианту, население РФ на указанную дату составит 138,7 млн человек; по «среднему» варианту – 134,8 млн; по худшему, пессимистическому варианту – 128,7 млн. Нам представляется, что при убыли 0,6% населения в год и при наличии на 1 января 2003 г. 145 млн человек за эти годы Россия (без учета сальдо миграции) потеряет дополнительно несколько более 7% населения, т.е. примерно 10 млн человек. Это дает цифру, близкую к «среднему» варианту Госкомстата. Впрочем, все демографические прогнозы, даже среднесрочные,

весьма условны, поскольку в них не учитывается главное — темпы реального изменения ВВП, доходов населения и возрастания (или сокращения) социальной дифференциации.

С этих позиций меры, которые приняты государством для стимуляции рождаемости, следует оценить как совершенно *недостаточные*, которые в принципе не могут сыграть существенной роли в изменении демографической ситуации. Действительно, сможет ли в какой-то мере стимулировать рождаемость увеличение пособия при рождении ребенка с 1500 до 4500 руб., пособия по беременности и родам со 100 до 300 руб., пособия по уходу за ребенком (до 1,5 лет, если мать не работает) с 200 до 500 руб. и т.д. при нынешнем уровне стоимости жизни и средней заработной плате около 6 тыс. руб.? Это не меры, а *подобие* мер, которые не окажут *реального* влияния на демографические процессы в стране.

Вернемся к *этническому разрезу* в его наиболее важном аспекте, а именно: к судьбе русского народа в сложившейся в стране катастрофической демографической ситуации. Она является наиболее тревожной в коренных регионах обитания русского народа, там, где собственно начинала складываться русская нация — Центр и Северо-Запад Европейской части России. Для начала отметим известные различия положения в разных регионах этой сердцевины России, обусловленные региональной демографической политикой.

Рассмотрим в качестве примера Белгородскую область, более благополучную, чем ее соседи. В 2003 г. при средней рождаемости по Центральному федеральному округу 9,1 на 1000 населения (у ближайшего соседа — Курской области — 8,6) в Белгородской области эта цифра была несколько выше — 9,3. Показатели смертности тоже различались: соответственно 16,5; 19,0; 16,3. В результате естественная убыль населения по Центральному округу составила 9,6, по Курской области — 10,4, а по Белгородской области — 7,0. Условия во всех областях Черноземья примерно одинаковы. Чем же объяснить существенно лучшие показатели? Несколько ниже мы попытаемся найти ответ на этот вопрос, здесь же заметим, что и такие показатели далеки от нормы. Но в ряде областей Центра России отношение числа умерших к числу родившихся приближается к 3. Наиболее тревожное положение сложилось в таких областях Центра и Северо-Запада, как Псковская (24,6 умерших на 8,9 родившихся на 1000 человек), Ленинградская (21,4 на 8,2),

Владимирская (20,2 на 9,0), Тульская (22,6 на 8,0), Тверская (23,0 на 8,8), Ивановская (21,5 на 8,6) и ряд других областей¹.

Итак, социально-демографическая структура населения, будучи одной из важнейших видов социальной структуры, испытывает в России начала XXI в. трансформацию, которая связана с изменением социально-экономических отношений, но отличается существенными особенностями.

Молодежь покидает родные края, поскольку не находит здесь хотя бы низкооплачиваемой постоянной работы, стремясь поступить в учебные заведения областного центра, а также в надежде на хорошо оплачиваемую работу в крупных центрах (прежде всего в Москве) или в нефтегазовых районах Сибири. Многие, особенно в пограничных областях, хотят выехать за границу на неквалифицированную работу в строительстве, уборке помещений и улиц, в сфере обслуживания. Девушки принимают предложения иностранных агентств по найму работать в ресторанах, клубах и увеселительных заведениях, что на деле часто оборачивается занятием проституцией.

Региональная социально-экономическая политика, проводимая в жизнь руководством отдельной российской области (кроме Москвы и Петербурга), не может решить проблемы занятости молодежи. Возможности дотационных регионов, а таковых в стране большинство, крайне ограничены. Поэтому задача выхода из демографического кризиса не может быть решена *без изменения социально-экономической политики в масштабах страны*, которая должна вывести большинство населения из состояния бедности и неустроенности, а поэтому и из тяжелой демографической ситуации. Но не следует преуменьшать возможности областной администрации. Об этом свидетельствует, например, опыт Кузбасса по подъему угольной промышленности и решению социальных вопросов горняков. В упоминавшейся уже Белгородской области на предприятиях ряда районов женщины-работницы получают еще и среднемесячный заработок в дополнение к ежемесячному пособию по уходу за ребенком до трехлетнего возраста. Областное руководство гарантирует беременным женщинам из малообеспеченных и многодетных семей закупку лечебного питания за счет бюджета региона, а также снабжение детей до трех лет (в много-

¹ Где в России жить хорошо. С. 6.

детных семьях до 6 лет) бесплатными медикаментами при амбулаторном лечении. Еще более 10 лет назад губернатор этой области Савченко ввел порядок, при котором на лицевой счет каждого новорожденного зачисляется 1000 руб. Эти деньги находятся в обороте и «прирастают», так что в 18 лет молодой человек должен получить на руки приличную сумму. Нет сомнения, что эти и подобные меры сыграли существенную роль в том, что демографические показатели на Белгородчине существенно выше, чем у соседей по зоне.

Еще более важно учитывать различие в демографической ситуации между *русскими областями* и *рядом национальных республик*. Оперирование данными *в целом* по Российской Федерации существенно искажает демографическую картину в стране. Не хотелось бы повторять набившую оскомину фразу о «средней температуре по больнице». Но приходится настаивать на неправомерности оперирования *усредненными* данными по *разнородным* объектам, а Российская Федерация *чрезвычайно разнородна* по характеру и тенденциям развития социально-демографических процессов. Не будем здесь обсуждать такие различия между субъектами Федерации, которые связаны, например, с притоком молодого поколения в нефте- и газодобывающие районы и поэтому большим числом рождений и меньшим числе смертей на 1000 человек населения в этих регионах по сравнению с Центром России.

Обратимся к главному различию. Если в исконно населенных русскими областях показатели смертности в 2 раза и более превосходят показатели рождаемости, то в ряде национальных республик, особенно если налицо существенный перевес численности коренной национальности, наблюдается обратная картина. И хотя население 16 (из 88) субъектов Федерации, в которых рождаемость превышает смертность, в общем населении страны составляет примерно 10%, это весьма существенно влияет на общую картину.

Приведем конкретные данные за 2003 г., когда в целом по РФ прирост составлял отрицательную величину $-6,2$ на 1000 населения, и ограничимся сравнениями по Европейской части страны, поскольку в Сибири и на Дальнем Востоке несравненно более существенную роль играют миграционные процессы. В Северо-Западном федеральном округе убыль населения на 1000 человек составила 8,9, в Центральном — 9,6, в Приволжском — 6,4, в Южном — 2,1. Сравнительно более благополучная картина в двух последних

округах объясняется весьма просто. Сначала о Северном Кавказе. В Дагестане коэффициент прироста положителен и равен +11,5, в Ингушетии +11,1. В других республиках Северного Кавказа, где значительна доля русского населения, он ниже либо оказывается даже слегка отрицательным, например в Карачаево-Черкесии, где проживает 40% русского населения. В Адыгее русские составляют 70% населения, и общий для республики коэффициент имеет отрицательное значение –5,2. Самый высокий прирост населения дает разоренная войной и терзаемая террористами Чечня. Хотя в лагерях в Ингушетии проживали сотни тысяч чеченцев, лишившихся жилья, в 2003 г. рождаемость в Чечне составила 18,5 человек на 1000 человек¹. При таких темпах роста население за 30 лет удвоится! А поскольку производительные силы в Чечне только начали восстанавливаться, чеченское население будет заселять новые территории. Совершенно неизбежна *демографическая экспансия чеченского народа*. Собственно говоря, она уже давно идет. При восстановлении Чечено-Ингушской АССР в 1955 г. произвольным решением Н. Хрущева к Чечне были «прирезаны» два района исконного проживания терского казачества на левом берегу Терека. В 1990-е гг. оно было изгнано из этих районов, так же как из Грозного, где проживало несколько сот тысяч русских. Сейчас чеченцы заселяют уже ряд районов Калмыкии, Астраханской и Волгоградской областей.

Таким образом, из предшествующего изложения явствует, что «территориальный» разрез не дает и не может дать ясной картины, он с необходимостью должен быть дополнен *этническим разрезом*. Выявление демографических различий в этом разрезе представляет большую сложность по двум причинам. В о - п е р в ы х, сравнительно однородных по этническому составу национальных республик – субъектов Федерации очень мало – только Чечня, Ингушетия и Тыва. В о - в т о р ы х, в переписи населения 2002 г. графа «национальность», обозначающая этническую принадлежность, была изъята из переписных листов по совершенно неоправданным теоретическим соображениям, скорее всего по настоянию теоретиков типа В. Тишкова и с согласия Президента. Мы не будем вдаваться во все тонкости скрупулезных математических расчетов, которые пришлось провести автору. Расчеты были вы-

¹ Где в России жить хорошо. С. 6.

полнены по разным вариантам. Приведем один из них. Надо учесть, что при общем коэффициенте фертильности по РФ, равном 1,35, примерно 20% населения составляют мусульмане, а у них коэффициент фертильности равен примерно 2,0–2,2 (с учетом того, что мусульмане Поволжья, Урала и Сибири не столь плодovitы, как горцы Кавказа). Тогда у оставшихся 80% русского и русскоязычного населения коэффициент фертильности составит менее единицы. Это позволяет сделать следующий вывод. Если в целом по РФ в 2003 г. коэффициент естественной убыли населения составил 6,2 на 1000 населения, то по русскому этносу он достигает отметки 7,0, что дает при численности русского населения немногим более 120 млн человек ежегодную убыль около *1 млн человек в год. Это означает не депопуляцию в обычном смысле этого термина, а вымирание с невиданной в истории скоростью.*

Уменьшение доли русских в населении *Российской Федерации* имеет колоссальное политическое значение. Если предположить, что доля русского населения в период расцвета реэмиграции достигала 85%, то сейчас она снизилась до 79–80%. Этот процесс в ближайшее время будет прогрессировать вследствие быстрого роста численности ряда коренных народов России, прежде всего мусульман, а также вследствие роста миграции в Россию местного населения из Закавказья, Средней Азии, Китая и других государств ближнего и дальнего зарубежья. Данное явление, получившее в публицистике образное наименование «русского креста», имеет два связанных между собой значения, два смысла: в о - п е р - в ы х, как перспектива вымирания («креста») русского народа; в о - в т о р ы х, как изменение соотношения вертикальной и горизонтальной осей креста, символизирующих соответственно смертность и рождаемость в пропорции 2:1, которая постепенно приближается к соотношению 3:1, уже почти достигнутому в Центре страны.

Какие же предлагаются пути выхода из создавшегося положения? Один из путей, предлагаемый и проводимый время от времени и непоследовательно Правительством РФ, обсуждался выше. Например, в 2003 г. благодаря частичной стабилизации в экономике и росту доходов населения число родившихся новых граждан было больше, чем в предшествующем году, на 76,7 тыс., что, однако, было частично «съедено» ростом числа умерших на 38,3 тыс. Общий коэффициент естественной убыли населения несколько

снизился: с 6,4 до 6,2 на 1000 населения, несколько улучшился и показатель детской смертности. Но при этом возросла социальная дифференциация населения: официальный децильный коэффициент возрос с 14,0 до 14,3, что свидетельствует об увеличении пропасти в имущественном положении между богатыми и бедными, а этот фактор «работает» в перспективе *против* роста населения¹. Мы убеждены, и эта мысль неоднократно высказывалась по ходу изложения всех затронутых выше вопросов, что *без коренного изменения курса социально-экономической политики правительства ни один социальный вопрос, включая преодоление опаснейшего демографического кризиса, решен быть не может.*

Второй путь предлагается некоторыми патриотически настроенными авторами, которые признают катастрофическое демографическое положение в современной России (в чем они безусловно правы), но в поисках выхода из создавшегося положения призывают отказаться от *материалистического* и перейти на позиции *идеалистического*, вернее даже *религиозного* понимания истории. В центре внимания этих авторов находятся психологические факторы: «неинвестиционные рычаги воздействия на экономику», «возрастающая роль идеальной энергии», «терапия смыслом жизни» и т.п.². Труд И.А. Гундарова, цитаты из которого были приведены выше, несмотря на явные огрехи, в том числе «обрыв» многочисленных таблиц 1999 г. и прочие нелады со статистикой, получил положительные отклики, в том числе в патриотической печати. Но в его работе, увы, отсутствуют конкретные рекомендации социально-экономического характера, нет ответа на вопрос: что же на практике надо делать в этой трагической ситуации? Хотя в книге Гундарова нет практических рекомендаций, издательством она рекомендована как «учебное пособие для населения и власти»!

С автором можно в принципе согласиться, когда он пишет о возрастании роли социально-психологических факторов в поведении людей, особенно в условиях, когда воздействие на психику по сути монополизировано средствами массовой информации, которые поддерживают господство в экономике крупного капитала, а в политике — прислуживающей ему пропрезидентской пар-

¹ Социально-экономическое положение России. С. 11–12.

² Гундаров И.А. Пробуждение. Пути преодоления демографической катастрофы в России. М., 2001. С. 20, 23, 258, 261 и др. Рецензию на эту книгу см.: Социс. 2003. № 2.

тии «Единая Россия». Гундаров, в целом одобрительно высказываясь насчет материалистического объяснения выхода из ситуации, сложившейся в России после Первой мировой и Гражданской войны, т.е. в первой половине 1920-х гг., изменяет свою позицию на 180 градусов при поисках путей выхода из сложившейся ныне еще более сложной и еще более опасной ситуации в развитии социально-демографических процессов, ничем не аргументируя этот *методологический поворот*. Он решительно отказывается от применения к сложившимся в наши дни в России условиям известного тезиса Ф. Энгельса о том, что во *взаимодействии* экономических, политических и духовных факторов *экономическая необходимость в конечном счете прокладывает себе путь*¹. Ни отчаянные усилия буржуазных СМИ, ни христианская проповедь не могут пересилить в поведении людей, в том числе в их демографическом поведении, влияния *реальных жизненных условий и тенденций их изменения*.

Поэтому мы полагаем единственно возможным для выхода из катастрофы третий путь, который уже был представлен в качестве антитезы первому, проводимому Правительством РФ пути, но требует конкретизации. *Коренной поворот в политике и экономике, отвечающий надеждам и требованиям большинства народа*, является необходимой предпосылкой улучшения социально-демографической ситуации. Изменения должны происходить в направлении, противоположном тому, по которому двигалась Россия на протяжении последних полутора десятилетий и который завел Россию в тупик, в том числе привел к демографической катастрофе русского народа. Принципиально новая социально-экономическая политика действительно может и должна изменить *всю*, в том числе и демографическую, ситуацию в России в лучшую сторону. Она предполагает, как уже было не раз упомянуто ранее (см. ã. 7), *коренное изменение курса социально-экономической политики государства*. Более конкретно: речь идет о том, чтобы присваиваемая нефтяными, газовыми и прочими монополиями с помощью коммерческих банков, в том числе иностранных, «природная рента» была обращена в доход государства. «Природная рента» должна быть употреблена на резкое повышение жизненного уровня народа, а также на инвестиции в основной капитал, в том числе в полуразрушенную социально-экономическую инфра-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 37. С. 370.

структуру, на развитие науки и ее применение в новейших технологических процессах. Без этого Россия останется сырьевым придатком высокоразвитых стран с бедствующим большинством населения. (Ранее, см. §1, были названы и другие пути выхода из создавшегося в России положения.) Итак, присвоение природных богатств страны и эксплуатация наемного труда — вот главный источник катастрофической социально-демографической ситуации в стране.

Тот же Гундаров весьма красочно описывает быстрый подъем экономики и социальной сферы страны в первой половине 1920-х гг., в том числе подъем рождаемости, падение смертности, высокий естественный прирост населения, изживание в краткий срок беспризорности детей, эпидемий, неграмотности большинства населения и т.д. Почему это возрождение стало возможным, равно как возрождение страны, и еще более быстрый подъем экономики и жизненного уровня людей после самой разрушительной в нашей истории Великой Отечественной войны? Почему после разрушительных ельцинских «реформ» подобное возрождение всячески тормозится в наши дни? Вот вопросы, на которые народ ждет не только теоретического ответа (он давно дан наукой), но и ответа практического — от власти.

В заключение подведем некоторые итоги всему, сказанному ранее. Глубокое теоретическое обоснование необходимости *смены социально-экономического курса и усиления регулирующей роли государства в развитии экономики страны* можно найти, например, в уже упоминавшихся трудах академика Д.С. Львова¹ и других видных экономистов, а обоснование практических социально-политических действий, необходимых для этой смены курса, — в документах КПРФ, отчасти и новой партии «Родина», многих работах экономистов, социологов, историков и ряда хозяйственников-практиков. Сохраняя сложившуюся многоукладность экономики, российское государство должно резко повысить свою роль как *регулятора социально-экономического развития*, в частности иметь в своем распоряжении присваиваемые олигархами сверхприбыли от эксплуатации естественных богатств нашей необъятной страны — нефти, газа, леса, минеральных удобрений, рыбных и других природных ресурсов, изменив в корне систему налогообло-

¹ Львов Д.С. Экономика развития. М., 2002.

жения собственности и личных доходов граждан. Государство должно поставить прочный заслон вывозу капитала за рубеж через офшорные зоны, принять меры по техническому перевооружению производства, а также сокращению социальной дифференциации. Это потребует резкого ограничения колоссальных доходов «новых русских» и их услуги и быстрого подъема благосостояния населения, прежде всего повышения заработной платы, особенно «бюджетников», и пенсий старшему поколению, десятилетиями трудившемуся для умножения экономической мощи страны.

Даже в наиболее богатых странах Западной Европы принята *дифференцированная* шкала налогообложения доходов физических лиц. Так, в Швеции налог превосходит 50% для наиболее состоятельных слоев. В результате различие в реальных доходах после вычета этого налога между 10% наиболее богатых и 10% самых бедных граждан — децильный коэффициент — колеблется в пределах 5—6 (в СССР он был еще ниже — порядка 3—4). В современной России, согласно официальной статистике этот коэффициент достигает 14,3, хотя в действительности он значительно выше; по подсчетам независимых экономистов, он равен 25—35, а в Москве превышает 50.

В странах Западной Европы через государственный бюджет перераспределяется более половины ВВП, а в РФ через федеральный и региональные бюджеты — вдвое меньше. Совершенно очевидно, что до тех пор, пока бюджет государства будет оставаться «тощим», не будет средств ни на инвестиции в «прорывные» отрасли промышленности, ни на вложения в «человеческий капитал», ни на повышение рождаемости и сокращение смертности, ни на повышение зарплаты «бюджетников», да и в целом пребывающего в бедности большинства населения *на первое время по меньшей мере в 3 раза*. Равно как не будет средств на создание достойных условий военнослужащим, на конструкторские разработки и оснащение новой техникой армии, флота, военно-космических сил. А на то, что перевооружение армии жизненно необходимо, прямо указывает ухудшение внешнеполитических позиций России, ужесточение политики США и их союзников в Европе в отношении нашей страны. Это ужесточение проявилось особенно после расширения ЕС и НАТО до границ бывшего СССР. С согласия В. Путина НАТО проникает и внутрь постсоветского пространства (Узбекистан, Таджикистан, Киргизия, Грузия).

Демографическая катастрофа является составной частью глубочайшего *социального кризиса, переживаемого Российской Федерацией после распада СССР*. Она не может быть преодолена без ликвидации бедности большинства народа и резкого сокращения социальной дифференциации. Удвоить ВВП за 10 лет — задача выполнимая, и без ее решения бедность народа не может быть ликвидирована. Опыт удвоения ВВП за 10 лет в 1950-е и 1960-е гг. в ФРГ (Эрхард) и Японии (Икэда) свидетельствует о том, что даже при несравненно более скромных ресурсах, чем в современной России, эта цель вполне достижима. Китай после прихода к власти Дэн Сяопина в 1978 г. *трижды* справлялся с задачей удвоения ВВП. Сейчас поставлена цель снова удвоить ВВП за 10 лет — в четвертый раз.

Однако в России дела идут по-прежнему, в «традиционном» (М. Фрадков) русле. За январь 2004 г. ВВП вырос на 10%. Но при этом цены на топливо выросли на 4%, а добыча нефти — основной источник поступления средств в казну — на 11,7%. Следовательно, ситуация сохраняется прежняя.

Прекращение разграбления России олигархией, коренное изменение социально-экономического курса, проводимого в интересах буржуазии Президентом и Правительством страны, — таково основное условие повышения благосостояния народа, а тем самым создания предпосылок для перелома социально-демографической ситуации, для старта весьма длительного, требующего десятилетий процесса прекращения вымирания русского и ряда других коренных народов страны, возрождения мощи и величия российского государства.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
РАЗДЕЛ I. ТЕОРИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ	13
Глава 1. Теоретическая социология как основа представлений о социальной структуре	13
Глава 2. О понятии социальной структуры, ее основных типах и видах	46
Глава 3. Социально-классовая структура и социальная стратификация	84
РАЗДЕЛ II. ЭВОЛЮЦИЯ СОЦИАЛЬНО-КЛАССОВОЙ СТРУКТУРЫ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА.	110
Глава 4. Социально-классовая структура советского общества. Теоретические вопросы	110
Глава 5. Эволюция социально-классовой структуры советского общества в послевоенный период	140
Глава 6. Возрастание социальной напряженности к концу рассматриваемого периода	161
РАЗДЕЛ III. ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В ПЕРИОД «РЕФОРМ» И «МОДЕРНИЗАЦИИ»	190
Глава 7. Социально-классовая структура современного российского общества	190
Глава 8. Изменения в социально-демографической структуре российского общества	230

Научное издание

РУТКЕВИЧ Михаил Николаевич

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА

Монография

Книга опубликована в авторской редакции

Разработка оформления художника *И. Пронина*

Художественный редактор *А.В. Антипов*

Компьютерная верстка *А.В. Антипов*

Корректор *О.Н. Богданова*

Сдано в набор 21.05.04. Подписано в печать 29.09.04. Формат 60 90/16.

Бумага офсетная. Гарнитура Ньютон. Печать офсетная.

Печ. л. 17,0. Усл. печ. л. 17,0. Уч.-изд. л. 15,95.

Тираж 1000 экз. Заказ

Издательский дом «Альфа-М»

Адрес: 127214, Москва, Дмитровское ш., 107

Тел./факс: (095) 485-51-77

E-mail: alfa-m@inbox.ru